

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ XIX.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:	Стр.
Религіозно-политическія воззрѣнія ветхозавѣтныхъ ложныхъ пророковъ въ ихъ борьбѣ съ истинными пророками іеговы. <i>Н. Лысогорскаго</i>	1—24
Архіепископъ Веофилактъ Руссановъ, русскій проповѣдникъ—философъ эпохи конца XVIII в. и нач. XIX в. (Окончаніе). <i>А. Ельчутова</i>	25—50
Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“. (Опытъ психологической критики). (Продолженіе). <i>Н. Боголюбова</i>	51—77
О преподаваніи Основнаго Богословія въ духовныхъ семинаріяхъ. <i>Павла Леситова</i>	78—83
„Соціализмъ“ въ изслѣдованіи Винтора Катрейна. (Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія). (Продолженіе). <i>Священника Н. Липскаго</i>	84—98
II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	

Содержаніе. I. Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Журналъ Общаго Собранія Бѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и церкви Православной во имя Пресвятыя Богородицы.—Отчетъ Бѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и Церкви православной во имя Пресвятыя Богородицы за 1906 годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Слово ко дню тезоименитства Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, 5 октября 1907 года.—*Священника Данила Попова*.—Голосъ церкви.—„Вы—свѣтъ міра“.—*Священника Николая Загорскаго*.—Церковные доходы и ихъ назначеніе въ первенствующей христіанской церкви.—*Протоіерея Алексѣя Ефимова*.—Взглядъ впередъ (Стихотвореніе).—II.—Миссіонерскій листокъ. Сектантскій съѣздъ въ столицѣ. Образцовая мѣра для борьбы съ расколомъ.—Изъ общественной жизни Россіи.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 99—142).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ ад. Присут. мѣсть.
1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣла богословско-философскаго. Въ него входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ланіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. 50 к. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

4. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1906 г. Цѣна 40 к.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣемъ.

Евр. XI.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗРЪНІЯ ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛОЖНЫХЪ ПРОРОКОВЪ ВЪ ИХЪ БОРЬБѢ СЪ ИСТИННЫМИ ПРОРОКАМИ ІЕГОВЫ ¹⁾.

Съ лжепророками мы встрѣчаемся въ царствѣ іудейскомъ и израильскомъ. Несомнѣнно, среди лжепророковъ было много такихъ, которые руководились въ своихъ дѣйствіяхъ корыстными расчетами, не имѣя въ виду опредѣленныхъ религіозно-политическихъ возрѣній. Это были простые обманщики, пользовавшіеся обстоятельствами для своихъ личныхъ выгодъ. Подобные люди всегда и вездѣ бываютъ, готовые за деньги рѣшиться на что угодно, пожертвовать самымъ дорогимъ и святымъ для человѣка. Такое заключеніе можно вывести прежде всего изъ VI главы книги Нееміи, гдѣ о ложныхъ пророкахъ и пророчицахъ замѣчается, что они интриговали противъ Нееміи не по убѣжденію, а были подкуплены Санаваллатомъ. Яснѣе о подобныхъ пророкахъ говорится у Михея: „они (лжепророки) проповѣдуютъ миръ, а кто ничего не кладетъ имъ въ ротъ, противъ того объявляютъ войну“ ²⁾. Слѣдовательно, пророки, которыхъ имѣетъ въ виду Михей, смотрѣли на свое служеніе, лишь какъ на средство добыванія себѣ пропитанія, и, смотря по обстоятельствамъ, могли говорить „за“ и „противъ“. Пророкъ Іезекіиль также наблюдалъ среди ложныхъ пророковъ безславившихъ имя Іеговы „за горсти ячменя и за

¹⁾ Въ настоящее время, время борьбы въ нашемъ отечествѣ разныхъ политическихъ партій и ихъ представителей; связывающихъ притомъ иногда свою дѣятельность съ интересами религіи, любозпытно и по научнымъ и по бытовымъ соображеніямъ остановиться на уясненіи религіозныхъ и политическихъ возрѣній ветхозавѣтныхъ руководителей еврейскаго народа, лжепророковъ, способствовавшихъ во всякомъ случаѣ своей дѣятельностью гибели еврейскихъ царствъ.

²⁾ Мих. III, 5.

куски хлѣба“, обманывавшихъ народъ пустыми видѣніями ¹⁾). Конечно, подобные люди о религіи и политикѣ мало заботились.

Но среди лжепророковъ, несомнѣнно, были и люди идейные. То одушевленіе, та самоувѣренность, которыя мы видимъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ ложныхъ пророковъ, могутъ быть объяснены только сознаниемъ того, во имя чего и для чего они говорятъ. Въ книгѣ пр. Іереміи разсказывается такой поразительный случай ²⁾). Когда Іеремія угрожалъ народу плѣномъ и, символически изображая это бѣдствіе для Іудей, надѣлъ ярмо на шею, Ананія, одинъ изъ ложныхъ пророковъ, разбилъ ярмо и сказалъ: „такъ говоритъ Господь: сокрушу ярмо царя Вавилонскаго“ (ст. 2). При этихъ словахъ даже Іеремія какъ будто поколебался: „да будетъ такъ, да сотворитъ сіе Господь, да исполнитъ слова твои“ (ст. 6), сказалъ онъ. Очевидно, Ананія руководился въ данномъ случаѣ какимъ то сильнымъ убѣжденіемъ, если самъ Іеремія почти готовъ былъ согласиться съ Гаваонскимъ пророкомъ.

Чтобы лучше выяснитъ вопросъ о возрѣніяхъ лжепророковъ, посмотримъ, въ какомъ отношеніи стояли лжепророки къ еврейскому обществу.

По смыслу завѣта Бога съ Евреями при Синаѣ въ израильскомъ царствѣ устанавливался теократическій строй. Іегова Самъ становился непосредственнымъ руководителемъ евреевъ, царемъ ихъ, и не только въ религіозной, но и въ государственной и общественной жизни. Израиль обязывался поступать по волѣ и указанію Іеговы. Вся жизнь Израиля должна была опредѣляться его религіозными стремленіями. Онъ выдѣлялся изъ среды другихъ народовъ, дѣлался избранникомъ Всевышняго, духовнымъ сѣменемъ, на которомъ надлежало исполниться великимъ обѣтованіемъ Божиимъ, даннымъ Аврааму, Исааку и Іакову ³⁾).

Послѣдующая жизнь евреевъ однако представляетъ постепенное отклоненіе отъ завѣта съ Іеговой. Овладевъ Палестиной, евреи, вопреки божественному повелѣнію, оставили ту-

¹⁾ Іезек. XIII, 19, 23; ср. Іерем. VI, 13; VIII, 10.

²⁾ Іерем. XXVIII.

³⁾ Исх. XIX—XXXI; XI; Лев. I—XXVII.

земцевъ среди себя, даже когда въ нихъ не было нужды, сдѣлавъ ихъ своими данниками ¹⁾. А оставивъ хананеевъ между своими владѣніями, израильтяне не удержались, вопреки повелѣнію Іеговы ²⁾, отъ взаимообщенія съ ними,—стали „брать дочерей ихъ себѣ въ жены и своихъ дочерей отдавать за сыновей ихъ“ ³⁾. Послѣдствіемъ-же родственныхъ связей съ языческими племенами явилось забвеніе Іеговы и служеніе „Вааламъ и Астартамъ“ ⁴⁾. Такъ было въ періодъ судей.

Затѣмъ наступаетъ періодъ царей. Теократическій строй еврейскаго государства не исключалъ возможности царскаго правленія въ Израилѣ; напротивъ, такой строй предполагался въ самомъ законѣ ⁵⁾. И если бы просьба о царѣ была результатомъ развитія способности Израиля къ высшимъ формамъ общественной жизни, то Іегова требованіе израильтянъ отъ Самуила поставить имъ царя не счелъ-бы за оскорбленіе Своего величія. Но израильтяне просили Самуила дать имъ царя, подобнаго царямъ сосѣднихъ языческихъ народовъ: „Пусть царь будетъ надъ нами, и мы будемъ, какъ прочіе народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить предъ нами, и вести войны наши“ ⁶⁾. Съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія Іудеи были правы. Историкъ не осудилъ бы евреевъ за ихъ поступокъ. Они погрѣшили противъ Іеговы, лишь вслѣдствіе особаго завѣта своего съ Нимъ. Если принять во вниманіе этотъ завѣтъ, то ясно становится, что въ данный моментъ въ Израилѣ обнаружилась склонность жить не тою божественною жизнью, къ которой призывалъ его Іегова, а жизнью обыкновенною, человѣческою. Израильтяне отвергаютъ Іегову, чтобы Онъ не царствовалъ надъ ними ⁷⁾, значить, возстаютъ противъ теократическаго своего устройства.

Удовлетворяя стремленію евреевъ имѣть царя, Господь опредѣлилъ границы власти еврейскихъ царей, придавъ намѣренію

1) Суд. I, 26. Ограждал евреевъ отъ вліянія хананеевъ, опаснаго для чистоты истиннаго богопочтенія, Іегова заповѣдалъ своему народу истреблять туземцевъ, только не сразу, дабы „земля не сдѣлалась пуста и не умножились звѣря полевые“. (Иск. XXIII, 24, 33; 29—30).

2) Иск. XXXIV, 15, 16.

5) Втор. XXVIII, 36.

3) Суд. III, 5, 6.

6) 1 Царст. VIII, 19—20.

4) Тамъ же, III, 7.

7) 1 Царст. V III, 7; ср. XII, 12.

евреевъ относительно царя ту форму, въ какой оно не было предосудительно для теократіи. По божественной идеѣ ¹⁾, еврейскіе цари не должны были походить на царей окружающих ихъ государствъ. Власть ихъ не могла быть такою произвольною, какъ власть сосѣднихъ правителей. Іегова по прежнему оставался царемъ и руководителемъ Своего народа. Видимые же цари должны были являться лишь представителями божественной власти, и потому въ своемъ управленіи народомъ обязаны были подчиняться волѣ Іеговы, какъ Верховнаго Повелителя избраннаго народа ²⁾.

Въ дѣйствительности произошло однако иное. Цари еврейскіе въ большинствѣ случаевъ стали какъ разъ отвѣчать тѣмъ мірскимъ стремленіямъ народа, которыя обнаружались при началѣ установленія новой формы правленія. Они нерѣдко забываютъ теократическій строй Израиля, историческое призваніе евреевъ и свое собственное назначеніе. Въмѣсто того, чтобы способствовать возвышенію истинной религіи, цари иногда до такой степени увлекаются иноземною культурою, что все національное, даже отечественная, единственно-истинная на землѣ вѣра, имъ кажется низкою, вульгарною. Они принимаютъ подъ свое покровительство тѣхъ, которые сочувствуютъ имъ и своимъ авторитетомъ, своею внѣшнею принудительною силою усиливаютъ плотскія стремленія въ народѣ, примѣшивая къ нимъ свои личные интересы и такимъ образомъ сообщая имъ извѣстный отбѣнокъ.

При всемъ томъ среди евреевъ даже въ періоды наибольшаго религіозно-нравственнаго упадка не изсякало сѣмя святое ³⁾, въ которомъ свѣтился свѣточъ богооткровенной религіи, — всегда былъ „остатокъ“ истинныхъ послѣдователей Іеговы, достойныхъ и способныхъ къ воспріятію раздававшихся въ ту пору великихъ обѣтованій Божіихъ ⁴⁾.

Итакъ въ еврейскомъ народѣ существовало два противоположныхъ направленія: одно съ мірскими взглядами и идеалами,

¹⁾ 1 Цар. XII, 14—15; 25.

²⁾ 1 Царст. XV, 22—23.

³⁾ Исаія VI, 13.

⁴⁾ Іер. XXIII, 3; Ссф. II, 3; III, 11—15; Іез. XLIV, 15.

постепенно, подь вліяніемъ различныхъ благопріятныхъ условій развивавшееся въ своей интенсивности и захватывавшее все большую часть народа;—другое остававшееся вѣрнымъ завѣту съ Іеговою и въ соотвѣтствіи съ первымъ постепенно уменьшавшееся въ своемъ числѣ.

Представителями лучшей части Израиля являются пророки, выступающіе какъ органы Іеговы для противодѣйствія усилившимся среди евреевъ плотскимъ интересамъ ¹⁾, призванные „искоренять зло“ и „насаждать добро“ ²⁾. А когда выступили пророки для охраны богооткровенной религіи въ избранномъ народѣ, тогда естественно было и противоположной партіи выдвинуть тоже своего рода пророковъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе бороться съ своими противниками.

Имѣемъ подтвержденіе высказанныхъ мыслей. Когда Іеремія угрожалъ іудеямъ за ихъ нераскаянность проклятіемъ Іерусалима, то „священники и пророки и весь народъ“, выслушавши Іеремію, „схватили его и сказали: ты долженъ умереть; зачѣмъ ты пророчествуешь именемъ Господа и говоришь: и домъ сей будетъ, какъ Силомъ, и городъ сей опустѣетъ, останется безъ жителей“? Съ цѣлью предать Іеремію смертной казни, какъ человѣка, который пророчествуетъ прогивъ города Іерусалима во ушію всѣхъ, слѣдовательно, является политическимъ преступникомъ, „священники и пророки“ представили Іеремію на судъ „князей и всего народа“. Послѣдніе однако не согласились съ приговоромъ „священниковъ и пророковъ“ относительно Іереміи: Іеремія, по ихъ признанію „говорилъ именемъ Господа Бога“, а „вѣкоторые изъ старѣйшинъ земли“ въ оправданіе Іереміи привели даже исторической примѣръ изъ временъ іудейскаго царя Езекии, когда подобныя же пророчества противъ Іерусалима раздавались изъ устъ Михея Морасегтянина, и однако народъ не умертвилъ за то Михея; напротивъ, іудеи тогда вняли слову пророка, и Господь

¹⁾ „Я поставилъ тебя, говорятъ Господь Іереміи, укрѣпленнымъ городомъ и желѣзнымъ столбомъ и мѣдною стѣною на всей этой землѣ противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей“ (Іер. I, 18). „Какъ алмазь, который крѣпче камня“, обращается Іегова къ другому пророку, „сдѣлалъ Я чело твое крѣпкимъ противъ ихъ любовь“ (Іез. III, 8—9).

²⁾ Іерем. I, 10.

отмѣнилъ свое намѣреніе объ Іудеѣ. Одновременно съ Іере-
міею пророчествовалъ противъ города Іерусалима и противъ
земли іудейской нѣкто Урія изъ Каріаѳарима и также возбу-
дилъ противъ себя преслѣдованія со стороны „царя Іоакима,
вельможей и князей его“. Избѣгая ихъ, Урія скрылся въ
Египтѣ, но, по требованію Іоакима, египетское правительство
выдало Урію своему вассалу, и Іоакимъ предалъ пророка
Божія смертной казни ¹⁾. Изъ этого разсказа пророка Іере-
міи видно, что истинные пророки вели борьбу не съ отдѣль-
ными личностями, а противъ всего народа іудейскаго, погрязшаго
въ нечестіи, руководителями и представителями этого народа
являлись лжепророки и священники,—лжепророковъ дѣятельно
поддерживали царь ²⁾ и вельможи, но что и истинные пророки не
оставались совершенно одинокими въ этой борьбѣ—ихъ защи-
щали тоже народъ, князья и старѣйшины. Значитъ, это и
была борьба двухъ народныхъ партій, борьба двухъ противо-
положныхъ направленій,—царства Іеговы съ царствомъ отъ
„міра сего“, и лжепророки были одними изъ руководителей и
представителей этой худшей части іудейскаго общества.

Что лжепророки были представителями и руководителями
худшей части іудейскаго народа, эта мысль съ ясностію про-
водится и въ другихъ мѣстахъ св. Писанія. „Сердце мое во
мнѣ раздирается, всѣ кости мои сотрясаются; я—какъ пьяный,
какъ человѣкъ, котораго одолѣло вино“ ²⁾, такую невыразимую
скорбью предваряетъ св. Іеремія характеристику ложныхъ про-
роковъ. „Они прелюбодѣйствуютъ, ходятъ во лжи“ ³⁾, „споты-
каются отъ крѣпкихъ напитковъ, добавляетъ другой пророкъ,
побѣждены виномъ, обезумѣли отъ сикеры...; ибо всѣ столы
наполнены отвратительною блевотиною, нѣтъ чистаго мѣста“ ⁴⁾.
Но „стыдятся-ли они, дѣлая мерзости? Нѣтъ, нисколько не
стыдятся и не краснѣютъ“ ⁵⁾. Такъ глубоко было собственное
ихъ нечестіе! Будучи-же развращены сами, они и другихъ
вели къ гибели. „И въ пророкахъ Самаріи, говоритъ Господь
устаами Іереміи, Я видѣлъ безуміе; они пророчествовали име-

¹⁾ Іер. XXVI, 6—23.

²⁾ Іер. XXIII, 9.

³⁾ Іер. XXIII, 14.

⁴⁾ Исаіи XXVIII, 7—8).

⁵⁾ Іер. VI, 15.

немъ Ваала—и ввели въ заблужденіе народъ Мой, Израиля. Но въ пророкахъ Іерусалима Я вижду ужасно...: они поддерживаютъ руки злодѣевъ, чтобы никто не обращался отъ своего нечестія“¹⁾. По ихъ винѣ, „нечестіе распространилось на всю землю“²⁾. Здѣсь необходимо также обратить вниманіе на тотъ фактъ, что лжепророки дѣйствуютъ параллельно служенію истинныхъ пророковъ; затѣмъ, по словамъ Іереміи, они пророчествуютъ лишь предъ пренебрегающими Іегову и поступающими по упорству сердца своего“³⁾, т. е. слова ихъ слушаются массою народа, склонною къ чувственности, и толпа увлекается льстивыми рѣчами лжепророковъ, очевидно, потому, что находитъ въ нихъ отвѣтъ на свои стремленія.

Если же лжепророки являлись представителями и руководителями худшей части еврейскаго народа, то, ясно, и міровоззрѣніе ихъ было одинаково съ міровоззрѣніемъ массы еврейскаго народа, его худшей части. Отсюда уяснить религіозно-политическія воззрѣнія лжепророковъ значитъ тоже, что изложить религіозно-политическія воззрѣнія той худшей части еврейскаго народа, представителями которой выступали лжепророки. Скажемъ сперва о лжепророкахъ іудейскихъ. Такъ какъ свѣдѣнія объ іудейскихъ лжепророкахъ находимъ главнымъ образомъ у Іереміи и у Іезекіиля, то лжепророковъ этого времени будемъ имѣть въ виду по преимуществу. Итакъ, посмотримъ какія религіозныя воззрѣнія составляли достояніе народной іудейской массы, представителями коихъ были лжепророки.

Человѣкъ, изнѣженный чувственностію, неспособенъ понимать истинный смыслъ закона Божія; да онъ и не хочетъ этого. Извращенная воля его всегда стремится истолковать и самыя непреложныя истины, направленныя противъ зла, въ свою пользу. На первыхъ порахъ извиненія нравственныхъ преступленій бываютъ робки, потому что въ каждомъ человѣкѣ есть внутренній законъ, не одобряющій того, что противорѣчитъ прямымъ заповѣдямъ Божиимъ. Но голосъ внутренняго

1) Іер. XXIII, 13—14; ср. Іез XIII, 22.

2) Іер. XXIII, 15.

3) Іер. XXIII, 17; ср. Іер. V, 31.

судии мало по малу можетъ быть настолько заглушенъ, что человекъ, наконецъ, становится тупымъ къ истинамъ религiи. Такъ какъ въ немъ преобладаютъ тогда страсти, то и всѣ вещи онъ цѣнитъ съ точки зрѣнiя господствующаго настроенiя и Самое Божество онъ готовъ бываетъ подчинить своимъ страстямъ. Такъ было съ iудеями. Пока въ нихъ живы были истинныя понятiя объ Iеговѣ и Его свягомъ, по строгомъ законѣ, до тѣхъ поръ iудей, если и увлекался идолослуженiемъ, то не надолго. Заплативши, такъ сказать, дань своей извращенной природѣ, онъ опять обращался къ Iеговѣ. Но потомъ, при болѣе сильномъ развитiи чувственности, отказываться отъ страстныхъ стремленiй ему становилось уже не по силамъ, а между тѣмъ страхъ предъ карающей десницей Iеговы еще не совсѣмъ исчезъ у него. И вотъ iудей прибѣгаетъ къ соглашенiю двухъ противоположныхъ чувствъ, извращая при этомъ весь смыслъ Откровенiя. Увлекаясь чувственностью, еврей однако ходитъ въ храмъ, приноситъ жертвы, не работаетъ въ субботу и, вообще, исполняетъ внѣшнюю сторону закона, оставляя безъ вниманiя духъ закона, безъ чего послѣднiй теряетъ всякое значенiе. Пророкъ Исаiя не находитъ достаточно словъ, чтобы изобразить это поражающее противорѣчiе въ поведенiи iудеевъ. „Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говоритъ: Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня. Волъ знаетъ владѣтеля своего, и осель—ясли господина своего; а Израиль не знаетъ Меня, народъ Мой не разумѣетъ. Увы, народъ грѣшный, народъ обремененный беззаконiями, племя злодѣевъ, сыны погибельные! Оставили Господа, презрѣли Святаго Израилева,—повернулись назадъ. Во что васъ бить еще продолжающiе свое упорство? Вся голова въ язвахъ и все сердце исчахло. Отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ у него здороваго мѣста: язвы, пятна, гноющiяся раны, неочищенные и необвязанные, несмазанные слеемъ“¹⁾. Съ такою рѣзкостью и такимъ чувствомъ, вырывающимся изъ глубины потрясенной души, свидѣтельствуетъ вдохновенный пророкъ отъ лица Iеговы о забвенiи избраннымъ народомъ Бога своего,

¹⁾ Ис. I, 2—6.

объ его крайней неблагодарности къ Іеговѣ и упорномъ противленіи самымъ сильнымъ средствамъ вразумленія. И не смотря на всю бездну своего развращенія, іудеи, по словамъ пророка, настолько усердно продолжаютъ исполнять законъ Моисея, что Іегова оказывается „пресыщеннымъ всесожженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота“ и не желаетъ больше „крови тельцовъ и агнцевъ и козловъ“ ¹⁾. Причина отвращенія Іеговы отъ жертвъ, приносить которыя въ честь Своего имени Онъ Самъ заповѣдалъ ²⁾, въ томъ, что іудеи исказили весь смыслъ предписаній о жертвахъ; стали соблюдать лишь внѣшнія обрядовыя требованія божественнаго закона, нисколько не заботясь о своемъ внутреннемъ ³⁾ настроеніи, объ исправленіи своихъ мыслей, желаній и чувствованій сообразно заповѣдямъ Божиимъ. Вслѣдствіе такого односторонне-внѣшняго характера, служеніе іудеевъ Іеговѣ, по выраженію пророка, превращается въ одно безплодное „топаніе дворовъ Господнихъ“ ⁴⁾. Оттого оно вмѣсто того, чтобы быть пріятнымъ Богу, только раздражаетъ Его. „Къ чему Мноѣ множество жертвъ вашихъ, говоритъ Господь?.. Не посите больше даровъ тщетныхъ: куреніе отвратительно для Меня... Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя: они бремя для Меня; мнѣ тяжело нести ихъ“ ⁵⁾.

Подобныя же указанія на противорѣчіе въ богопочтеніи іудеевъ находится въ книгѣ пророка Іереміи. И здѣсь Іегова жалуется устами пророка на іудеевъ за то, что „они словъ Его не слушали и законъ Его отвергли“ ⁶⁾, и при этомъ еще усиливаютъ гнѣвъ Господень многочисленными жертвами и многовоонными куреніями ⁷⁾, забывая заповѣдь, данную отцамъ ихъ, чтобы вмѣстѣ съ всесожженіями и жертвами Израиль слушался гласа Господня и ходилъ по всякому пути, который Іегова заповѣдуетъ ему ⁸⁾.

Такое непониманіе божественнаго закона, несохраненіе его духа, сдѣлалось ко времени пророка Іереміи почти всеобщимъ.

1) Ис. I, 11.

2) Исх. XX, 21.

3) Ис. XXIX, 13.

4) Ис. I, 12.

5) Ис. I, 11. 13—14.

6) Іер. VI, 19.

7) Іер. VI, 20.

8) Іер. VII, 22—23.

въ Іудеѣ. „Походите, говоритъ этотъ пророкъ, по улицамъ Іерусалима, и посмотрите и развѣдайте и поищите на площадяхъ его, не найдете ли человѣка, нѣтъ ли соблюдающаго правду, ищущаго истины?“ ¹⁾ Изъ наблюденій пророка оказывается: невѣжественные не хранятъ закона Господня, быть можетъ потому, что не знаютъ его; но люди „знатные“ знаютъ „законъ Бога своего“ и однакоже поступаютъ, какъ незнающіе,—тяготясь исполненіемъ его, они „сокрушили ярмо“ закона, „разсторгли узы“ его ²⁾).

Не смотря однакоже на искаженіе сущности закона Моисея, сами іудеи были вполне увѣрены, что они стоятъ на правильномъ пути, что „законъ Господень съ нами“ ³⁾. Не свои воззрѣнія и не свое поведеніе они обвиняютъ, выслушивая обличенія истинныхъ пророковъ,—по ихъ убѣжденію, еще „не исчезъ законъ у священника, совѣтъ у мудраго и слово у пророка“ ⁴⁾. То, о чемъ проповѣдуютъ лжепророки, народъ признаетъ истиннымъ; истинныхъ же пророковъ онъ считаетъ людьми вредными для общественнаго благополучія, очевидно потому, что они говорятъ противное его понятіямъ объ истинѣ. Поэтому іудеи составляютъ замысль противъ Іереми, чтобы „сразить его языкомъ“, или по меньшей мѣрѣ „не внимать словамъ его“ ⁵⁾. Пророка Іезекіиля іудеи переселенія слушали, но вовсе не потому, чтобы рѣчи его считали боговдохновенными, а потому, что Іезекіиль обладалъ бурнымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ при пѣвучемъ голосѣ,—его слушали „какъ пріятнаго и забавнаго пѣвца“ ⁶⁾. Кратко пророкъ Іезекіиль такъ характеризуетъ это заблужденіе въ міровоззрѣніи іудеевъ: „вотъ они отвергли слово Господне; въ чемъ-же мудрость ихъ“, хотя они и говорятъ: „мы мудры“. „Посрамились мудрецы, смутились и запутались въ сѣть“ ⁷⁾.

Разъ допустивши такое извращеніе понятій, іудеи, поддаваясь своимъ чувственнымъ влеченіямъ, естественно все больше отступали отъ Іеговы и утрачивали истинныя религіозныя по-

¹⁾ Іер. V, 1.

²⁾ Іер. V, 4—5.

³⁾ Іер. VIII, 8.

⁴⁾ Іер. XVIII, 18.

⁵⁾ Іер. XVIII, 18.

⁶⁾ Іез. XXXIII, 32.

⁷⁾ Іер. VIII, 8—9.

нятія. Исправляя внѣшнія требованія закона и служа языческимъ божествамъ, народъ мало по малу привыкалъ видѣть въ идолахъ дѣйствительныхъ боговъ, равныхъ Іеговѣ. Отсюда—почитапіе языческихъ боговъ наравнѣ съ Іеговою. Пророкъ Іеремія поражается, какимъ образомъ возможно такое совмѣщеніе несовмѣстимыхъ дѣйствій: идолослуженія и правственной разнузданности съ почитаніемъ Іеговы. „Какъ! говоритъ онъ, вы крадете, убиваете и прелюбодѣйствуете, и клянетесь во лжи, и кадите Ваалу, и ходите въ слѣдъ иныхъ боговъ, которыхъ вы не знаете, и потомъ приходите и становитесь предъ лицемъ Моимъ въ домъ Моемъ, надъ которымъ наречено имя Мое“ ¹⁾).

„Признавши языческія божества равными Іеговѣ, іудеи легко затѣмъ могли уже осквернить и самый храмъ Господень мерзостями идолослуженія. Дѣйствительно, священный исторіографъ повѣствуетъ о Манассіи, что онъ „соорудилъ жертвенникъ всему воинству небесному на обоихъ дворахъ дома Господня“, и въ самомъ храмѣ „поставилъ истуканъ Астарты“ ²⁾. А въ числѣ добрыхъ дѣлъ благочестиваго царя Іосіи тотъ же историкъ упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что, по его повелѣнію, первосвященникъ Хелкія вмѣстѣ съ священниками вынесли „изъ храма Господня всѣ вещи, сдѣланныя для Ваала и для Астарты и для всего воинства небеснаго“; вынесли также статую Астарты изъ дома Господня ³⁾. Послѣ Іосіи мы опять встрѣчаемъ въ храмѣ Іерусалимскомъ статуи языческихъ боговъ, предъ которыми совершались куренія наряду съ жертвоприношеніями Іеговѣ ⁴⁾).

Отъ низведенія Іеговы въ разрядъ языческихъ боговъ, недалеко былъ переходъ къ отрицанію самаго бытія „Іеговы,—признать вымышленнымъ, ложнымъ и такимъ образомъ, по слову пророка, „солгать на Господа“, сказавши: „нѣтъ Ею“ ⁵⁾. Послѣ этого понятнымъ становится крайняя безчувственность іудеевъ къ голосу Іеговы, почему они „лица свои сдѣлали крѣпче камня“ и „не хотѣли принять вразумленія“ ⁶⁾. Если

1) Іер. VII, 9—10.

2) 4 Цар. XXI, 5, 7.

3) 4 Цар. XXIII, 4, 6.

4) Іер. VII, 90.

5) Іер. V, 12.

6) Іер. V, 3; ср. VII, 28.

Иегова не существуетъ, то, іудеи, естественно, должны были считать рѣчи Его пророковъ „вѣтромъ“, пустыми словами, въ которыхъ „нѣтъ слова Господня“ ¹⁾. Кого хочетъ учить онъ вѣдѣнію“, говорили лжепророки и священники истинному пророку, „и кого вразумлять проповѣдью? отнятыхъ отъ груднаго молока, отлученныхъ отъ сосцовъ матери? Ибо все заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного“ ²⁾. Признавая же пророческія рѣчи одними словами безъ соответствующаго содержанія, іудеи, понятно, вмѣсто того, чтобы внимать обличеніямъ пророковъ, только глумились надъ ихъ предсказаніями такими, напримѣръ, ѣдкими и богохульными замѣчаніями: „гдѣ слово Господне? пусть оно придетъ“ ³⁾; „пусть Иегова поспѣшитъ и ускоритъ дѣло Свое, чтобы мы видѣли“ ⁴⁾. Надъ пророкомъ Іезекиїлемъ современники иронизировали въ томъ смыслѣ, что онъ, вѣроятно, пророчествуетъ объ очень отдаленныхъ событіяхъ ⁵⁾, такъ что настанетъ, пожалуй, время, когда пророчество потеряетъ всякое значеніе. Въ этомъ смыслѣ образавалась даже среди іудеевъ поговорка: „много дней пройдетъ и всякое пророческое видѣніе исчезнетъ“ ⁶⁾. Только при полномъ невѣріи возможно было произносить тѣ кощунственныя слова, которыя сохранилъ намъ пророкъ Исаія, какъ слова священниковъ и лжепророковъ и другихъ худителей имени Божія: „мы заключили союзъ со смертію и съ преисподнею сдѣлали договоръ: когда всепоражающій бичъ будетъ проходить, онъ не дойдетъ до насъ,—потому что ложь сдѣлали мы убѣжищемъ для себя, и обманомъ прикроемъ себя“ ⁷⁾.

И это богоотступничество являлось не какъ послѣдствіе одного простаго перадѣнія о заповѣдяхъ Божіихъ, а вмѣстѣ и какъ результатъ сознательнаго уклоненія въ идолослуженіе. „Какую неправду нашли во Мнѣ отцы ваши; свидѣтельствуешь Самъ Иегова, что удалились отъ Меня и пошли за суетою и осуетились“ ⁸⁾. Мысль здѣсь та, что іудеи оставили Иегову и

¹⁾ Іер. V, 13.

²⁾ Ис. XXVIII, 9—10.

³⁾ Іер. XVII, 15.

⁴⁾ Ис. V, 19.

⁵⁾ Іез. XII, 27.

⁶⁾ Тамъ же, 22.

⁷⁾ Ис. XXVIII, 15.

⁸⁾ Іер. II, 5.

стали почитать „тѣхъ, которые не помогаютъ“. Почитаніе идоловъ бесполезно, суетно („пошли за суетою“) и вводитъ въ суету („осуетились“), имѣеть своимъ послѣдствіемъ суетныя, несбыточныя надежды. Іудеи повѣрили въ силу суетныхъ языческихъ божествъ и вслѣдствіе этого удалились отъ союза съ Іеговою.

Тутъ могло произойти такое явленіе. Въ древнее время господствовало убѣжденіе, что благоденствіе всякаго народа зависитъ отъ его религіи. Іудеи, занятые земнымъ счастьемъ, надѣялись имѣть преимущество во внѣшнемъ благополучіи предъ окрестными народами, въ силу особаго завѣта своего съ Іеговою. Между тѣмъ дѣйствительность не радовала ихъ. Языческіе народы пользовались жизненными благами въ гораздо большей степени, чѣмъ они — народъ избранный. Гдѣ же причина этого явленія? Конечно, іудеи далеки были видѣть ее въ своемъ нарушеніи завѣта съ Іеговою. Исполняя формально законъ Моисеевъ, они были увѣрены въ томъ, что надлежащимъ образомъ почитаютъ Іегову и, слѣдовательно, достойны Его благоволенія. Если же, по ихъ убѣжденію, не въ нихъ причина недостатка ихъ благоденствія, то она, очевидно, кроется въ ихъ религіи; очевидно, Іегова—Богъ безсильный, не могущій дѣлать „ни добра, ни зла“ ¹⁾). Слѣдовательно, служеніе Ему бесполезно. И вотъ іудеи, чтобы быть такими-же счастливыми, какъ языческіе народы, начинаютъ слѣдовать ихъ религіямъ, замѣняя почитаніе „Бога крѣпкаго и живаго“ поклоненіемъ бездушнымъ истуканамъ.

Подобныя узко-эгоистическія соображенія относительно своего богопочтенія іудеи выражали открыто. Когда истинные пророки обличали ихъ въ забвеніи Іеговы и угрожали за то бѣдствіями, они высказывали прямое повѣріе въ силу Іеговы, могущаго награждать за добродѣтель и карать за беззаконія. Они были убѣждены въ несравненно большей пользѣ служенія „богипѣ неба“ и потому закрывали уши, чтобы отдѣлаться отъ надоѣдливыхъ, по ихъ мнѣнію, и пустыхъ рѣчей истинныхъ пороковъ. „Слѣво, которое ты говорилъ намъ именемъ Господа, мы не слушаемъ отъ тебя“, съ раздраженіемъ отвѣ-

¹⁾ Соф. I, 12.

чали іудеи на угрозы Іереміи объ истребленіи всей земли за печестіе народа, „но непремѣнно будемъ дѣлать все то, что вышло изъ устъ нашихъ, чтобы кадить богинѣмъ неба и возливать ей возліанія, какъ мы дѣлали, мы и отцы наши и князья наши, въ городахъ іудеи и на улицахъ Іерусалима. потому что тогда мы были сыты и счастливы и бѣды не видѣли. А съ того времени, какъ перестали мы кадить богинѣмъ неба и возливать ей возліанія, терпимъ во всемъ недостатокъ и гибнемъ отъ меча и голода“¹⁾. Для большей ясности приведенной хульной рѣчи іудеевъ можно замѣтить, что она была произнесена послѣ благочестиваго царствованія Іосіа. Это царствованіе окончилось весьма печально. Въ битвѣ съ египтянами при Мегидонѣ іудейское войско потерпѣло полное пораженіе; самъ Іосіа былъ убитъ, а Іудея послѣ того подпала подъ власть египетскаго фараона, который предписалъ ей весьма тяжелыя данническія условія²⁾. И вотъ испорченный народъ въ озлобленіи считаетъ виною своего политическаго несчастья возстановленіе Іосіею религіи Іеговы. При преемственникахъ Іосіа—Манассіи и Аммонѣ іудеи предавались идолопоклонству³⁾ и „были сыты и счастливы“. Уничтожилъ Іосіа поклоненіе чужеземнымъ богамъ, заставилъ своихъ подданныхъ служить Іеговѣ—они „гибнутъ отъ меча и голода“.

Эта своеобразная логика мыслей въ іудейскомъ народѣ тѣмъ болѣе понятна, что языческія религіи вовсе не предписывали такихъ строгихъ нравственныхъ требованій, какія были въ законѣ Моисеевомъ; напротивъ, языческія религіи иногда прямо потворствовали разврату, являясь чрезъ то сами по себѣ соблазнительными для чувственнаго народа.

Таковы были религіозныя воззрѣнія іудейскаго общества. Конечно, не всѣ іудеи содержали одинаково крайнія указанныя воззрѣнія,—скорѣе здѣсь было весьма много ступеней: въ ту пору, какъ одни спускались на самыя низшія ступени, другіе останавливались, не доходя до нихъ. Объ этомъ можно заключить на основаніи свидѣтельствъ пророковъ то о совершенномъ богоотступничествѣ іудеевъ⁴⁾, то объ одновремен-

1) Іер. XLIV, 16—18.

2) 4 Цар. XXIII, 29—35.

3) 4 Цар. XXI.

4) Іер. V, 12.

номъ почитаніи съ Іеговою языческихъ божествъ ¹⁾, то просто о нравственномъ отступничествѣ отъ Іеговы ²⁾.

Изложенныя религіозныя воззрѣнія извѣстной части іудейскаго народа содержали естественно и представители этой части, вожди ея, лжепророки,—содержали народныя воззрѣнія на всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, и отличіе лжепророковъ въ данномъ случаѣ отъ народа состояло въ томъ только, что лжепророки яснѣе представляли то, что смутно и неопредѣленно предносилось сознанію народной массы. Отсюда понятно, почему одни изъ ложныхъ пророковъ говорятъ отъ имени Іеговы ³⁾; а другіе совсѣмъ не признаютъ Его бытія и пророчествуютъ именемъ Ваала ⁴⁾. Предъ тѣми, которые еще почитали Іегову, лжепророки, представители этого еврейскаго общества, выступали какъ пророки истиннаго Бога; а предъ тѣми, которые отрицали Іегову и признавали языческія божества, или для которыхъ Ваальъ значитъ то же, что Іегова, другіе лжепророки—ихъ представители, не стѣснялись говорить отъ лица языческаго бога.

На основѣ религіозныхъ представленій слагались политическія воззрѣнія лжепророковъ. Если іудеи „подлинно народъ Іеговы, дѣти Его“ ⁵⁾, народъ избранный, которому даны великія обѣтованія, то, значитъ, на нихъ, іудеяхъ, и должны исполниться божественныя обѣтованія. Если пониманіе закона настолько извратилось въ массѣ іудейскаго народа, что свелось къ одному внѣшнему выполненію его, то іудеи и ихъ вожди—лжепророки, формально исполняя законъ, вполне достойны обѣщанныхъ благъ, данныхъ подъ условіемъ вѣрности Іеговѣ ⁶⁾.

¹⁾ Іер. VII, 9—10.

²⁾ Ис. XXIX, 15; I; Іер. VI, 19—20.

³⁾ Іер. XIV, 14—15; XXIII, 17; Іез. XIII, 6—7.

⁴⁾ Іер. II, 8.

⁵⁾ Ис. LXIII, 8.

⁶⁾ Пророкъ Іеремія, созерцая въ проороческомъ видѣніи картину будущаго разоренія Іерусалима и всей Іудеи, предвидитъ недоумѣвіе іудеевъ, „за что погшла страна и выжжена, какъ пустыня, такъ что никто не проходитъ по ней“ (Іер. IX, 12). Входя далѣе въ настроеніе своихъ соотечественниковъ во время этого опустошенія Іудеи, какъ бы уже существующее къ настоящему, пророкъ не находятъ среди руководителей еврейскаго народа мудреца, который понималъ бы истинную причину совершающагося несчастья (тамъ же). Пророчество

Между тѣмъ среди обѣтованій были такія, въ которыхъ обѣщалось избранному народу образованіе всемірнаго царства подъ властью Потомка Давида. Величайшій пророкъ Исаія въ порывѣ пророческаго вѣдѣнія восклицалъ: вотъ „произойдетъ отрасль отъ корня Іессеева“, вождь, „который соберетъ разсѣянныхъ іудеевъ отъ четырехъ концовъ земли“ ¹⁾; тогда возсіяетъ дивный свѣтъ надъ Іерусалимомъ, и всѣ народы „съ покорностью“ придутъ къ Іудеѣ ²⁾; а онъ сдѣлаетъ ихъ своими „рабами и рабынями“ ³⁾; „тогда сыновья иноземцевъ будутъ строить стѣны и цари ихъ—служить“ ему. Если же какія царства не захотятъ повиноваться избранному народу, то „погибнутъ и совершенно истребятся“ ⁴⁾. И будетъ извѣстно между народами сѣмя ихъ (Іудеевъ), и потомство ихъ—среди племенъ; всѣ видящія ихъ познаютъ, что они—сѣмя благословенное Господомъ“ ⁵⁾.

При извращенности религіозныхъ понятій, евреи легко могли мессіанскія мѣста толковать въ смыслѣ благопріятномъ для своихъ мірскихъ интересовъ, особенно лжепророки. „Остановись, не подходи ко мнѣ, потому что я святъ для тебя“ ⁶⁾, съ такимъ самомнѣніемъ и гордымъ презрѣніемъ ко всякому другому народу выражались о себѣ іудеи уже время пророка Исаи. Почему?—Очевидно потому, что неправильно, въ слишкомъ эгоистическомъ, земномъ смыслѣ, понимали свое особое назначеніе среди остальныхъ народовъ ⁷⁾.

Іереміи оправдалось. Когда настало тяжелое время вавилонскаго плѣна, іудеи, вмѣсто сознанія въ собственныхъ преступленіяхъ, съ горькою вроніею винили въ несчастьяхъ своихъ предковъ и Самого Іегову. Они полагали, что Іегова, карающій дѣтей за беззаконія отцовъ (Исх. XX, 5), и ихъ наказываетъ за вѣны предковъ, а не за личныя ихъ грѣха. „Отцы, говорили они, вѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина“ (Іез. XVIII, 2; Іер. XXXI, 29); но добавляли, „неправъ путь Господа“—несправедливъ Іегова, поступающій съ ними такимъ образомъ. Всѣ подобныя разсужденія истинныхъ пророковъ и іудеевъ показываютъ, до какой степени іудеи и при своемъ печестіи были увѣрены въ неотъемлемости ихъ правъ на обѣтованія Іеговы.

1) Ис. XI, 1, 12.

4) Ис. LX, 10, 12.

2) Тамъ же, LX, 1—4; 14.

5) Ис. LXI, 9.

3) Ис. XIV, 2.

6) Ис. LXV, 5.

7) Эти идеи въ особенности усилились позднѣе плѣна вавилонскаго. Тогда они сдѣлались настолько господствующими, что ихъ раздѣляли даже лучшіе представители еврейскаго общества. Такъ, мать силовой Заведеевыхъ, полагая, что

Если іудеи могли еще относить полное исполненіе обѣтованій Божіихъ о всемірномъ владычествѣ ихъ къ отдаленнымъ временамъ, то уже во всякомъ случаѣ они были вполнѣ увѣрены во всегдашней принадлежности имъ Палестины. При этомъ храмъ, какъ мѣсто избранное Иеговою для Своего пребыванія ¹⁾, по мнѣнію іудеевъ, служилъ самымъ надежнымъ ручательствомъ благоволенія къ нимъ Иеговы. Пророчество Исаи и Іоила о томъ, что „на горѣ Сіонѣ и въ Іерусалимѣ будетъ спасеніе“ ²⁾, что „надъ всѣмъ чтимымъ будетъ покровъ и шатеръ для освѣненія днемъ отъ зноя и для убѣжища и защиты отъ непогодъ и дождя“ ³⁾, подобныя пророчества о славѣ духовнаго Іерусалима, имѣющаго быть основаннымъ Потомкомъ Давида, лжепророки могли превратно толковать въ приложеніи къ существующему Іерусалиму, въ томъ смыслѣ, что Іудея находится внѣ опасности политической гибели. Дѣйствительно, изъ книги пророка Іереміи видно, что іудеи имѣли суевѣрный взглядъ на значеніе для нихъ Іерусалимскаго храма. Благоволеніе Иеговы, по ихъ понятіямъ, къ храму и отсюда къ избранному народу являлось необходимымъ, разъ Иегова обѣщался пребыть на Сіонѣ, какъ бы ни жили іудеи. „Здѣсь храмъ Господень, храмъ Господень“, значить, заключали іудеи, „мы спасены“ ⁴⁾; на этомъ мѣстѣ, твердили лжепророки, меча не будетъ, будетъ постоянный миръ ⁵⁾. Эта увѣренность въ безопасности Іерусалима существовала отчасти даже среди язычниковъ: „не вѣрили цари земли и всѣ живущіе во вселенной, чтобы врагъ и непріятель вошелъ во врата Іерусалима“ ⁶⁾. А іудеи даже во время самой осады города были убѣждены въ томъ, что Іерусалимъ не будетъ взятъ, что „халдеи непременно отойдутъ“ отъ города ⁷⁾, такъ что

Мессія будетъ земнымъ царемъ, спѣшитъ просить за своихъ сыновей Спасителя, чтобы Онъ далъ обѣщаніе посадить ихъ въ царствѣ Своёмъ: „одного по правую сторону, а другого по лѣвую“. Изъ дальнѣйшаго разсказа евангелиста объ этомъ фактѣ видно, что и „прочіе десять учениковъ“ не чужды были тѣхъ же воззрѣній на Мессію и потому „вознегодовали на двухъ братьевъ“, когда услышали ихъ просьбу о первенствѣ въ царствѣ Мессіи (Мѡ. XX, 20—24).

1) II Паралип. VII, 12, 16.

2) Іоил. II, 32.

3) Ис. IV, 5—6.

4) Іер. VII, 4, 10.

5) Іер. XIV, 13.

6) Плач. Іер. IV, 12.

7) Іер. XXXVII, 9.

пророкъ вынужденъ былъ отрезвлять самообольщеніе своихъ соотечественниковъ настойчивымъ заявленіемъ: „не обманывайте себя...; если-бы вы даже разбили все войско холдеевъ, воюющихъ противъ васъ, и остались бы у нихъ только раненные, то и тѣ встали бы, каждый изъ палатки своей, и сожгли бы городъ сей огнемъ“ ¹⁾. Быть можетъ, іудеи въ крайнемъ случаѣ надѣялись на какое-нибудь внезапное чудо, какъ это было при нашествіи Сеннахирима, царя Ассирійскаго, когда по молитвѣ Езекии и пророка Исаи ночью „Ангель Господень поразилъ въ станѣ Ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ“, такъ что на утро все поле оказалось покрытымъ мертвыми тѣлами ²⁾, и царь Ассирійскій принужденъ былъ „со стыдомъ возвратиться въ землю свою“ ³⁾.

Даже когда мечты о безопасности Іерусалима оказались напрасными,—столица и храмъ были разрушены, а большинство жителей отведено на берега Евфрата, и тогда іудеи, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ Авраама ⁴⁾, продолжали считать землю ханаанскую своимъ неотъемлемымъ достояніемъ: Авраамъ, разсуждала живущая на опустѣлыхъ мѣстахъ оставшаяся горсть іудеевъ на родинѣ, „Авраамъ былъ одинъ и получилъ землю во владѣніе, а насъ много“ ⁵⁾. Они признавали возможнымъ „жить вдали отъ Господа“ и все-таки быть наслѣдниками земли обѣтованной, потому что она отдана имъ въ вѣчное владѣніе ⁶⁾. Равно и плѣнные іудеи надѣялись на скорое возвращеніе въ отечество, въ чемъ настойчиво увѣряли лжепророки ⁷⁾.

Съ другой стороны, въ эпоху пророковъ Іереміи и Іезекіиля,

¹⁾ Іер. XXXVII, 10.

²⁾ 4 Цар. XIX, 35.

³⁾ 2 Парал. XXXII, 21.

⁴⁾ Это самоиѣніе развилось у іудеевъ еще болѣе послѣ плѣна вавилонскаго и выражалось со всею силою въ средѣ фарисеевъ. „Мы сыны Авраамова“; отецъ нашъ есть Авраамъ“, съ надменнымъ сознаніемъ своего родовитаго происхожденія заявляли фарисеи Іисусу Христу, но дѣлъ, которыми прославлялся отецъ вѣрующахъ, не творили (Іоан. VIII, 33, 39); слѣдовательно, считали себя достойными милостей Господнихъ вслѣдствіе одного плотскаго происхожд. отъ Авраама.

⁵⁾ Іезек. XXXIII, 24;

⁶⁾ Іезек. XI, 15.

⁷⁾ Іерем. XXIX, 8—11.

когда особенно усилилась дѣятельность лжепророковъ, на сценѣ всемірной исторіи создавались условія, благопріятствовашія развитію политическихъ грезъ лжепророковъ относительно Іудеи. Послѣ трагически окончившагося нашествія Сеннахирима на Іудею великая ассирійская монархія, „бичъ азіатскихъ народовъ“, быстро начала клониться къ упадку. Въ 625 г. до Р. Хр. мидійскій царь Ассуйръ ¹⁾ или Кіаскаръ подступилъ было уже къ самымъ стѣнамъ Ниневіи ²⁾. Но въ это время въ предѣлы Мидіи вторглись европейскія кочевыя племена скиѳовъ. Мидійское войско вслѣдствіе этого принуждено было оставить Ниневію и выступить на встрѣчу невѣдомому до тѣхъ поръ врагу. Скиѳы разбили мидянъ и вслѣдъ затѣмъ быстро подчинили своему владычеству государства западной Азіи. Берегомъ Сиріи и Палестины они прошли даже до Египта, подвергая на пути всѣ города и поля страшному разоренію ³⁾. Іерусалимъ при этомъ все истребляющемъ движеніи дикой орды не подвергся разрушенію: вѣроятно, Іосія сумѣлъ богатыми подарками отклонить губительный мечъ скиѳовъ. Господство скиѳовъ надъ азіатскими народами продолжалось около 19 лѣтъ, почти не касаясь Іудеи ⁴⁾. Положеніе Іерусалима, оказавшееся въ это время исключительнымъ среди окрестныхъ государствъ, какъ и послѣ отступленія Сеннахирима отъ святаго города, при извѣстной извращенности понятій іудеевъ, могло только убѣждать ихъ и ихъ вождей—лжепророковъ въ неприступности Іерусалима, въ силу данныхъ о немъ Богомъ обѣтованій.

Скиѳы, какъ внезапно появились въ Азіи, такъ же неожиданно оставили свои азіатскія завоеванія, удалившись обратно въ Европу ⁵⁾. Тогда опять началась борьба азіатскихъ государствъ изъ-за преобладанія. Кіаскаръ Мидійскій въ союзѣ съ правителемъ Вавилоніи осадилъ Ниневію и разрушилъ ее

1) Тов. XIV, 15.

2) Геродотъ 1. 103, Ленорманъ. „Руководство къ древней исторіи востока, выпускъ I. Кіевъ. 1876. стр. 343.

3) Геродотъ, 1, 103—106.

4) Ленорманъ. Руководство, вып. I, стр. 313.

5) Геродотъ 1. 106; IV, 1.

(около 606 г. до Р. Хр.) ¹⁾. Между тѣмъ египетскій Фараонъ Нехао, пользуясь осложненіемъ политическихъ дѣлъ въ Азіи, побѣдоносно прошелъ съ своею арміею до Евфрата ²⁾. Іудея послѣ несчастной битвы при Мегидонѣ должна была признать себя вассаломъ египетскаго Фараона, который поставилъ ей царемъ сына Іосія—Іоакима и обложилъ ее громадною данью ³⁾. Но дальнѣйшее завоевательное движеніе Нехао было остановлено Навуходоносоромъ, сыномъ вавилонскаго царя Набонассара, командовавшимъ вавилонскимъ войскомъ. Потерпѣвши страшное пораженіе при Кархемисѣ ⁴⁾, египетскій Фараонъ вынужденъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Азіи ⁵⁾. Такимъ образомъ тяжелая рука египтянъ, наложенная на іудеевъ Нехао, была снята съ нихъ вавилопчанами. Для іудеевъ въ этомъ фактѣ особенно примѣчательнымъ являлось то, что не сами они, а другой, чуждый имъ народъ, являлся какъ бы невольнымъ ихъ защитникомъ. Это обстоятельство опять могло вліять на развитіе среди нихъ убѣжденія въ нескрушимости іудейскаго царства.

По естественному теченію исторіи, власть Нехао надъ Іудеею должна была перейти къ вавилонскому царю, какъ одержавшему побѣду надъ Египтомъ. Но Вавилонъ на первыхъ порахъ не могъ казаться опаснымъ для Іудей: Это было государство юное, недавно выступившее на сцену всемірной исторіи въ самостоятельной роли, государство пока само нуждавшееся во внутреннемъ благоустройствѣ. Дѣйствительно, Навуходоносоръ вскорѣ послѣ Кархемисскаго сраженія поспѣшилъ въ столицу, когда пришла къ нему вѣсть о смерти отца; чтобы упрочить за собою престолъ ⁶⁾, который могъ быть легко поколебленъ при только что начавшейся царской династии. Равнымъ образомъ и бывшая союзница Вавилона при взятіи Ниневіи, Мидія тоже, повидимому, не представ-

1) Геродотъ I. 106. Труд. К. Ак. 1898 г. т. III, прилож. стр. 274—5.

2) Геродотъ II. 159, 4 Царств. XXIV, 7.

3) 4 Царств. XXIII, 29—35.

4) Іерем. XLVI, 2.

5) 4 Царств. XXIV, 7.

6) Берсъзъ, см. у Ленормана. Руководство къ древней исторіи востока, вып. I, Кіевъ. 1876, стр. 396.

ляла опасности для Іудеи, потому что путь ея лежалъ чрезъ Вавилонъ; при наступательномъ военномъ движеніи ей нужно было сначала завоевать это государство. Итакъ образовавшіяся послѣ разгрома Ассиріи распредѣленіе большихъ государствъ не предвѣщало для поверхностнаго взгляда ничего угрожающаго. И народъ іудейскій въ полной увѣренности относительно безопасности своего отечества вмѣстѣ съ лжепророками предавался чувственнымъ удовольствіямъ ¹⁾.

Пророкъ, поставленный бытъ стражемъ дома Израилева, не могъ равнодушно переносить такую безпечность своихъ соотечественниковъ. Обличая народъ въ нечестіи, онъ устрашаетъ его приближающимися общественными бѣдствіями. „Вотъ Я пошлю и возму всѣ племена сѣверныя, говоритъ Господь, и пошлю къ Навуходоносору, царю Вавилонскому рабу Моему, и приведу ихъ на землю сію; на жителей ея и на всѣ окрестныя народы...

И вся земля эта будетъ пустынею и ужасомъ и народы сіи будутъ служить царю Вавилонскому семьдесятъ лѣтъ“ ²⁾. Въ противовѣсъ ложному представленію лжепророковъ и вообще іудеевъ о значеніи Іерусалимскаго храма для политической безопасности Іудеи пророческому взору рисуется уже судьба: земли святой, оставленной Іеговою: „слышенъ вопль пастырей и рыданіе вождей стада, ибо опустошилъ Господь пажити ихъ. Онъ оставилъ жилище Свое, какъ левъ; и земля ихъ сдѣлалась пустынею отъ ярости опустошителя и отъ пламеннаго гнѣва Его“ ³⁾. Пророчество Іереміи не замедлило исполняться. Вавилонскій царь предпринялъ новый походъ въ Сирію, для покоренія мелкихъ государствъ западной Азіи съ тѣмъ, чтобы потомъ вступить въ борьбу съ Египтомъ. Іоакимъ, во избѣжаніе разоренія страны и по вліянію вельможъ, призналъ себя его вассаломъ ⁴⁾. Навуходоносоръ удовлетворился этою покорностью іудейскаго царя; онъ только взялъ заложниковъ изъ знатныхъ фамилій и захватилъ часть драгоценныхъ сосудовъ изъ храма Іерусалимскаго ⁵⁾ Но чрезъ три

1) Іерем. XXV, 3—8, 18.

2) Іерем. XXV, 9—11.

3) Іерем. XXV, 36, 38.

4) 4 Цар. XXIV, 1.

5) Давидъ I, 1—4.

года послѣ того, какъ Іудея сдѣлалась данницею Вавилона, Іоакимъ въ союзѣ съ Финикією, и главное въ надеждѣ на помощь Египта отложился отъ Навуходоносора ¹⁾ и за это долженъ былъ жестоко поплатиться. Вавилонское войско снова явилось подъ стѣнами Іерусалима. Іоакимъ былъ убитъ ²⁾. Преемникъ Іоакима—Іехонія послѣ трехмѣсячнаго сопротивленія вынужденъ былъ сдать городъ Навуходоносору. На этотъ разъ побѣдитель вмѣстѣ съ Іехонією переселилъ въ Вавилонъ весь Іерусалимъ, и всѣхъ князей и все храброе войско ..., и всѣхъ плотниковъ и кузнецовъ“, такъ что въ іудейской столицѣ „никого не осталось, кромѣ бѣднаго народа земли“. При этомъ халдеи, какъ и въ первое пашествіе, захватили изъ Іерусалима массу драгоценностей, украшавшихъ храмъ Господень и царскіе дворцы. Царемъ же среди оставшагося народа Навуходоносоръ поставилъ дядю Іехоніи „Седекію ³⁾).

Казалось бы, теперь іудеи перестанутъ увлекаться несбыточными мечтами о благоденствіи своего отечества. Въ дѣйствительности же эти мечты усиливаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножаются главные распространители ихъ—лжепророки. Какимъ образомъ? Когда народъ подпадаетъ подъ власть другого народа, то, привыкнувъ къ свободѣ, онъ не сразу мирится съ своимъ новымъ тяжелымъ положеніемъ. Ему все еще предносится возможность сверженія ненавистнаго ига, если только онъ дружно возстанетъ на непріятеля. Онъ долго еще вѣритъ въ свою силу, пока наконецъ она не будетъ совершенно уничтожена. Самая потеря самостоятельности служитъ для него сильнымъ толчкомъ къ подъему патриотизма. Если не всѣ граждане бываютъ таковы, то, по крайней мѣрѣ, большинство. Отсюда появленіе политическихъ партій. И въ Іудеѣ послѣ пашествія Навуходоносора, несомнѣнно, образовалась партія, жаждавшая возстановленія независимости. Руко-

¹⁾ 4 Цар. XXIV, 1.

²⁾ Трупъ его долгое время валялся на площади и у городскихъ стѣнъ, какъ и предсказывалъ пророкъ Іереміа: „не будутъ оплакивать его; ослинымъ погребеніемъ будетъ онъ погребенъ; вытащатъ его и бросятъ далеко за ворота Іерусалима. и уши, величіе его!“ (Іерем. XXII, 18—19; XXXVI, 30).

³⁾ 4 Царств. XXIV, 8—17.

водители этой партіи, конечно, изыскивали всевозможныя средства для распространенія своихъ идей, для возбужденія народа къ поголовному возстанію противъ Вавилона, и лжепророки, безъ сомнѣнія, стояли во главѣ этой партіи ревнителей національной самостоятельности.

Справедливость высказаннаго предположенія оправдывается библейскими показаніями. Изъ столкновеній пророка Іереміи съ іерусалимскими лжепророками видно, что лжепророки настойчиво распространяли въ народѣ убѣжденіе о возможности освобожденія Іудеи изъ подъ ига Вавилона. Они постоянно твердили народу: „не будете служить царю вавилонскому; вотъ скоро возвращены будутъ изъ Вавилона сосуды дома Господня“ ¹⁾. Цѣль ихъ была—поддержать народную бодрость. Поэтому іудейскіе лжепророки считали всякаго нераздѣляющаго ихъ воззрѣнія врагомъ отечества, и вмѣстѣ съ вельможами готовы были предать Іеремію смерти за то, что онъ своими рѣчами „ослабляетъ руки воиновъ ... и руки всего народа“; слѣдовательно, не благоденствія желаетъ народу своему, а бѣдствія“ ²⁾. „Въ этомъ же духѣ дѣйствовали лжепророки среди плѣнныхъ іудеевъ въ Вавилонѣ. Судя по содержанію письма пророка Іереміи къ іудеямъ переселенія ³⁾, которое противопоставляется рѣчамъ ложныхъ пророковъ ⁴⁾, вавилонскіе лжепророки увлекали плѣнныхъ іудеевъ тѣми же несбыточными мечтами о скоромъ возвращеніи ихъ въ отечество и возстановленіи самостоятельности іудейскаго царства. Народъ сочувственно относился къ ихъ рѣчамъ, а самихъ лжепророковъ принималъ за истинныхъ провозвѣстниковъ воли Божіей и потому радовался, что „Господь воздвигъ имъ пророковъ въ

1) Іерем. XXVII, 14, 16. По мнѣнію Якимова, лжепророки возвѣщали этотъ миръ, именно, какъ результатъ низверженія власти халдеевъ (Толков. на кн. пр. Іереміи, вып. II, Слб., 1830 г. стр. 460—461; 448—449).

2) Іерем. XXXVIII, 4.—Въ числѣ князей, заботившихся о народномъ благоденствіи въ XXXVIII гл. кн. пр. Іереміи упоминается Пасхоръ, сынъ Малхіи (1 ст.), котораго толковники Якимовъ, толков. на кн. пр. Іереміи, вып. II, стр. 344—345) отождествляютъ съ Пасхоромъ сыномъ Еммеронимъ, священникомъ и лжепророкомъ (Іер. XX, 1, 6). Это обстоятельство дастъ право относить 4 ст. XXXVIII гл. кн. пр. Іерем. не къ князьямъ только, но и къ лжепророкамъ.

3) Іерем. XXIX, 1—7; 10.

4) Іерем. XXIX, 8—9, 11, 21, 23.

Вавилонѣ“¹⁾). Приведенные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что лжепророки были заняты мыслью о благоденствіи своего народа, которато надѣялись достигнуть путемъ подъема народнаго патриотизма, чрезъ возбужденіе къ возстанію противъ Вавилона всего народа, какъ оставшагося въ Палестинѣ, такъ и отведеннаго на берега Евфрата. При этомъ всякую другую политику хотя бы самую благонамѣренную, они объявляли враждебною для своего отечества и готовы были преслѣдовать того, кто рѣшался оказывать противодѣйствіе ихъ планамъ. Слѣдовательно, лжепророки, по этимъ даннымъ, выступаютъ въ качествѣ политическихъ дѣятелей, входя въ національную партію, являясь ея вождями.

Н. Лысогорскій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Іерем. XXIX, 15

Архієпископъ Теофілактъ Русановъ, русскій проповѣдникъ— філософъ эпохи конца XVIII в. и нач. XIX в.

(Обозначіе *)

II-я ГЛАВА.

Внутреннія и внѣшнія особенности полемическаго слова Теофілакта.

Три главныя особенности его проповѣдей, опредѣляемыя способомъ раскрытія ихъ содержанія: а) *преобладаніе въ нихъ разсудочнаго анализа*, б) *частое примѣненіе къ раскрытію ихъ содержанія историческаго метода*, а также *введеніе въ содержаніе ихъ примѣровъ изъ жизни и анекдотовъ*,—и в) *обиліе въ нихъ рельефныхъ и мыслныхъ характеристикъ*.—Внѣшній ихъ строй—слогъ и языкъ.

Самъ архіеп. Русановъ главною чертою способа раскрытія своихъ проповѣдническихъ взглядовъ считаетъ *разсудочность*: въ началѣ своихъ словъ онъ часто употребляетъ, напр., такія выраженія: „обозримъ сію истину и очами здраваго разсудка и очами вѣры“ (2, 40), „разсудимъ о семъ“ (2, 166), „разсужденіемъ (о томъ то) освятимъ празднованіе дня сего“ (2, 183), и др. под., а слово „о плодахъ пришествія Христова на землю, относительно къ пользамъ челоѣческихъ общежитій“, онъ прямо называетъ „разсужденіемъ“ (2, 114). И дѣйствительно, онъ не просто бесѣдуетъ съ своими слушателями, не случайно говоритъ съ ними о тѣхъ или другихъ истинахъ на основаніи только ученія слова Божія и св. предація, а именно „разсуждаетъ“, приводя постоянно тѣ или иныя разсудочныя со-

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1907 г. № 17.

ображенія, подвергая всестороннему анализу ту или другую взятую имъ за исходную точку тему. Исходя изъ какого-нибудь ложнаго философскаго убѣжденія, онъ всесторонне разсматриваетъ его, выясняя сущность и несостоятельность его; раскрываетъ-ли предъ слушателями положительное ученіе объ извѣстной истинѣ, онъ также обсуждаетъ его со всѣхъ сторонъ, разлагая его своею недюжинною расудочною силою на его составные элементы, постепенно затѣмъ вкладываемые имъ въ сознаніе слушателей; но въ томъ и другомъ случаѣ—одинаково рѣчь его представляетъ стройную схему философско-богословскихъ разсужденій, направленныхъ къ раскрытію одной опредѣленной мысли. Тексты св. Писанія приводятся на ряду съ прочими доказательствами только тамъ, гдѣ требуетъ того логическій ходъ мыслей проповѣдника; они составляютъ для него только исходные и направляющіе пункты въ томъ всестороннемъ богословско-философскомъ анализѣ, какимъ является каждая его проповѣдь.

Разсмотримъ напр., его проповѣдь на день св. Лаврентія, мысли которой мы раньше приводили.

Взявъ за исходную ея ложное мнѣніе „мірскихъ нравоучителей“ о необходимости и пользѣ страстей, раскрывъ сущность его, Теофилактъ посредствомъ точнаго анализа показываетъ его несостоятельность и взамѣнъ его предлагаетъ собственное воззрѣніе на значеніе страстей; доказательства его не подборъ текстовъ св. Писанія: они основаны преимущественно на началахъ разума и направляются къ раскрытію одной опредѣленной мысли. Правда, исходнымъ пунктомъ для критическаго анализа указаннаго ложнаго мнѣнія Теофилактъ взялъ текстъ св. Писанія,—именно слова св. ап. Іакова: „откуда брани и свары въ васъ? не отъ сластей-ли вашихъ, воюющихъ воудѣхъ вашихъ? (4, 1)“,—дѣлая изъ нихъ то заключеніе, что страсти не только не нужны для частнаго и общаго добра, но даже вредны. За то въ дальнѣйшихъ пунктахъ своего опроверженія ораторъ опирается почти исключительно на начала разума: сначала онъ анализируетъ главныя страсти человѣка—ненависть, гнѣвъ, честолюбіе, любостыжаніе, стараясь доказать, что всѣ они по грѣхопадению человѣка низки, подлы

и законопреступны; затѣмъ приводитъ ad absurdum тотъ взглядъ модныхъ свѣтскихъ нравоучителей, что христіанскія заповѣди (обезсилавая страсти), якобы разрушаютъ, а не созидаютъ общее и частное добро, и наконецъ подробно доказываетъ разсудочными соображеніями, что христіанство не только не налагаетъ никакихъ стѣснительныхъ узъ на естественныя стремленія человѣка къ наукѣ, искусству и т. п., но, наоборотъ, возвышаетъ эти стремленія.

Такой-же всесторонній разсудочный способъ раскрытія истины мы находимъ и въ словѣ на день Успенія Пресвятыя Богородицы (1, 37—50). Теофілактъ здѣсь логически раскрываетъ ту основную мысль, что истинный христіанинъ не долженъ бояться смерти и жаловаться на краткость земной жизни, ибо ему должно быть извѣстно, что „чѣмъ долговѣчнѣе пребываніе человѣка на земли по потерянніи невинности, тѣмъ долговѣчнѣе продолженіе несчастія и грусти душевныя“! Какъ же именно онъ раскрываетъ эту истину? По собственному его признанію, онъ обзрѣваетъ ее „и очами здраваго разсудка и очами вѣры“; хотя, по нашему сужденію, онъ обзрѣваетъ ее по преимуществу „очами здраваго разсудка“: по крайней мѣрѣ, онъ несравненно больше опирается на разсудочныя соображенія, чѣмъ на свидѣтельство Слова Божія. Для подтвержденія своего сужденія мы представимъ ходъ постепеннаго раскрытія Теофілактомъ указанной истины. Сначала ораторъ ведетъ разсужденіе о томъ, что любовь къ жизни и боязнь смерти естественны и законны лишь для животныхъ. и что для человѣка онѣ были законны и естественны только до грѣхопаденія въ состояніи его первобытной невинности,—ставши послѣ грѣхопаденія для него прямо преступными. „Червь, ощутивъ полетъ врага своего,—такъ начинается Теофілактъ свое разсужденіе, нисходитъ съ вершины древа; величавый елень, при устремленіи на него псовъ плотоядныхъ, бросается изъ жилища своего, и мчится дотолѣ, доколѣ усталость не подкоситъ голени его, дрожащихъ подъ тяжестію изъязвленнаго тѣла. Явленія сіи не знаменуютъ-ли того, что прекращеніе бытія въ зримомъ мірѣ крайне ужасно для животныхъ? Любовь къ жизни можно почесть второю ихъ природою. Противо-

борствовать влеченію сея сильной склонности существа, на съ никайшія, не могутъ и не должны; да и для человѣка сіе было бы обязанностію, когда бы духъ безначалія не побудилъ Бога перемѣнить чертежъ блаженства нашего. Сокрушаютъ статую и заглаждаютъ картину, когда онѣ не сходятъ съ образомъ ихъ. Въ первобытномъ убо состояніи человѣкъ безгрѣшно животолюбивъ былъ, и безъ нарушенія воли Творца не могъ въ себѣ не питать сего чувства. Въ невинномъ страхѣ смерти естествененъ и справедливъ: ибо веселія его могутъ ли быть отравлены желчью хотя малаго неудовольствія, когда въ сердцѣ его обитаетъ единая благодать Божія, а разумомъ обладаетъ величество? Тогда то бы не мечтателенъ, а существенъ былъ образъ смерти, представляемой въ видѣ ужаснаго чудовища, грозною косою посѣкающаго трещущихъ смертныхъ. Зато совсѣмъ иною должна представляться смерть для человѣка послѣ грѣхопаденія, т. е. послѣ того какъ земная жизнь человѣка почти по неизбѣжности стала бременемъ, исполненнымъ всякихъ соблазновъ и пороковъ, когда „изъ волшебнаго сосуда, подносимаго порокомъ, пьетъ человѣкъ почти по неизбѣжности“, когда „почти на каждой части времени летящаго изображаются слѣды поносныхъ оковъ, влачимыхъ имъ (человѣкомъ)“. Теперь, для человѣка смерть не должна быть страшною и нежеланною, такъ какъ разрушеніе „земной храмины души есть созданіе другой нерукотворенной, вѣчной на небесахъ (2 Кор. 5, 1)“, такъ какъ прекращеніе животной жизни есть конечное ниспроверженіе „князя воздушныхъ власти; духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынахъ сопротивленія“ (Евр. 2, 2). Далѣе проповѣдникъ развиваетъ свою мысль, такъ сказать, отрицательнымъ путемъ, показывая, насколько неразумно, огорченіе міролюбцевъ краткостію жизни, и опровергая доводы, могущіе, повидимому, служить къ оправданію пристрастія къ земной жизни. „Міролюбецъ, говоритъ онъ, огорчается, что человѣкъ, будучи обладатель всѣхъ трехъ царствъ природы, не проживаетъ и третьей части въ сравненіи съ нѣкоторыми растеніями и животными. А чтобъ придать болѣе благовидности пристрастію своему къ землѣ, то ссылается на долготу жизни ветхозавѣтныхъ Патріарховъ“. „Не можно входить намъ,

по поводу такого огорченія миролюбцевъ краткостію жизни и такой благовидной ссылки на долголѣтіе патріарховъ, въ разсмотрѣніи причинъ, почему Богу угодно было первымъ жителямъ свѣта даровать долговременную жизнь, которую отнести болѣе къ Его волѣ, нежели почестъ слѣдствіемъ вторыхъ началъ,—почему въ слѣдъ за потопомъ въ половину уменьшился вѣкъ человѣческой. Также не мѣсто здѣсь обнаруживать, что справедливаго или только вѣроподобнаго содержится въ новыхъ историкахъ, которые предполагаютъ, что годы восточной древности до самаго Ноя заключали въ себѣ только три мѣсяца, а 12 мѣсяцевъ полагать въ году начали уже послѣ Іосифа. По сему расчисленію, говорятъ нѣкоторые, къ 900-лѣтней жизни Маѳусаила люди нерѣдко приближались и приближаются,—что доказываютъ они переписью различныхъ странъ и народовъ. Съ другой стороны, и буквально держась лѣтосчисленія Моисеева,—за три тысячи лѣтъ до насъ люди не преимуществовали въ продолженіи жизни. Въ Давидовы еще времена дніе наши были 70 лѣтъ, аще-же въ силахъ 80 лѣтъ; самъ Моисей скончался на 120 году отъ рожденія. Но долженъ я сказать вамъ, слушателие! что тотъ-же всеблагій Богъ, Который имѣлъ причину первымъ жителямъ земли даровать столь долговѣчную жизнь, не безъ причины также и уменьшилъ оную до 80 и 70 лѣтъ и сіе уменьшеніе клонится къ нашей пользѣ сколько въ отношеніи къ нравственному, а не меньше и физическому состоянію. *Первое*, во всемъ св. Писаніи нѣтъ ни одного текста, который бы доказывалъ, что сокращеніе лѣтъ есть наказаніе Божіе, и слѣдствіе развращенія человѣческаго. „Будутъ же дніе ихъ лѣтъ сто двадцать“,—сія угроза относится ко времени, которое Богъ давалъ еще на покаяніе до потопа, а отнюдь не означаетъ предѣловъ жизни человѣческой, потому что и потомки Ноевы жили еще до 400 и болѣе лѣтъ. *Второе*, кто хотя нѣсколько знаетъ людей, разсматривая ихъ въ томъ положеніи, въ какое грѣхъ привелъ ихъ, и замѣчаетъ ходъ страстей и привычекъ, тотъ весьма усумнится, чтобы многолѣтняя жизнь способствовала къ улучшенію ихъ и исправленію. Ясный тому примѣръ первые жители земли, коихъ нечестіе умножалось съ умноженіемъ ихъ

лѣтъ, и не иначе могло быть прекращено, какъ всемірнымъ потопомъ“ (Быт. 6 гл. 1—7 стр.). Подобные примѣры даютъ основаніе человѣку даже желать краткости земной жизни, а не жаловаться на нее. „Боже мой! восклицаетъ проповѣдникъ, колико бы всѣ затѣйливыя головы властолюбцевъ, и корыстолюбцевъ и плотоугодниковъ могли продолжать свои жестоко-сти и неистовства чрезъ многіе не лѣта, а вѣки цѣлые? Мы блазнимся и негодуемъ, когда видимъ печестивца пять или десять лѣтъ превозносящагося и высящася, аки кедры ливанскіе (Пс. 36—35); но въ какое бы пришли отчаяніе, если бы счастье его прочностію своею угодилось твердымъ кедрамъ или многовѣковому дубу?—„Не ревнуй—вопіетъ царь Давидъ лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе: зане яко трава скоро изшутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ“ (Пс. 36—1 и т. д.). Вотъ утѣшеніе добрымъ людямъ! Скоротечность жизни на самой срединѣ бѣга остацлавливаетъ дерзкихъ людей, возмущающихъ народное спокойствіе; а у порочныхъ низкаго рязряда отъемлетъ способъ усиливать зло и заражать другихъ примѣрами; въ отношеніи же къ добрымъ людямъ вдыхаетъ въ нихъ мужество благодушно переносить всѣ несправедливости свѣта и несчастья,—имѣя въ виду предѣлъ страданій, страдаютъ съ большею справедливостію, и чѣмъ ближе, тѣмъ сіе ободрительнѣе для нихъ“. Далѣе проповѣдникъ указываетъ, что нѣтъ основанія желать долгодѣтней жизни даже для благодѣтелей человѣчества и ученыхъ людей.—„Не благоволятъ-ли первые, говоритъ онъ, по примѣру св. Павла, паче отъйти отъ тѣла; а еже пребывать во плоти, нужнѣйши ради другихъ (2 Кор. 5, 8; къ Фил. 1, 24)? А сіи другіе часто недостойны бываютъ пользоваться плодами жизни своихъ благодѣтелей. Въ разсужденіи-же ученыхъ мужей, нельзя утверждать рѣшительно, чтобъ долгота изъ жизни столько содѣйствовала расширенію круга знаній и художествъ, сколько при первомъ видѣ намъ кажется.. Есть многія причины, убѣждающія вѣрить, что человѣческій умъ до извѣстнаго только времени можетъ пріобрѣтать свѣдѣнія, а далѣе трудится уже надъ соображеніемъ прежде того полученныхъ мыслей; слѣдовательно, не можетъ онъ ничего произвести но-

ваго. Извѣстно также, что съ лѣтами возрастаетъ и привязанность каждаго человѣка къ своей любимой системѣ; и сколько умовъ, столько почти системъ. Сіи системы какъ бы ни были безразсудны и даже смѣшны, но изъ уваженія къ славѣ или учености основателей ихъ, рѣдко отваживаются обнаруживать ихъ погрѣшности; потому что високоуміе нарицающихся учеными ничѣмъ столько не раздражается, какъ противорѣчіемъ; и въ то время, когда они выдають себя за истребителей предразсудковъ, сами бывають заражены своими предразсудками. Опровергать сіи предразсудки при ихъ жизни—значить вызывать противъ себя многихъ и опасныхъ враговъ. Но появленіе на свѣтъ многихълюбомудровъ, одинъ другого скоро замѣщающихъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особенный оборотъ ума и особенный образъ замѣчать явленія природы и видѣть связь между явленіями, толико выгодно для наукъ и художествъ, сколько выгодно для религіи и правовъ“. Наконецъ, чтобы еще сильнѣе показать и отгнать, какъ человѣку нужно относиться къ смерти и какъ неразумна боязнь смерти, проповѣдникъ рисуеть образъ умирающаго о Господѣ Христіанина. Истинный христіанинъ въ послѣдніе часы жизни собственнымъ опытомъ узнаеть, что смерть есть призракъ, который только издали страшить, но въ близости исчезаетъ. „Ангель хранитель нисходитъ съ небесъ для разлученія души отъ тѣла, и утвержденные мірскою суетою глаза, отвращая отъ чувственаго міра, указують душѣ на устроеніе другого свѣта. И такъ онъ (христіанинъ) умираеть для земли и живущихъ на ней, но безъ страданія, потому что смертный часъ его приуготовленъ былъ многочисленными часами того же порядка; умираеть, но съ улыбкою, ибо чувствуетъ, что изводится изъ мрачной темницы въ пресвѣтлый чертогъ; умираеть, и окружающіе одръ его долго наблюдаютъ молчаніе, мня его быти еще жива и уснувшя. „Се есть образъ умирающихъ о Господѣ!“ Съ такимъ спокойствіемъ, продолжаетъ проповѣдникъ, а можно сказать, и съ торжествующимъ духомъ отходила отъ міра сего Пресвятая Матерь и Дѣва, Которой уснепіе днесъ воспоминаеть св. церковь“. Къ Ней то проповѣдникъ въ концѣ своей проповѣди призываетъ слушателей обращаться съ мо-

литвою, чтобы „Она вразумляла и помогала самую краткость нашего житія на земли обращать въ утѣшеніе себѣ“.

Такой же ходъ раскрытія мыслей путемъ разсудочнаго анализа мы находимъ въ большинствѣ проповѣдей Русанова. Между прочимъ особенно характернымъ является разсудочный анализъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ имѣетъ отношеніе къ нравственной и вообще психической области человѣка. У Теофилакта мы часто, напр., находимъ самый тонкій, рельефный и глубокій анализъ разныхъ страстей и чувствъ человеческихъ. Вотъ напр. какъ онъ характеризуетъ страсти честолюбія и любостыжанія. „Честолюбіе есть похищеніе славы, должной единому Божеству; духъ мятежный, который, забывъ свою ничтожность, мнитъ себя быти пѣчто больше, нежели тварь, на ряду съ жертвенникомъ Божиимъ поставляетъ и себѣ трибуны, предъ коимъ подлость и лезть непрестанно курятъ ошмамы. Оно, какъ змій, извилисто и испещренно въ своихъ извибахъ: является въ образъ сострадательности, чтобы получить имя друга человечества; въ образъ великодушія, чтобы показать, что оно превышаетъ народныхъ чувствованій; въ образъ расточительности, дабы увѣритъ другихъ въ своемъ безкорыстіи; въ образъ неприемлющаго ни даровъ, ни услугъ ближняго, потому что тщеславіе не быть никому обязаннымъ надуваешь, какъ пузырьъ горделивую душу. Любостыжаніе при первомъ появленіи всегда носитъ на себѣ личину нужды, потомъ бережливости, а наконецъ поступаетъ на мѣсто ихъ алчность; и сей ненавистной алчности не могутъ навѣстити ни окружность, ни внутренность цѣлаго свѣта (1 ч. 27—28)“. Подобный рельефный анализъ страстей мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ ¹⁾.

Второй внутренней особенностью изслѣдуемыхъ проповѣдей является частое обращеніе оратора къ фактамъ исторіи для доказательства своихъ положеній и приведеніе ихъ разсказовъ изъ жизни, иногда анекдотическаго характера.

Теофилактъ при всякомъ удобномъ случаѣ приводитъ данныя исторіи. При чемъ послѣднія часто—не стоятъ у него по одиночкѣ, но являются въ ассоціаціи. Область, къ кото-

¹⁾ См. напр., 1 ч. 146 стр.; 2 ч. 138 стр. и др.

рой обращается онъ за историческими доказательствами, очень широкая; на ряду съ примѣрами изъ библейской исторіи, онъ приводитъ много данныхъ изъ общей церковной, русской церковной, всеобщей гражданской и русской гражданской. Такое широкое пользованіе данными исторіи, особенно гражданской, можно сказать, составляетъ исключительно одному Теофілакту свойственную особенность изъ всѣхъ проповѣдниковъ той эпохи. Мы находимъ у него такія проповѣди, которыя являются какъ бы учеными историческими изслѣдованіями. Образцами въ этомъ родѣ могутъ служить слова: а) на день тезоименитства Императора Александра 1-го (2, 50), б) по случаю торжественнаго объявленія о мирѣ Россіи съ Франціей (2, 152), в) разсужденіе о плодахъ пришествія Христова на землю, относительно къ пользамъ человѣческихъ общежитій (2, 114), и нѣк. др.

Въ словѣ на день тезоименитства Им. Александра I-го (2, 50) Теофілактъ повѣствованіемъ о жизни и дѣятельности истиннаго патріота—св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго старается показать, какъ надо любить отечество. Здѣсь мы находимъ, помимо прекрасной, полной характеристики личности св. Александра Невскаго и примѣровъ изъ русской гражданской исторіи, цѣлые ряды примѣровъ изъ исторій—всеобщей гражданской и библейской. Такъ, напр. въ доказательство того, что каждый обязанъ любить отечество, здѣсь приводится цѣлый рядъ примѣровъ изъ всеобщей исторіи, ясно свидѣтельствующихъ, что любовь къ отечеству была всегда свойственна всѣмъ народамъ; проповѣдникъ приводитъ на память именно: 1) Демосѣена и Цицерона, предпочитавшихъ нѣжное и трогательное слово „отечество“ всѣмъ другимъ,— 2) Аристида; который, долгое время располагая всѣми сокровищами Аѳинъ, умеръ, не оставивши ничего и для похоронъ своихъ, 3) Фокіона, который, принимая ядъ отъ рукъ злобныхъ соотчичей своихъ, завѣщалъ сыну вмѣсто отмщенія любить ихъ, говоря, что любовь къ отечеству, всегда должна имѣть перевѣсъ надъ любовію къ родителямъ—и 4) спартанскихъ женъ, которыя, разставаясь съ дѣтьми, отражаемыми противъ непріятеля говорили: мужайтесь, дѣти, защищая оте-

чество и не иначе возвращайтесь къ намъ „какъ со щитами, или на щитахъ, т. е. или побѣдителями, или убитыми“. Изъ библейской исторіи здѣсь приводится, напр. рядъ образцовъ благочестія изъ среды еврейскихъ царей, Давида, положившаго намѣреніе создать храмъ;—Соломона, исполнившаго это намѣреніе,—Асы, истребившаго идолопоклонство, и Іосіа, возобновившаго празднованіе Пасхи и повелѣвшаго читать предъ народомъ писанные Моисеемъ законы. Въ словѣ на освященіе церкви въ селѣ Луневѣ, для доказательства того, что за непочтительность къ храму Божію можно подвергнуться „злу скоропостижному и ужасному“, проповѣдникъ по ассоціаціи представленій приводитъ изъ библейской исторіи цѣлый рядъ случаевъ проявленія гнѣва Божія за неуваженіе къ ветхозавѣтному храму; такъ онъ вспоминаетъ: 1) Манассію, „за разрушеніе храмовъ—истинному Богу“ низвергнутаго съ престола,—Антіоха, дерзнувшаго осквернить храмъ жертвоприношеніемъ идолу и наказаннаго „за сіе посрамленіемъ и отчаяніемъ“,—3) сыновъ Аарона, за непочтеніе святыни истребленныхъ, и наконецъ 4) Валтасара, жестоко наказаннаго за злоупотребленіе священными сосудами (1, 134—135).

Въ словѣ по случаю объявленія о мирѣ Россіи съ Франціей, для доказательства того, что успѣхъ войны рѣшается не столько силою и искусствомъ оружія, сколько Божіимъ благословеніемъ оружія, проповѣдникомъ напоминаются изъ Библии обязанныя Божественной помощи побѣды Гедеона (Суд. 7 гл.), Іонаана (1 Цар. 14 гл.), Деворы (Суд. 5 гл.) и др. (См. 2 часть, 158—161 стр.); или, напр., для доказательства того, что „и язычники въ дѣлахъ войны сознавали особенное дѣйствіе счастья, которое въ понятіи мудрѣйшихъ значило то же, что у христіанъ—Промыслъ Божій“, приводится здѣсь рядъ свидѣтельствъ слѣдующихъ древнихъ языческихъ писателей: 1) Плутарха, по словамъ котораго, „одно время и счастье основали великость Римлянъ“,—2) Тита Ливія, говорившаго, что „событія нигдѣ не бываютъ толико несоотвѣтственны нашимъ ожиданіямъ, какъ на войнѣ“,—3) Юлія Цезаря, сознававшагося также, что „счастье много дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ, но особенно въ военныхъ превращеніяхъ“—и 4) Ци-

церова (2 ч. 160—161 стр.). Что же касается „разсужденія о плодахъ пришествія Христова на землю, относительно къ пользамъ человѣческихъ общежитій“, то оно, можно сказать, представляетъ собою въ полномъ смыслѣ ученое историческое изслѣдованіе,—такъ много въ немъ разныхъ историческихъ ученыхъ цитатъ ¹⁾ и примѣчаній изъ библейской, общецерковной и общегражданской исторіи. Благодаря такому широкому пользованію историческимъ матеріаломъ, „философское проповѣдническое слово Теофілакта являлось для слушателей всегда живымъ, интереснымъ и убѣдительнымъ.

Но, поставляя оратору это въ достоинство, мы должны тутъ же сдѣлать нѣкоторое ограниченіе. Мы именно можемъ ставить пользованіе историческимъ матеріаломъ въ достоинство только постольку, поскольку оно не противорѣчитъ требованіямъ чистаго церковнаго проповѣдническаго вкуса. Говоримъ это потому, что Теофілактъ въ данномъ отношеніи не былъ безупреченъ. Такъ, по требованіямъ чистаго проповѣдническаго вкуса, оратору слѣдуетъ обращаться по преимуществу къ даннымъ исторіи, освященной высшимъ авторитетомъ, прибѣгая къ даннымъ гражданской исторіи только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ,—когда, напр., воспоминаніемъ подвиговъ предковъ нужно воодушевить патріотическую ревность современниковъ и т. п. Между тѣмъ Русановъ предпочтительно приводитъ въ своихъ проповѣдяхъ примѣры изъ гражданской исторіи. Не будучи пуристомъ въ данномъ отношеніи, онъ не дѣлалъ строгаго выбора между вещами и явленіями, какими владѣла его память, и какими можно было пользоваться для уясненія и большаго впечатлѣнія въ памяти слушателей извѣстныхъ христіанскихъ истинъ. Онъ часто, ради одного только желанія сообщить проповѣдуемой истинѣ большую живость и занимательность, а иногда, быть можетъ, ради одного только желанія заявить о своей учености, приводилъ изъ исторіи такіе эпизоды, которые по своему анекдотическому характеру не были уместны въ церковномъ словѣ. Для доказательства мы укажемъ, напр., на слѣдующій, приводимый ораторомъ въ „разсужденіи о плодахъ пришествія Христова на

¹⁾ Мы укажемъ ихъ, когда будемъ говорить объ источникахъ проповѣдей.

землю“..., эпизодъ изъ древней всеобщей исторіи. „Анахарсисъ,—повѣствуетъ онъ, славою Солона привлеченный въ Аѳины изъ глубины Скиѳіи, часто говаривалъ сему греческому мудрецу: удивляюсь, что философамъ предоставлено у васъ одно только право разсматривать государственныя дѣла, а глупцамъ—рѣшать оныя. Но онъ больше бы удивился, узнавши, что тотъ же самый законодатель Аѳинскаго народа бѣжалъ отъ докукъ приходившихъ къ нему съ жалобою то на неисполнительность, то непонятность изданныхъ имъ законовъ (2 ч. 124 стр.)“. Подобныя историческіе примѣры и эпизоды (напр. 2 ч. 58—59 стр.) сообщали проповѣди свѣтскій духъ. Еще болѣе усиливался этотъ свѣтскій духъ въ проповѣди Теофилакта анекдотами и рассказами изъ текущей жизни. Такъ, въ цитованномъ выше „разсужденіи“, говоря о томъ, что бѣдныя безъ услугъ богатымъ погибли бѣ съ голоду, онъ приводитъ басню о желудкѣ и членахъ: „Ежели нога, говоритъ онъ, не захочетъ двинуться къ пищѣ, которую глазъ указываетъ; ежели рука отречется взять оную и положить въ уста; ежели уста не примутъ оной или, припявши, удержатъ, чтобъ не передать ее желудку; то вся економія животности уничтожится, рушится, и всеобщее послѣдуетъ оскудѣніе и наконецъ смерть (2, 121)“. Въ словѣ на день тезоименитства им. Александра I (2, 197—212) проповѣдникъ рассказываетъ объ одномъ химикѣ, проведеншемъ большую часть и самую лучшую часть жизни въ отыскиваніи спирта, который распускалъ бы всякое вещество, и въ этомъ заблужденіи, вѣроятно, оставался бы на цѣлую жизнь, если-бы вопросъ одного простого человѣка не просвѣтилъ его: въ чемъ онъ будетъ хранить такой спиртъ?...

Такой въ нѣкоторой степени свѣтскій духъ изслѣдуемыхъ проповѣдей гармонировалъ съ характеромъ Теофилакта Русанова, какъ человѣка и церковнаго дѣятеля; стоитъ только здѣсь припомнить отмѣченную нами въ его біографіи „свѣтскость“ вообще и особенно его любовь къ свѣтскимъ наукамъ. И въ то же время, кажется, благодаря именно такому духу, проповѣди его особенно нравились свѣтскимъ болѣе или менѣе образованнымъ его современникамъ.

Въ качествѣ *третьей* характерной внутренней особенности

изслѣдуемыхъ проповѣдей мы должны отмѣтить *обиліе вступяющихъ въ нихъ рельефныхъ и мѣткихъ характеристикъ*. Послѣднія иногда очень кратки, но за то всегда настолько живы, ярки, образны, что невольно запечатлѣваются въ нашемъ сознаніи. Стоитъ для доказательства только припомнить изложенныя нами раньше характеристики им. Александра I и „богатыхъ и знатныхъ“. Но мы укажемъ еще напр., на характеристики св. Николая Чудотворца (1, 64—65), св. Алексія—человѣка Божія (1, 12—13), св. Александра Невского (2, 50—69 въ словѣ на день тезоименитства императ. Александра I-го), и др.

Вотъ, напр., краткая, но мѣткая и вѣрная характеристика св. Николая Чудотворца.—„Дѣла его (св. Николая), говоритъ проповѣдникъ, свидѣтельствуютъ, что онъ не имѣлъ никакого другого желанія, кромѣ желанія—благоговѣть къ закону Божию, —никакой склонности, выключая склонность любить добродѣтель и родъ человѣческій. Мысль его была углублена въ Бога, а сердце объято небеснымъ желаніемъ. Что, есть ли не любовь къ Богу, возродило въ немъ сію ревность, сіе рвеніе къ пользамъ благочестія, въ коихъ самые враги столь охотно отдаютъ ему справедливость? Идолъ Аріанской ереси съ болѣзнію чувствовалъ тяжкіе удары его ревности. Св. Николай, не смотря ни на покровительство двора, ни на усиліе знатныхъ, успѣлъ поколебать сей горделивый дубъ въ самомъ его корнѣ. Другъ человечества, защита бѣдныхъ, пристанище обуреваемыхъ, онъ готовъ былъ первому несчастному подать руку помощи. Сладокъ въ обращеніи, онъ умѣлъ съ великостію сана своего сгласить сію простоту, сіе воздержаніе и цѣломудріе, кои видны были во всемъ его поведеніи“... Отъ такого яркаго и вполне вѣрнаго образа невольно мысль переносится къ его первообразу...

Внѣшнія качества и достоинства проповѣди, какъ духовно-литературнаго произведенія, обнаруживаются въ *словѣ и языкѣ* ея.

Словъ проповѣдей Теофілакта если не образцовый, то все-же выдающійся для нашихъ литературныхъ, въ частности—проповѣдническихъ произведеній конца XVIII в. и начала

XIX-го в. Онъ отличается несравненно большею правильно-стію, стройностію и легкостію, гораздо ближе къ живой, разговорной рѣчи, нежели слогъ многихъ современныхъ ему писателей и проповѣдниковъ. По крайней мѣрѣ, мы не находимъ у Русанова такъ ясно замѣтнаго у современныхъ ему писателей искусственнаго схоластическаго построенія, тяжелыхъ ломоносовскихъ періодовъ, всякихъ излишнихъ дроблений, извигій діалектики, и т. п. Правильность, стройность, естественность расположенія и построенія его проповѣди бросаются въ глаза сразу же, какъ только мы обращаемъ вниманіе на внѣшнюю ея форму. Послѣдняя всегда почти имѣетъ форму слова. Во главѣ проповѣди обыкновенно стоитъ текстъ, служащій исходнымъ пунктомъ всего слова. Этотъ текстъ называется темою. Случаются проповѣди и безъ текста, но какъ, рѣдкость: это всегда проповѣди на какіе-либо праздники, торжественные случаи. Послѣ текста слѣдуетъ приступъ, почти всегда краткій и отчетливый. Предметъ проповѣди большею частію выражается опредѣленными словами, при чемъ съ указаніемъ мотивовъ, побудившихъ проповѣдника къ выбору этого предмета. Возьмемъ для примѣра слово въ недѣлю Православія (1, 95—101). Здѣсь послѣ приступа проповѣдникъ прямо указываетъ тему, говоря такъ: „По приличію настоящаго праздника, по стеченію обстоятельствъ времени и долгу моего званія, имѣю предложить вашему благочестію, какую пользу добродѣтельный человѣкъ можетъ получить отъ обращенія съ порочными, съ коими встрѣча неизбежна на земли“. Такъ-же ясно намѣчается тема и въ словѣ на новый 1805 годъ (1, 142—149), гдѣ послѣ краткаго приступа проповѣдникъ такъ обращается къ слушателямъ: „Позвольте предложить вашему благочестію о нуждѣ быть обрѣзану по внутреннему человѣку; сіе будетъ прилично и настоящему празднованію св. Церкви, и нельзя, кажется, лучше начать новаго года, какъ съ бесѣды о семъ“.

Намѣчаемая такъ опредѣленно тема раскрывалась ораторомъ не путемъ какихъ-либо скрытыхъ переходовъ и хитро-сплетенныхъ тяжелыхъ періодовъ, а путемъ свободнаго, не нарушающаго законовъ русской рѣчи, стройнаго изложенія естественно

слѣдующихъ одна за другой мыслей; отсюда съ грамматическими качествами слога—правильностію и стройностію—тѣсно соединялись логическія: послѣдовательность, связность, ясность и точность. Дѣйствительно, мысли проповѣдника излагаются такъ, что вниманіе слушателей не могло затрудняться усвоеніемъ себѣ всего слова, во всей его полнотѣ. Составъ его проповѣди всегда ясенъ и прозраченъ, насквозь видна въ немъ главная мысль, въ ея частныхъ видоизмѣненіяхъ, и при этой прозрачности она какъ-бы сама собою ложится въ сознаніе слушателей. Неясность и неудобопонятность мы нашли только въ двухъ случаяхъ, именно: 1) въ приступѣ сл. на день тезоименитства государя Александра 1-го (1, 108) и 2) въ сл. на день Успенія пресвятой Богородицы (2, 41),—въ томъ мѣстѣ, гдѣ проповѣдникъ рассуждаетъ о невинномъ состояніи прародителей. Лучшими по ясному, стройному, послѣдовательному изложенію являются, напр., сл. на Новый 1805 годъ (въ этомъ словѣ ясно можно различить—приступъ, предложеніе, раздѣленіе, изложеніе и заключеніе), сл. на день Вознесенія (1, 43), сл. при первомъ посѣщеніи гор. Козельска (1, 51), рѣчь на дворянскій выборъ судей (замѣчательно стройная), и др.

Но слогъ изслѣдуемыхъ проповѣдей для насъ особенно важенъ съ своей эстетической стороны, такъ какъ именно эта сторона его выдѣляла нашего автора изъ ряда большинства современныхъ проповѣдниковъ. Тутъ невольно приходятъ на мысль слѣдующія слова автора статьи „Изъ прошлаго:“¹⁾ „И рѣчи и приемы Теофілакта были такъ же изящны, какъ и Анастасія Братановскаго“. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что проповѣди Русанова по своему слогу были очень изящны для своего времени. Въ этомъ отношеніи на внѣшней ихъ сторонѣ отразилась внѣшняя сторона самой личности оратора; припомнимъ здѣсь изъ біографіи, что Теофілактъ, вращаясь въ столичномъ великосвѣтскомъ обществѣ, умѣлъ принаравливаться даже къ придворному этикету и изяществу своихъ манеръ удовлетворять требованіямъ самаго изысканнаго вкуса. Но особенно эстетическія качества изслѣдуемыхъ проповѣдей обязаны, кажется, хорошему знакомству ихъ

1) «Русскій Вѣстникъ» 1868 г. 490 стр.

автора съ весьма изящными по вѣшной отдѣлкѣ и слогу французскими проповѣдями Боссюэта, Массиліона, и др. знаменитыхъ французскихъ ораторовъ XVIII-го вѣка.

Подъ эстетическими качествами слога мы разумѣемъ красивыя, отборныя, возвышенныя, пріятныя выраженія, искусный колоритъ, фигуральность, при соблюденіи однакожь простоты, соразмѣрности тоновъ рѣчи, при разнообразіи въ повышеніи и пониженіи ихъ съ помощію вопросовъ, восклицаній. Что указанныя качества присущи слогу изслѣдуемыхъ проповѣдей, въ этомъ могутъ убѣдить насъ даже немногія выдержки изъ нихъ. Возьмемъ хотя-бы, напр., слѣдующее мѣсто изъ сл. „на великій Пяттокъ“. Изображая здѣсь въ полныхъ живого контраста картинахъ неблаголарность іудейскаго народа [къ Спасителю, проповѣдникъ между прочимъ восклицаетъ: „Странное для всѣхъ народовъ и вѣковъ событіе! Поруганъ, умученъ благотворившій даже врагамъ Своимъ; обезображенъ той, Иже на Фаворѣ паче солнца сіяетъ. Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою; се предлежитъ нагъ; всѣхъ Живодавецъ—мертвъ. Паде надежда наша: кто утѣшитъ плачущихъ? кто словомъ исцѣлитъ больныхъ? кто воскреситъ мертвыхъ? кто речетъ намъ: отпускаются вамъ грѣси ваши? Уже самъ Пилать не сумнится о святости сего Стралальца; уже солнце стыдяся зрѣть безчественъ видъ Его, скрываетъ лучи свои; уже луна въ кровь претворяется отъ крови, потоками текущей изъ язвъ Его, словомъ уже вся тварь измѣняется страхомъ: одни Іудеи, бывшіе свидѣтелями поразительнѣйшихъ чудесъ Его и особливыхъ къ нимъ милостей!“ (Фигура антитеза, соединенная съ метафорами). „Боже праведный! прискорбная наша душа не можетъ различить любви отъ ненависти, возлюбленнаго Сына отъ врага порядка отъ смѣси.“ (фигура обращенія) „но слава непостижимому Его челоуѣколюбію! Челоуѣкъ могъ согрѣшитъ предъ Богомъ, но не могъ самъ собою Его умилостивить. Сія чистѣйшая жертва за насъ Слушатели! умираетъ; умираетъ на время, чтобъ намъ не умереть на вѣки; умираетъ, потому что любитъ насъ; умираетъ за то, что мы не только Его, но и себя самихъ не любили, какъ должно“ (фигура повторенія). Несчастныи грѣшникъ! (обра-

щеніе) аще въ суровѣхъ деревѣхъ сія творитъ правосудный Богъ; въ сусѣхъ что будетъ (Лук. 23, 31)? Онъ не пощадилъ Сына Своего, Иже чуждъ бысть всякаго грѣха,—Сына, благоотрившаго даже врагамъ Своимъ: то пощадить-ли насъ, ничѣмъ не могущихъ оправдаться предъ Нимъ? Пощадить-ли иногда довольствующихся тѣмъ, что можетъ взирать на противника, не чувствуя кипѣнія крови и не блѣднѣя?“...

Приведенное мѣсто, какъ видимъ, блещетъ изящными выраженіями, разнообразными риторическими фигурами, имѣющими возвышенный и вмѣстѣ простой евангельскій характеръ, исполнено оживленныхъ восклицаній и вопросовъ, и т. п.

Вотъ, напр., еще прекраснѣйшіе полные ораторской силы, образцы фигуръ антитеза: 1) „Еще Младенецъ нѣмотствуетъ и уже устрашаетъ нарекшихъ имена свои на земли; еще въ пеленахъ, и уже ужасаетъ вооруженныхъ властителей; еще во яслѣхъ, уже поселяетъ робость въ сѣдѣщемъ на царскомъ престолѣ“ (2, 93); или 2): „Обоженное во Христѣ Человѣчество пребыло только девять мѣсяцевъ во утробѣ Пресвятыя Дѣвы, сорокъ дней въ яслѣхъ Вифлеемскихъ, три часа на крестѣ, три дни во гробѣ: но Церковь освящаетъ оно своимъ присутіемъ во вся дни до скончанія вѣка“ (1, 132; см. также 2, 245); и мн. др. Вотъ примѣръ фигуры сравненія: „Невозможность глядѣть на солнце замѣняютъ разсматриваніемъ его изображенія въ тихой и прозрачной водѣ; такимъ образомъ и мы, не могущіе безъ униженія себя и непосредственно взирать на мужскій, просіявшихъ вѣрою и святостію, долженствуемъ поучаться въ ихъ дѣлахъ, удивляться онымъ и подражать“ (1, 65). Но особенно часто встрѣчается фигура обращенія: ее мы можемъ найти по нѣскольку разъ въ каждой проповѣди. Иногда она имѣетъ очень оригинальный видъ. Чаще всего, конечно, попадаются обращенія къ слушателямъ, соединенныя съ нравственными увѣщаніями и наставленіями. Но не рѣдко можно находить обращенія къ святымъ,—особенно къ Богу, которыя прерываютъ слово въ срединѣ или обыкновенно закапчиваютъ его. Правда, фигуральность не всегда говоритъ въ пользу чистаго церковнаго вкуса оратора; иногда она отдаетъ напыщенностью, въ основѣ которой замѣчается какъ бы

желаніе проповѣдника блеснуть предъ слушателями цвѣтами краснорѣчія; но, говоря вообще, она все-таки составляетъ достоинство слога, особенно по сравненію съ крайне напыщеннымъ слогомъ многихъ современныхъ Теофилактѣ проповѣдниковъ, еще отдавшихъ дань схоластикѣ. Ораторъ допускаетъ иногда напыщенность и преувеличеніе, но лесть—никогда. Вообще, при своемъ вѣншнемъ блескѣ, слогъ его простъ.

Какъ одну еще характерную особенность его, мы должны отмѣтить нерѣдко встрѣчающіеся въ немъ діалоги и диспуты. Теофилактъ очень любитъ діалоги и часто дискутируетъ. Олицетворяя предъ слушателями своихъ собесѣдниковъ—противниковъ, проповѣдникъ ставитъ рядъ извѣстныхъ возраженій, которыя затѣмъ разбиваетъ силою своего слова. Диспутъ ведется очень просто и вполне естественно, приближаясь къ обыкновенной разговорной рѣчи.

Въ сл. на день Рождества Пресвятыя Богородицы ораторъ, представляя фарисейскаго гордеца говорящимъ о себѣ такъ: „Богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую (Апок. 3, 17)“, отвѣчаетъ на эти слова гордеца: выслушай, мнимый и заблуждающій богачъ: вѣмъ твои дѣла, отвѣтствуетъ тебѣ Испытующій сердца и утробы,—вѣмъ и трудъ твой, и терпѣніе твое, и яко не можеша носить злыхъ; но имамъ на тя (Апок. 2, 2—4). Знаю, что ты расположенъ къ добру; сіе расположеніе доказывается самымъ опытомъ; знаю, чего сердцу стоитъ борьба съ самимъ собой и побѣда надъ страстями; знаю, сколько ты терпишь отъ несправедливости свѣта; наконецъ и то знаю, что ты не ревнуешь лукавнующимъ, и отъ сомнища ихъ удаляешься, какъ бы отъ заразы: но „имамъ на тя“. Ты получилъ отъ Меня пять талантовъ, но даешь Мнѣ отчетъ только въ двухъ, или въ одномъ, и то еще несовершенно; ты обѣщался до конца жизни пребыть благимъ и вѣрнымъ рабомъ Моимъ, но престалъ быть таковымъ, не пройдя еще и половины опредѣленнаго тебѣ поприща“, и т. д. ¹⁾.

Подобные діалоги и диспуты разнообразили изложеніе и сообщали ему живость.

По языку Русановъ возвышается надъ предшествующими

¹⁾ 1, 163 - 164; см. также 2, 145, 149; 2, 127 и др.

ему проповѣдниками (Теофаномъ Прокоповичемъ, Стефаномъ Яворскимъ, Дмитріемъ Сѣменовымъ и др.) и надъ большинствомъ своихъ современниковъ. Тогда какъ тѣ и другіе нерѣдко уснащали свою рѣчь множествомъ славянизмовъ, мало-россійскихъ и иностранныхъ словъ, которыя, со времени Петра 1-го, вошли во всеобщее употребленіе и проникли даже въ официальные бумаги, и допускали несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію,—рѣчь его близка къ языку чисто рускому, общенародному. Въ ней нельзя найти какой-либо грубости и нечистоты. Во всемъ сборникѣ изслѣдуемыхъ проповѣдей встрѣчается, можетъ быть, только 10—15 иностранныхъ словъ, да и то такихъ, которыя получили въ русскомъ языкѣ право гражданства (напр.: институты (2, 25), пансіоны (*ibid*), генералиссимусъ (12, 56), министерство (2, 57), компасъ (2, 197), экономія (2, 211) и др. Изъ славянизмовъ у Теофилакта только встрѣчаются, напр., такія выраженія: ежели, совокупно, надлежать, кои, токмо, кольми паче, и т. п.

III-я ГЛАВА.

Источники проповѣдей Русанова.

На основаніи имѣющихся въ проповѣдяхъ Русанова цитаты мы должны отмѣтить слѣдующіе ихъ источники, свидѣтельствующіе о богатой эрудиціи и учености оратора: 1) Св. Писаніе;—2) Творенія св. Отцовъ и учителей церкви,—3) Исторіи—а) библейскую, б) общую церковную, с) русскую церковную, д) всеобщую гражданскую, е) и русскую гражданскую.

1. *Библейскій текстъ* составляетъ значительный, хотя не преобладающій элементъ проповѣдей Теофилакта, какъ это доказывается частымъ употребленіемъ въ нихъ цитатъ изъ свящ. ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ. Изъ этихъ цитатъ видно, что ораторъ нашъ былъ очень хорошо знакомъ съ Словомъ Божиимъ и широко пользовался имъ при составленіи своихъ проповѣдей.

2. Мы находимъ у Русанова двоякаго рода *ссылки на св. Отцовъ и писателей церкви*: въ однихъ случаяхъ онъ ограничивается только простымъ указаніемъ на извѣстное свидѣ-

тельство или мнѣніе св. Отца или писателя церковнаго, въ другихъ же случаяхъ онъ точно цитуетъ извѣстное сочиненіе. Цитаты перваго рода встрѣчаются, напр. въ слѣдующихъ проповѣдяхъ: 1) въ сл. на нед. Православія (въ 1800) есть ссылка на одно толкованіе св. Златоуста, по которому самая важнѣйшая и справедливѣйшая причина запрещенія судить другъ друга та, что ничто столько не препятствуетъ обществу и церкви наслаждаться миромъ и тишиною, какъ вольность судить другъ друга (1, 9), 2) въ сл. „первомъ посѣщеніи гор. Козельска“ (въ іюнь 1801 г.) приведены слова бл. Августина: „кто непослушный Богу миръ имѣлъ?“ (1, 54), 3) въ сл. на Преображеніе Господне (1806) приводятся свидѣтельства Тертуліана и св. Іустина о томъ, что во второмъ вѣкѣ христіанства царство Христово было уже несравненно обширнѣе царства Александрова и республики Римской (2, 32) и др. Цитаты втораго рода имѣются въ проповѣдяхъ: 1) въ сл. на Рождество Богородицы (1805 г.)—ссылка на „толкованіе Іеронима на 6 гл. пр. Михея“ (1, 160), 2) въ „Разсужденіи о плодахъ пришествія Христова“... приведено изъ Тертуліановой апологіи свидѣтельство о томъ, что Тиберій и Адрианъ соорудили въ память Спасителя капища (2, 130—131).

3. *Исторія* разныхъ видовъ была третьимъ источникомъ, дававшимъ нашему оратору самый значительный матеріалъ для проповѣдей. Въ этомъ можно достаточно убѣдиться изъ обзоренія историческихъ проповѣдей. Теперь мы только отмѣтимъ тѣ первоисточники по исторіи, на которые имѣются у оратора прямые и точныя указанія. Такъ, ему напр. знакомы были: а) разсужденіе Плутарха о воинственныхъ народахъ (цит. (кн. 9, гл. 17) — 2 ч. 160 стр.; б) исторія Тита Ливія (кн. 30, гл. 30)—*ibid.*; в) соч. Цезаря о „войнѣ противъ Галловъ“ кн. 6, гл. 30)—*ibid.*; г) соч. Цицерона „рѣчь противъ Верреса“—2 ч. 161 стр.; д) соч. Лампрідія „описаніе жизни Александра Севера“—2 ч. 131 стр.; е) лѣтописи Тацита (кн. 16, пис. 10)—2, 132—133; ж) исторія Тацита (кн. 5, гл. 13)—2, 115; з) Светонія „жизнеописаніе Веспасіана“ (гл. 4)—*ibid.*; и) толкованіе Халцидія на Темея—*ibid.*; і) соч. Оригена противъ Цельса (кн. 1, 34—58)—*ibid.*; к) „Уложенія Θεодосія“

(т. 6, 92 стр.)—2 ч. 126 стр.; л) „жизнь Калигулы“ Светонія—2, 126; м) соч. Іосифа Флавія о войнѣ Іудейской (7 кн.)—*ibid.*; и др.

Помимо главныхъ цитованныхъ сочиненій, мы должны еще отмѣтить нецитованные печатные источники. Желая, насколько возможно, изслѣдовать научную самостоятельность проповѣдническаго міросозерданія Русанова, мы пересмотрѣли сочиненія нѣкоторыхъ западно-европейскихъ—собственно французскихъ, мыслителей конца XVIII в., ратовавшихъ противъ атеизма и матеріализма. И наше изслѣдованіе не осталось безплодно. Намъ удалось, напр., открыть даже фактъ прямого перевода нѣкоторыхъ, высказанныхъ ораторомъ, мыслей изъ сочиненій Ж. Ж. Руссо, безъ цитированія. Такъ, просматривая рѣчь Руссо: „способствовало-ли возстановленіе наукъ и искусствъ улучшенію нравовъ?“, мы между прочимъ замѣтили, что нѣчто изъ нея очень близко къ нѣкоторымъ мыслямъ нашего проповѣдника. Эта рѣчь въ русскомъ переводѣ помѣщена „въ собраніи сочиненій Ж. Ж. Руссо“, изданномъ Н. Л. Тибленомъ въ Петербургѣ въ 1866 г., на стр. 553—586. Чтобы нагляднѣе показать, что именно и какъ заимствовалъ Русановъ изъ указанной рѣчи Руссо, мы приведемъ буквально нѣкоторыя выдержки изъ послѣдней и параллельно имъ составленныя по сходству выдержки изъ его проповѣдей.

Цитованная рѣчь Руссо, стр. 606. Слово Теофілакта на день св. Николая Чудотворца—1 ч., 60—61 стр.

„Евангелію не нужно было столько искусственности и такой обстановки, чтобы распространиться по всей вселенной, и чтобы красота его проникла во все сердца.“

Нужно только проникнуть въ эту Божественную книгу, единственно необходимую для христианина, чтобы она внесла въ душу любовь къ своему Творцу

„Евангеліе безъ всякаго искусства и пышности распростерлось по землѣ, и плытельная его простота сама собою довлѣетъ, чтобы проникнуть добрыя, чувствительныя сердца, сердца признающія нужду въ Божіей помощи. Ничего не требуется, кромѣ вниманія къ сей Божественной книгѣ, необходимой для хри-

и желаніе исполнять Его заповѣди. Никогда добродѣтель не говорила съ такой кротостію; никогда глубокомысленная мудрость не выражалась съ большей силой и простотой. Послѣ чтенія этой книги чело-вѣкъ всегда дѣлается лучшимъ, чѣмъ прежде“.

2. Тамъ же стр. 607.

„О, вы, сужители закона, возвѣщеннаго ею (т. е. книгой евангелія)! не заботьтесь научать меня столькимъ бесполезнымъ вещамъ. Оставьте всѣ эти ученныя книги, которыя не умѣютъ ни убѣждать, ни трогать. Преклонитесь предъ Богомъ милосердія, знать и любить Котораго вы приняли на себя обязанность научить меня; просите у Него того глубокаго смиренія, которое вы должны мнѣ внушать. Не превозносите предо мною гордой науки и неприличной пышности, которая позоритъ васъ и возмущаетъ меня; умилитесь сами, если хотите тронуть мое сердце; особенно, покажите мнѣ въ своей жизни примѣръ исполненія закона, которому вы хотите научать меня“.

стѣнина и полезной для всякаго человека, чтобъ ощутить въ себѣ любовь къ ея Творцу и желаніе послѣдовать ея внушеніямъ. Никогда добродѣтель не говорила столь пріятнымъ языкомъ, никогда глубокомысленная ученость не выражала себя съ толикою силой и простотой. *Надлежитъ быть камнемъ, чтобы при чтеніи Евангелія не учиниться добродѣтельнымъ“.*

2. Изъ слова Теофилакта на день сошествія Св. Духа — стр. 21—2.

Учители закона и добродѣтели! Повергнитесь предъ престоломъ милосерднаго Бога, прежде нежели начнете побуждать другихъ чтить Его и любить.

Просите у Него себѣ того смиренія, которое проповѣдуете; не выставляйте сея горделивыя учести, ни сей неприличной пышности, кои васъ посрамляютъ и въ слушателяхъ производятъ недовѣрчивость къ вамъ. Будьте прежде сами тронуты, если желаете другихъ трогать; а найлучше вашею жизнію старайтесь просвѣщать народъ“.

3. Тамъ-же — 573 стр.

„Въ политикѣ, какъ и въ нравственномъ мірѣ, не дѣлать добра есть величайшее зло, и всякій бесполезный гражданинъ можетъ разсматриваться уже, какъ человѣкъ вредный“.

3. Изъ сл. Теофилакта на Высоко-торжест. день рожденія Его Импер. Высочества, Цесаревича, Вел. кн. Константина Пав.—2, 254 стр.

„Въ очахъ вѣры, равно какъ и въ очахъ благоустроеннаго Правительства, непростительный грѣхъ не дѣлать добра, и всякій бесполезный гражданинъ можетъ и долженъ быть признанъ человѣкомъ опаснымъ“.

Вотъ собственно и всѣ тѣ пункты, въ которыхъ соприкасается Руссо съ тѣми или другими мѣстами проповѣдей Теофилакта. Какъ мы можемъ видѣть, это соприкосновеніе такъ близко, что невозможно считать его просто случайнымъ совпадениемъ: проповѣдникъ хотя и не буквально, но настолько точно передаетъ мысль Руссо, что нельзя ни въ какомъ случаѣ усумниться въ фактъ пользованія указанною рѣчью Руссо.

Спрашивается: какъ же смотрѣть на этотъ несомнѣнный фактъ? говоритъ ли онъ или не говоритъ въ пользу достоинствъ даднаго проповѣдника?—Намъ кажется, что онъ, если и не возвышаетъ проповѣдическихъ достоинствъ Русанова, то вмѣстѣ и не унижаетъ ихъ. Нашъ ораторъ все-таки не слѣдовалъ Руссо рабски, не приводилъ его словъ буквально, а только точно передавалъ его мысли,—мысли притомъ добрыя и воцѣ христіанскія. Мало того: этотъ фактъ ясно свидѣтельствуемъ о стремленіи Теофилакта пополнять кругъ своихъ проповѣдическихъ воззрѣній добрыми плодами современной западно-европейской литературы. Да и вообще, принимая во вниманіе оригинальный и притомъ всегда одинаковый, устойчивый характеръ всѣхъ его проповѣдей, мы не можемъ на основаніи указанного факта признать его человѣкомъ, способнымъ на рабское заимствованіе чужихъ словъ и мыслей. На основаніи указанного факта мы можемъ притти только къ тому несомнѣнному выводу, что и нѣкоторыя другія мысли Теофилакта имѣли своимъ источникомъ тѣ или другія рассу-

жденія западно-европейскихъ ученыхъ XVIII в. Такой выводъ мы можемъ отчасти подтвердить нѣкоторыми данными.

Просматривая, напр., переведенное самимъ Теофилактомъ соч. французскаго епископа Люзерна (втор. половин. XVIII в.). „Пастырское наставленіе о превосходствѣ религіи“ (Москва, Синод. типограф. 1804 г.), мы убѣдились, что оно давало Теофилактору нѣкоторый матеріаль для его проповѣдей, хотя въ то же время и не нашли въ данномъ случаѣ уже такого точнаго и близкаго заимствованія мыслей, какъ въ приведенномъ нами раньше случаѣ. Напр., разсужденія объ ограниченности человѣческаго разума (1 ч. 110; 59—60), о невозможности основать религію на умѣ человѣческомъ (1, 53), о необходимости подчиненія разума вѣрѣ (1, 60 напр.), о естественности существованія таинствъ въ христіанской религіи (1, 61) напоминаютъ намъ разсужденія о томъ же упомянутого выше еп. Люзерна (см. цитован. его соч. стр. 10, 11, 12, 23 и нѣк. др.).

Резюмируя все изслѣдованіе проповѣдей Теофилакта Русанова, мы должны придти къ слѣдующему. Теофилактъ Русановъ представляетъ собою очень оригинальное и замѣчательное явленіе въ области нашего полемическаго проповѣдничества конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія. Выдѣляясь изъ ряда тогдашнихъ нашихъ духовныхъ лицъ по своему общему духовному направленію и по своей администраторской дѣятельности, онъ отличался отъ него и по характеру своей проповѣднической дѣятельности.

Онъ не пошелъ по проложенному до него нѣкоторыми знаменитыми нашими церковными ораторами втор. полов. XVIII в. пути, а избралъ новый. Въ то время въ области русск. проповѣдничества господствовало направленіе нравственно-практическое, во главѣ котораго стоялъ Моск. митроп. Платонъ. Можно сказать, что всѣ наши проповѣдники втор. полов. XVIII в. были поглощаемы указаннымъ господствующимъ направленіемъ, являясь воспитанниками школы Москов. митроп. Платона. Но Теофилактъ, благодаря своимъ богатымъ отъ природы духовнымъ силамъ, а также благодаря тѣмъ счастливымъ условіямъ, при которыхъ началась его служебная дѣя-

тельность въ Петербургѣ, имѣлъ полную возможность заявить себя самобытнымъ въ области проповѣднической. Природная расположенность его преимущественно къ интересамъ мысли, затѣмъ полученное имъ по выходѣ изъ школы широкое образованіе и наконецъ близкое отношеніе его къ тогдашнему столичному образованному обществу на первыхъ порахъ его церковной дѣятельности, показавшее ему ясно силу увлеченія этого общества западнымъ систематическимъ философскимъ невѣріемъ,— эти три фактора направили его проповѣдническое вниманіе преимущественно на теоретическія заблужденія либеральныхъ образованныхъ современниковъ, а не на недуги нравственно-практической жизни русскаго общества. Отсюда Теофілактъ долженъ былъ явиться и дѣйствительно явился первымъ представителемъ поваго научно-богословскаго направленія въ области нашего проповѣдничества кон. XVIII-го и нач. XIX в. в., и потому имя его, какъ проповѣдника, не можетъ быть не замѣчено нашей исторіей. Уже то, что онъ первый понялъ одну изъ существеннѣйшихъ задачъ для тогдашняго нашего проповѣдничества — усиленно бороться противъ увлеченія образованныхъ русскихъ людей ложнымъ философскимъ систематическимъ направлеиіемъ научно-богословскимъ методомъ,—заставляетъ насъ предоставить ему далеко не послѣднее мѣсто въ ряду представителей русской проповѣди конца XVIII и нач. XIX в. Но еще большаго вниманія заслуживаетъ то, что Русановъ обладалъ богатыми проповѣдническими силами для выполненія принятой имъ на себя задачи. Правда, его ораторскій талантъ не представлялъ чего либо особенно-замѣчательнаго; онъ стоитъ ниже, напр., м. Платона и Анастасія Братановскаго; ему недоставало глубокаго воодушевленія, сильнаго чувства и высшаго художественнаго вкуса, тѣмъ не менѣе, по уму, по силѣ своей оригинальности, онъ былъ рѣдкій и выдающійся для своего времени. Выборъ имъ темъ, имѣющихъ живой интересъ, глубокой анализъ, оживленіе проповѣдуемой истины фактами исторіи, живое и даже изящное изложеніе, довольно хорошій языкъ, наконецъ даръ произношенія—вотъ причины той извѣстности, какою пользовался нашъ ораторъ въ Петербургѣ, Калугѣ и Рязани. Что касается

значенія его для исторіи гомилетики, то оно не особенно важно. Правда, Русановъ явился первымъ представителемъ новаго научно-богословскаго направленія, но только первымъ по времени, а не въ смыслѣ главы новой школы. Не ему суждено было стать ею, а митр. Филарету. Появившись на горизонтѣ нашей духовной литературы нѣсколько позже Русанова, Филаретъ, независимо отъ послѣдняго, сталъ скоро дѣйствительнымъ основателемъ новой проповѣднической школы. Сила его мысли собрала и опредѣлила все, что прежде носилось еще не вполне сформировавшимся въ русскомъ христіанскомъ сознаніи, и создала точный и образцовый нашъ богословскій языкъ. Между тѣмъ въ проповѣдяхъ Русанова не было ни полноты и опредѣленности нашей богословской мысли, ни вполне точнаго и твердаго богословскаго языка. Въ нихъ было много односторонности, даже блестящей и новой, въ нихъ проявился сильный умъ, но отсутствовала строгая чистота и цѣльность православнаго ученія. Отсюда Русановъ въ общемъ ходѣ русскаго проповѣдничества былъ только яркимъ провозвѣстникомъ и подготовителемъ появленія нашего ораторскаго свѣтила—Моск. мит. Филарета.

Общее историческое значеніе проповѣдей Русанова заключается въ томъ, что онѣ даютъ значительный матеріалъ для опредѣленія духовнаго и соціально-политическаго состоянія нашего общества конца XVIII в. и начала XIX в.

Наконецъ, для современныхъ читателей онѣ имѣютъ апологетическое значеніе: касаясь вопросовъ, которые въ иной формѣ, особенно тревожатъ мысль нашей интеллигенціи и даже простаго обывателя, онѣ даютъ христіанскій и разсудочно-обоснованный взглядъ, могущій успокоить и разрѣшить колебанія, сомнѣнія.

А. Ельмуковъ.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ И ЕГО „ЖИЗНЬ ИСУСА“.

(ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ).

(Продолженіе *).

Глава III. Душевный кризисъ Ренана.

Слѣдствіемъ религіозной мечтательности всегда бываетъ одно и то же. Съ теченіемъ времени однообразныя грезы наскучиваютъ человѣку; чувствительность къ нимъ понижается, и онѣ перестаютъ волновать человѣка и приводятъ его въ состояніе одушевленія.

Сначала человѣкъ съ недоумѣніемъ останавливаетъ свое вниманіе на такомъ явленіи. Ему жалко бываетъ тѣхъ волненій, которыя онъ когда то испытывалъ. Ему пачинаетъ казаться, что въ тѣ моменты онъ жилъ и жилъ интенсивно, теперь же является какимъ то мертвеннымъ существомъ, не знающимъ, куда склонить свою голову. На первыхъ порахъ это очень сильно тяготитъ его; онъ пытается заставить себя вновь пережить былыя чувствованія и съ этой цѣлю воспроизводитъ въ своемъ сознаніи прежніе образы въ болѣе рѣзкомъ и преувеличенномъ видѣ. Наконецъ эта усиленная работа его удручаетъ, и онъ не безъ удовольствія замѣчаетъ, что и никакихъ таинственныхъ голосовъ онъ не слышитъ, никакихъ и страданій въ своей душѣ не переживаетъ, что его душа въ дѣйствительности полна жизненныхъ силъ и стремится лишь выдти на свободу, чтобы отдаться всецѣло новымъ очарованіямъ. Онъ видитъ, что съ исчезновеніемъ прежнихъ фантастическихъ грезъ жизнь въ немъ не только не меркнетъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 18 за 1907 г.

а напротивъ разцвѣчивается, становится богаче и сложнѣе. Чѣмъ ярче выплываютъ въ сознании черты прежней замкнутой въ себѣ искусственной жизни, тѣмъ очаровательнѣе и роднѣе уму и сердцу представляется новая картина.

Про свою героиню Флоберъ замѣчаетъ: „она втянулась въ Ламартиновскую скорбь, она слышала звуки арфѣ на озерахъ, послѣднюю пѣснь умирающихъ лебедей; она видѣла предъ собой падающую листву, неопороченныхъ дѣвъ, возносящихся на небо; и гласъ Всевышняго, раздающійся въ долинахъ, доносился до нея“. Сначала все это ей нравилось, а потомъ она стала скучать, „не желая сознаться себѣ, и продолжала тѣ же мечтанія, сперва по привычкѣ, затѣмъ изъ тщеславія и наконецъ съ изумленіемъ почувствовала, что печаль ея стихла, а въ сердцѣ такъ же мало страданій, какъ и морщинъ на челѣ“ (M-me Bovary Ch. VI).

Почти то же самое произошло и съ Ренаномъ. Онъ говорилъ о Провидѣніи, переживалъ сладость отъ будущаго посвященія себя Господу. Но вотъ наступаетъ эта давно желаемая и такъ желѣмая имъ въ мечтахъ минута. Кончается его пребываніе въ Исси, и онъ, по обычаю, долженъ принять тонзуру (постриженіе). Принятіе тонзуры—простое обѣщаніе, а не обѣтъ; это—честное слово, а не строгое обязательство; но это—дѣйствіе, а для совершенія всякаго дѣйствія необходима живая сила, живое, естественное чувство. Поставленный въ необходимость проявить не въ мечтахъ, а на дѣлѣ свою религіозность, Ренанъ обращается къ своей душѣ и къ своему удивленію замѣчаетъ, что въ ней вовсе нѣтъ такого влеченія, которое нашло бы себѣ осуществленіе въ этомъ дѣйствіи.

Ренанъ долженъ былъ честно и открыто признаться въ этомъ и предъ самимъ собой и предъ близкими ему лицами. Но онъ этого не дѣлаетъ, не дѣлаетъ частію изъ-за привычки къ мечтамъ о своемъ служеніи Господу, частію изъ-за своего тщеславія. Въ его сознаніе настойчиво стучится мысль, что все равно онъ не сдѣлаетъ этого шага, и тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ говорить и о голосѣ Божіемъ, и о своей покорности Его волѣ, и о сладости посвященія Господу. Когда въ его душѣ возникли уже сомнѣнія и колебанія относительно

принятія тонзуры, онъ пишетъ однако матери: „теперь между г. Госселеномъ (Gosselin) и мной идетъ сужденіе относительно этого важнаго дѣла. Я не пренебрегалъ и не пренебрегу ничѣмъ, чтобы поставить его въ состояніе указать мнѣ на этотъ счетъ волю Господню; а послѣ этого его воля будетъ для меня закономъ. Хотя я еще ничего не рѣшилъ, однако предвижу отвѣтъ положительный. Тѣмъ не менѣе я хочу, моя добрая мама, чтобы такое важное рѣшеніе въ моей жизни не состоялось безъ вашего совѣта. Совѣты матери заключаютъ въ себѣ нѣчто священное, и было бы грѣшно не обратиться къ нимъ въ такомъ важнаго дѣлѣ“. (Lettres du seminaire. XXIII). Въ отвѣтъ мать пишетъ ему, что его письмо осчастливило ее, что ея обѣтъ теперь готовъ осуществиться; напоминаетъ ему о его болѣзни во время дѣтства и чудесномъ исцѣленіи, замѣчая, что не только она, а и многіе другіе видятъ въ этомъ Божіе предъизбраніе его. Г. Госселенъ также даетъ ему положительный совѣтъ.

Въ первыя минуты послѣ полученія этихъ совѣтовъ Ренанъ необыкновенно доволенъ. Ему пріятно, что любимыя имъ лица признаютъ его подготовленнымъ къ такому важнаго и серьезному дѣлу. „Все рѣшено, пишетъ онъ матери отъ 12 мая 1843 г. Не могу вамъ передать, какъ много я обязанъ въ этомъ важнаго дѣлѣ мудрости и добротѣ своего превосходнаго наставника... Я получилъ отъ него такіе серьезные совѣты, память о которыхъ сохраню въ продолженіе всей своей жизни. Провидѣніе, моя добрая мама, послало мнѣ въ его лицѣ руководителя, вполне соответствующаго моимъ расположеніямъ... Я принялъ его волю за голосъ самого Господа и съ той минуты ожидалъ только воли моей доброй мамы. Наконецъ я получилъ ваше письмо, и изъ моей души исчезли всѣ мои сомнѣнія. Да прославится Господь, моя добрая мама! Я не могу признать возможнымъ, чтобы лица, облеченныя въ моихъ глазахъ авторитетомъ нѣжности и разума, посоветовали мнѣ такой серьезный актъ, если бы въ дѣйствительности Его воля не призвала меня къ нему“ (ibid. XXV).

Но наступаетъ время принятія тонзуры, и Ренанъ отказывается. Казалось бы, что теперь онъ уже долженъ былъ бы

глубже всмотрѣться въ свою душу и откровенно признать, что въ немъ нѣтъ живого религіознаго чувства. Между тѣмъ онъ продолжаетъ скользить своимъ взоромъ по ея поверхности и набрасывать на себя покрывало (разумѣется дѣлая все это безсознательно), чтобы попрежнему и предъ самимъ собой и предъ другими близкими ему лицами казаться милымъ и хорошимъ мальчикомъ, чтобы попрежнему въ счастливомъ упоеніи покоиться на материнской груди. Послѣ своего отказа отъ принятія tonsury онъ пишетъ матери (отъ 6-го іюня 1843 г.): „Богъ знаетъ, что мое сердце всегда обращено къ Нему, что священство составляетъ всегда предметъ самыхъ пылкихъ моихъ обѣтовъ, самыхъ сладкихъ надеждъ. Это—только отсрочка и можетъ быть очень короткая отсрочка“. Въ оправданіе этой отсрочки онъ говоритъ о своей честности и искренности. „Я припадаю къ вашимъ колѣнамъ, моя нѣжная мама, и высказываю вамъ свои мотивы. Станьте между Богомъ и мной и судите. Если бы я былъ однимъ изъ тѣхъ безчувственныхъ сердецъ, которыя не способны ощутить важность такого великаго акта, я былъ бы свободенъ отъ всѣхъ этихъ страданій. Но слава Богу, благодаря вамъ, мама, я не изъ числа такихъ“. Я не думаю, что постыдно отсрочивать, когда отсрочиваютъ только затѣмъ, чтобы подчиниться своей совѣсти“ (ibid. XXVI).

Между тѣмъ въ дѣйствительности чувствомъ искренности и прямодушія Ренанъ и не обладалъ. Онъ не могъ всматриваться въ свою душу, напередъ не задрапировавши ее красиво-плотнымъ, непроницаемымъ плащомъ. Его взоръ не въ состояніи былъ переносить душевной обнаженности, ибо это зрѣлище требуетъ отъ человѣка напряженія всѣхъ его силъ, требуетъ подчасъ суроваго, даже жестокаго отношенія къ себѣ, между тѣмъ онъ съ самаго дѣтства привыкъ къ тому, чтобы на него падали лишь мягкіе, нѣжные лучи. Нѣкоторые изъ его особенно пронизательныхъ учителей видѣли въ немъ это свойство. Характеренъ въ этомъ отношеніи случай, передаваемый самимъ Ренаномъ въ „Воспоминаніяхъ дѣтства и юности“. „Однажды, говоритъ Ренанъ, Пино (Pinault) (одинъ изъ его учителей, про котораго онъ самъ замѣчаетъ, что это былъ человѣкъ съ „пылкимъ умомъ настоящаго апостола“).

замѣтилъ меня въ одной изъ аллей парка, въ то время, когда я сидѣлъ на каменной скамейкѣ; помню, я былъ занятъ чтеніемъ сочиненія Кларка „О существованіи Бога“. По обыкновенію я весь закутался въ плотный дорожный плащъ. „А, мое миленькое сокровище“, обратился онъ ко мнѣ, приближаясь.— Боже мой, какъ онъ красиво выглядитъ въ этомъ футлярѣ! Ахъ, не тревожьте его. Вотъ каковъ онъ теперь, такимъ останется и навсегда... Онъ будетъ учиться, учиться безъ конца; даже если когда нибудь къ нему придутъ, прося оказать помощь страждущей душѣ, онъ все равно будетъ сидѣть надъ своей книжкой. „Ахъ, оставьте меня въ покоѣ!“—воскликнетъ онъ пришедшимъ, „кутаясь въ свой плащъ“. (Souvenirs. VI Le séminaire d'Issy. II).

Оставаться постоянно окутаннымъ розовыми облачками грезы, ни разу не обратить своего взора на голую, неприкрашенную дѣйствительность,—это была основная черта характера Ренана. Если кто-нибудь рѣзко или даже грубовато сгонялъ съ его горизонта эти облачка и показывалъ ему ясно, что такое онъ представляетъ изъ себя въ дѣйствительности, онъ внутренно обижался и бѣжалъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ своими нѣжными словами могли снова навѣять на него чудныя грезы. Среди его учителей была одна любопытная личность. Это—Готтофрѣ (Gottofrey), профессоръ философіи. Какъ разъ онъ представлялъ изъ себя полнѣйшую противоположность Ренану. Онъ былъ весь дѣятельность, весь несокрушимая энергія, при этомъ человекъ, чуждый всякаго снисходительнаго отношенія къ себѣ. „Въ героическія времена христіанства, говоритъ про него Ренанъ, онъ искалъ бы мученичества. Но въ наше время, когда мученичество миновало, онъ съ какой то нѣжной любовью стремился къ смерти; онъ обрѣлъ наконецъ эту холодную невѣсту, которой онъ раньше отдалъ все свое сердце. Онъ отправился въ Канаду. Тифъ, свирѣпствовавшій въ 1847 году въ Монреалѣ, явился какъ разъ кстати на встрѣчу его желаніямъ. Ухаживая за больными до полного забвенія, онъ заразился и умеръ“. „Готтофрѣ, продолжаетъ Ренанъ, замѣтилъ меня и ни на минуту не упускалъ меня изъ виду; онъ сразу понялъ то, чего не могъ разглядѣть отеческій оптимизмъ Гос-

слена. Онъ заронилъ искру пожара въ глубинѣ моей совѣсти и грубой рукой сорвалъ тѣ повязки, которыми я старался прикрыть отъ собственнаго взора раны моей уже глубоко поколебленной вѣры“.

Дѣло было такъ. „Однажды, говоритъ Ренанъ, во время духовной бесѣды, мои возраженія были направлены съ такой силой, что нѣкоторые ученики, слушая ничтожные отвѣты профессора, невольно начали улыбаться, а Готтофрѣ прервалъ диспутъ. Вечеромъ онъ позвалъ меня къ себѣ и краснорѣчиво началъ доказывать, какъ противно христіанству излишнее довѣріе къ разуму, и какъ пагубно вліяетъ раціонализмъ на религіозное чувство. Увлекаясь своими мыслями, онъ началъ упрскать меня за мою склонность къ научнымъ занятіямъ. Научныя изысканія!.. Да зачѣмъ они? Все дѣйствительно нужное уже найдено. Вѣдь, не наука же спасаетъ душу. И, приходя все въ большее и большее возбужденіе, онъ воскликнулъ съ неподдѣльно глубокимъ чувствомъ: „ты—не христіанинъ!“

Если бы Ренанъ былъ искреннимъ и прямымъ отъ природы мыслителемъ, если бы онъ внутренно не любилъ носить повязки на своихъ глазахъ, онъ искренно обрадовался бы этому слову Готтофрѣ, онъ послѣдовалъ бы поцѣловать его руку, какъ наставника, который наконецъ открылъ ему его дѣйствительность. Между тѣмъ произошло совершенно другое. „Никогда, говоритъ Ренанъ, не испытывалъ я такого ужаса, какъ въ ту минуту, когда дрожащимъ голосомъ были произнесены эти слова. Выходя изъ комнаты Готтофрѣ, я шатался, какъ пьяный. „Ты—не христіанинъ!“— всю ночь этотъ голосъ звучалъ въ моихъ ушахъ, подобно раскатамъ грома. На слѣдующій день я повѣдалъ свои муки Госселену. Добрякъ сердечно успокоилъ меня: онъ вѣдь ничего не замѣчалъ, ничего не хотѣлъ видѣть. Онъ даже не скрылъ отъ меня того, что онъ крайне удивленъ и недоволенъ этимъ весьма нетактичнымъ посягательствомъ на совѣсть воспитанника, за котораго вся отвѣтственность скорѣе всего ложится на него одного“.

(Souvenirs. IV. Le séminaire d'Issy. II).

Лишь впоследствии Ренанъ понялъ поступокъ Готтофрѣ и оцѣнилъ его. Про своего непосредственнаго руководителя Гос-

селена (Gosselin) онъ замѣчаетъ въ „Воспоминаніяхъ“: „онъ совершенно не понялъ характера моего ума и не могъ предугадать логически неизбежное развитіе его въ будущемъ. Лишь одинъ Готтофра проявилъ истинную проицательность. Да, онъ былъ правъ; безусловно правъ,—я теперь понимаю его. Надо было дѣйствительно обладать необычайно чуткой воспримчивостью мученика и аскета, чтобы быть въ состояніи замѣтить то, что ускользало совершенно отъ взора тѣхъ лицъ, которыя съ замѣчательной сердечностью и добротой руководили моей совѣстью... Лишь теперь, по прошествіи тридцати восьми лѣтъ, я могу оцѣнить обнаруженную имъ удивительную проицательность. Лишь онъ одинъ былъ истиннымъ ясно-видцемъ, такъ какъ это былъ дѣйствительно святой. Теперь я сожалею о томъ, что не послѣдовалъ тогда его первому внушенію. Я бы вышелъ изъ семинаріи (въ Исси), оставя позади себя и еврейскій языкъ, и изученіе богословія“ (ibid).

Можно дѣйствительно искренно пожалѣть объ этомъ. Оставь онъ семинарію въ этотъ моментъ, онъ вышелъ бы изъ нея съ мыслию, что онъ не чувствовалъ и не чувствуетъ на самомъ дѣлѣ призванія къ священству, что истиннаго религіознаго чувствованія онъ въ дѣйствительности не переживалъ, и что вообще его внутренняя жизнь требуетъ значительной переработки и потому слѣдуетъ къ ней относиться внимательнѣе и серьезнѣе. Занялся ли бы онъ въ этомъ случаѣ естественными науками, какъ предполагаетъ, или отдался бы изученію филологіи и исторіи,—все равно; онъ получилъ бы тогда вкусъ къ дѣйствительнымъ чувствованіямъ, а не къ тѣнямъ ихъ, что переживаетъ человѣкъ сентиментальнаго типа, онъ ловилъ бы каждый оттѣнокъ чувствованія, дышащаго искренностью и вслѣдствіе этого стремящагося всегда выйти на волю, и брезгливо относился бы къ тѣмъ ложнымъ, искусственнымъ чувствованіямъ, которыя заставляютъ человѣка драпироваться въ плотный, непроницаемый плащъ и наслаждаться втихомолку ихъ жалкой бѣдной красотой и теплотой.

Этого не случилось. Ренанъ не оставилъ семинаріи въ Исси. Добрякъ Госселенъ успокоилъ его, убѣдивъ, что въ немъ живетъ и искренняя набожность, и призваніе къ священству,

что всматриваться глубоко въ свою внутреннюю жизнь ему вовсе не слѣдуетъ, такъ какъ всѣ сомнѣнiя сами собой исчезаютъ изъ души юноши, при вступленiи его на разъ избранное пастырское служенiе. Можетъ быть, по этому случаю Ренанъ помечталъ о дѣйствии благодати Божiей на человѣка, представивъ себѣ, что и религiозное чувство, какъ материнская ласка, только убаюкиваетъ человѣка, постоянно повторяя ему нѣжныя слова: „дорогой мой Эрнестъ, мой милый мальчикъ“! Послѣ двухлѣтняго изученiя философи въ семинарiи въ Исси онъ перешелъ въ семинарiю св. Сюльпиція и приступилъ къ занятiю еврейскимъ языкомъ и богословіемъ.

Зная сложившiйся складъ чувствованiй Ренана, не трудно предугадать, на что направится его критическая мысль, что онъ избересть въ христіанствѣ и что отвергнетъ, какъ немислимое.

Глава IV. Окончательный разрывъ Ренана съ церковью.

Раздумье Ренана предъ принятiемъ топзуры, происшедшее въ семинарiи въ Исси, было рѣшающимъ моментомъ въ его жизни. Даваемый въ этомъ случаѣ обѣтъ ясно показалъ Ренану, что религiозное чувство требуетъ отъ человѣка не мечты, а дѣла, требуетъ искренняго признанiя, что святъ и истиненъ одинъ Господь, а вовсе не сердце человѣческое, въ которомъ на ряду съ цѣнными крупницами добра живетъ грязь и нечистота. „Dominus pars haereditatis meae et calicis mei. Tu es qui restitues haereditatem meam mihi“.—долженъ былъ произносить постригаемый. (Господь есть часть наслѣдiя моего и чаши моей. Ты возстановишь мнѣ наслѣдiе мое).

Какъ только Ренанъ почувствовалъ эту дѣятельную сторону вѣры,—его сентиментальная, мечтательная природа тотъ-часъ запротестовала. „Все въ человѣкѣ хорошо, заговорила она, обрекать что-нибудь на уничтоженiе и смерть, вырывать свой глазъ“,—это грубо, некрасиво, это—безчеловѣчно, достойно дикаго, некультурнаго человѣка, это—пережитокъ изъ временъ варварства“. Прочь эту сторону вѣры. Истинное христіанство—человѣчно, гуманитарно“.

Въ сознании Ренана такимъ образомъ дѣятельная сторона

вѣры отождествилась съ самымъ страшнымъ, чудовищнымъ фанатизмомъ. Тогда же вѣроятно искренно вѣрующій Готтофрѣ представился ему въ образѣ фанатика, стремящагося къ самоуничтоженію, какимъ онъ рисуетъ его въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Невозможно представить себѣ, говоритъ онъ про него, болѣе разительный примѣръ самоубійства, внушеннаго ортодоксальнымъ мистицизмомъ. Конечно, Готтофрѣ имѣлъ бы въ свѣтѣ полный успѣхъ. Я не зналъ ни одного мужчины, который былъ бы способенъ внушать женщинамъ такую страстную любовь. Онъ хранилъ въ своемъ сердцѣ сокровище неизсякаемой любви. Онъ самъ сознавалъ, какимъ чуднымъ даромъ онъ былъ надѣленъ, и съ чувствомъ какой то ярости стремился къ самоуничтоженію. Можно было бы подумать, что въ прекрасныхъ дарахъ, которыми такъ щедро надѣлилъ его Богъ, онъ видѣлъ самого дьявола. Имъ овладѣвало головокруженіе; онъ впадалъ въ бѣшенство, видя свою очаровательную наружность; его можно было сравнить съ перламутровой раковинной, внутри которой поселился какой-то злобный гнѣмъ, постоянно занятый уничтоженіемъ драгоценнаго жемчуга“. (Souvenirs. IV, II. Le séminaire d'Issy).

Представляя себѣ въ такомъ видѣ Готтофрѣ, Ренанъ тогда же вѣроятно далъ себѣ обѣщаніе никогда не налагать рѣзца художника на свою собственную душу, мечтая, что все въ его внутренней жизни устроится наипрекраснѣйшимъ образомъ само собой. Работа надъ самимъ собой, внушаемая вѣрой, вызывала со стороны его природы протестъ, какъ требованіе какого то злобнаго гнома.

Что это былъ за протестующій голосъ, изъ какого источника онъ исходилъ,—Ренанъ не понялъ, даже послѣ того, какъ Готтофрѣ открылъ ему на это глаза. Происшедшее съ нимъ по поводу принятія тонзуры раздумье и отсрочку совершенія этого дѣйствія онъ приписалъ не отсутствію въ себѣ живого религіознаго чувствованія, а своей искренней набожности, своей необыкновенной нравственной чуткости къ важности и величію предстоящаго акта. „Я еще молодъ, моя добрая мама,—писалъ онъ отъ 6-го іюня 1843 г.; рѣдко раскаиваются въ томъ, что ожидали, особенно когда во время

ожиданія стараются стать болѣе достойными“. (Lettres du séminaire. XXVI).

Дальнѣйшее развитіе Ренана естественно опредѣлилось этимъ обстоятельствомъ. Почувствовавъ вслѣдствіе мечтательности своей природы протестъ противъ дѣятельной стороны вѣры и поставивъ это себѣ въ достоинство, Ренанъ естественно въ дальнѣйшемъ долженъ былъ направить свою критическую мысль на тѣ основы, на которыя опиралась вѣра этой своей стороной. Лишить вѣру ея живого средоточія, дѣлающаго ея требованія непререкаемыми и властными, превративъ ее въ одно изъ украшеній, которымъ человѣкъ можетъ пользоваться по своему произволу,—вотъ на что должна была направиться умственная дѣятельность Ренана, послѣдовавшаго внушеніямъ своей сентиментальной природы. Священства онъ принять не могъ. Долженъ былъ поэтому наступить часъ, въ который онъ долженъ будетъ порвать всякія связи съ своими паставниками, разстаться навсегда съ привычными мыслями и мечтами.

Что сообщаетъ вѣрѣ человѣка стойкость и жизненную мощь? Сознаніе ея сверхъестественнаго характера. Безъ этой черты вѣру нельзя отличать отъ грезы. Безъ признанія своего откровеннаго происхожденія вѣра перестаетъ быть вѣрой; можно называть ее въ этомъ случаѣ, какъ угодно.—величественной философской концепціей, чуднымъ поэтическимъ вдохновеніемъ или просто милой, но по мѣстамъ очень неумной сказочкой,—одинаково въ этомъ случаѣ вѣра теряетъ свою способность организовать внутреннія силы человѣка и изъ основного центра его жизнедѣятельности исходитъ на степень чисто внѣшняго придатка, которому для красоты человѣкъ можетъ придавать самую разнообразную форму.

Почувствовавъ протестъ своей природы противъ дѣятельной стороны вѣры и принявши этотъ голосъ за руководство, Ренанъ естественно въ цѣляхъ своего самооправданія долженъ былъ всѣми силами своего критическаго ума возстать противъ признанія сверхъестественнаго характера вѣры ¹⁾.

¹⁾ Да не подумаетъ читатель, что этотъ процессъ происходитъ въ душѣ Ренана при полномъ свѣтѣ сознанія. Нѣтъ, онъ совершается безсознательно. Удивительнаго въ этомъ вѣтъ ничего. „Самолюбіе, сираведливо замѣчаетъ Ренанъ

Такъ дѣйствительно и произошло. Въ семинаріи св. Сюльпиція онъ изучаетъ еврейскій языкъ и Библию, увлекается экзегетическими работами свободныхъ нѣмецкихъ богослововъ, и чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ все болѣе и болѣе подходитъ къ убѣжденію, что св. Библия, эта священная книга христіанъ, „ничуть не больше, чѣмъ всякая другая древняя книга, свободна отъ противорѣчій, ошибокъ и заблужденій, что въ ней много басенъ и легендъ, слѣдовъ чисто человѣческой работы мысли“. (Souvenirs. V. Le séminaire Saint—Sulpice. III).

Основой подобнаго убѣжденія служить не что иное, какъ непризнаніе вѣры въ чудеса, что прекрасно разъяснилъ самъ Ренапъ въ предисловіи къ тринадцатому изданію своей „Жизни Иисуса“. „Если чудо, говоритъ онъ здѣсь, имѣетъ подъ собою сколько-нибудь реальную почву, то моя книга (т. е. „Жизнь Иисуса“) представляетъ собой сплошное заблужденіе. . И наоборотъ, если чудо недопустимо, то я былъ правъ, рассматривая книги, которыя содержатъ рассказы о чудесахъ, какъ исторію съ примѣсью факцій, какъ легенды, полныя неточностей, ошибокъ, систематическихъ вымысловъ. Если Евангелія такія же книги, какъ всякія другія, то я былъ правъ, когда относился къ нимъ такъ же, какъ любой ученый, изучающій эллискія, арабскія, индійскія древности, относится къ легендарнымъ документамъ, составляющимъ предметъ его ученія... Нельзя было бы утверждать, что такая постановка вопроса заключаетъ въ себѣ *petitio principii*, что мы а priori допускаемъ предположеніе, требующее само по себѣ доказательствъ, именно, что чудеса, рассказываемыхъ въ Евангеліи, въ дѣйствительности не было, и что Евангелія написаны безъ всякаго участія Божества. Оба эти отрицанія вовсе не являются у насъ результатомъ толкованія Евангелій, они

въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, проявляетъ такую ловкость въ своихъ тайныхъ расчетахъ, что, искренно критикуя себя, мы неполно оставляемъ въ душѣ другихъ сомніе въ своей безусловной правдѣности. Опасность заключается въ томъ, что мы безсознательно становимся хитрецами, признаваясь съ мало похвальной скромностью въ незначительныхъ, чисто внѣшнихъ недостаткахъ для того, чтобы приписать себѣ невольно гораздо большія достоинства. Ахъ, какъ утонченно лукавъ демонъ тщеславія!“ (Souvenirs. VI. Premiers pas hors de s. Sulpice. V).

предпосылаются этому толкованію. Они представляютъ собой результатъ опыта, который остается неопровергнутымъ. Чудесъ никогда не бываетъ; одни легковѣрные люди воображаютъ, что видятъ ихъ; никто не можетъ привести для примѣра ни одного чуда, которое бы произошло при свидѣтеляхъ, вполне способныхъ подтвердить его; никакое частное вмѣшательство Божества въ какое бы то ни было явленіе, будь то составленіе книги, или что либо иное, никогда не было доказано... Я отрицаю чудеса, о которыхъ рассказываютъ евангелисты не потому, чтобы предварительно мнѣ было доказано, что эти авторы не заслуживаютъ абсолютнаго довѣрія. Но такъ какъ они рассказываютъ о чудесахъ, я говорю: „Евангеліе представляетъ собой легенду; въ немъ могутъ быть историческіе факты, но, конечно, не все, что въ нихъ заключается, исторически вѣрно“. (Русскій перев. Святловскаго. СПб. 1906).

Такимъ образомъ отрицаніе вѣры въ чудеса, связанное съ отрицаніемъ вообще сверхъестественнаго характера вѣры,— вотъ что руководило Ренаномъ при изученіи имъ Библии во время его пребыванія въ семинаріи св. Сюльпиція. Такъ какъ подобный критицизмъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ его мечтательной, недѣятельной природѣ, то чѣмъ опредѣленнѣе становились его возраженія противъ вѣры, и чѣмъ дальше онъ отходилъ отъ нея, тѣмъ все болѣе и болѣе свѣтлымъ становился въ его глазахъ его собственный образъ. Быстро въ его сознаніи образовалась новая украшающая повязка, парождались новыя очаровательныя грезы и мечты.

Чѣмъ внимательнѣе онъ останавливался своею мыслию на своихъ возраженіяхъ противъ вѣры, и чѣмъ болѣе они укрѣпляли въ немъ подказанное впервые его мечтательной природой убѣжденіе, что все въ душѣ человѣка хорошо и не требуетъ никакого испытующаго взора, тѣмъ яснѣе и определеннѣе становилось для него, что вѣра есть не что иное, какъ фанатизмъ, призывъ человѣка къ самоуничтоженію. „Знаете ли вы, писалъ онъ аббату Конья отъ 24-го августа 1845 г.,—бывали минуты, когда я былъ готовъ совершенно измѣнить свои воззрѣнія, когда я размышлялъ о томъ, не пріятнѣе ли для Бога, если я рѣзко порву нить своихъ

разсужденій и опять стану тѣмъ, чѣмъ я былъ два-три года тому назадъ! Но, идя постоянно впередъ, я вижу, что для меня стало немислимо возвращеніе къ католицизму; съ каждымъ шагомъ я все болѣе и болѣе удаляюсь отъ него. Какъ бы то ни было предо мною вполне ясный выборъ;—я могу возвратиться къ нему лишь въ томъ случаѣ, если ампутирую известную способность и наложу печать позора на свой разумъ, осудя его навсегда на почтительное молчаніе, даже болѣе—на безусловное молчаніе. Да, если бы я возвратился къ католицизму, я прекратилъ бы свои изслѣдованія и размышленія—въ томъ убѣжденіи, что они могутъ привести меня только ко злу,—и погрузился бы въ пабожную жизнь, какъ ее понимаютъ католики... Католицизмъ удовлетворяетъ всѣ мои способности, кромѣ критическаго мышленія; въ будущемъ я нигдѣ не надѣюсь найти болѣе полного удовлетворенія; итакъ остается одно: или отречься отъ католицизма, или ампутировать эту способность“. (Souvenirs. Appendice. Lettre I).

Когда вопросъ поставленъ такъ, естественно, какой долженъ на него послѣдовать отвѣтъ со стороны чловѣка. Если дѣятельная сторона вѣры представляется чловѣку ничѣмъ инымъ, какъ фанатизмомъ, дикимъ призывомъ къ самоубійству, чловѣкъ долженъ отказаться отъ вѣры. Изувѣромъ быть никогда не слѣдуетъ, такъ какъ изувѣрство все равно не приведетъ чловѣка къ вѣрѣ.

Такимъ образомъ поставленная дилемма: или отречься отъ католицизма или заставить замолчать свой разумъ давала Ренану полную возможность произвести разрывъ съ церковью, оставаясь въ своихъ глазахъ вполне честнымъ, искреннимъ мыслителемъ, для котораго всего дороже „истина“. „Каждый шагъ на поприщѣ критическаго мышленія, нишетъ онъ своему духовнику М. 6-го сентября 1845 г., удаляетъ меня все дальше отъ исходной точки (т. е. отъ вѣры). Итакъ выходитъ, что я потерялъ всякую надежду вновь возвратиться къ католической вѣрѣ? Ахъ, эта мысль была бы для меня слишкомъ жестокой. Нѣтъ, я уже больше не надѣюсь возвратиться къ ней путемъ раціональныхъ доводовъ; по порою я почти готовъ возстать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ моего проводника—

разума, въ которомъ я начинаю минутами сомнѣваться. Что станетъ въ такомъ случаѣ руководящимъ принципомъ моей жизни? Не знаю, но для истинной дѣятельности всегда найдется пища. Повѣрьте мнѣ, я долженъ былъ слишкомъ много перестрадать, чтобы остановиться хотя на мгновение на той мысли, которая для меня страшнѣе самой смерти. И все-таки, если бы совѣсть указала мнѣ, что эта мысль имѣетъ законное основаніе, я схватился бы за нее съ величайшей поспѣшностью, хотя бы изъ за чувства человѣческой стыдливости. По крайней мѣрѣ тѣ лица, которыя знаютъ меня, согласятся съ тѣмъ, что не изъ-за корыстныхъ видовъ я удалился отъ христіанскаго ученія. Напротивъ развѣ не ясно, что самыя дорогіе мои интересы должны бы были заставлять меня признавать истину этой вѣры? Чисто житейскія соображенія, противъ которыхъ я долженъ выдерживать борьбу, кажется, могутъ убѣдить въ этомъ, кого хотите; мое сердце нуждается въ христіанской вѣрѣ; Евангеліе всегда останется моимъ нравственнымъ руководителемъ; Церковь воспитала меня, я люблю ее. Ахъ! почему я не могу по прежнему называть себя ея сыномъ? Я оставляю ее вопреки своимъ желаніямъ; я съ отращеніемъ смотрю на всякія вѣроломныя нападки на нее и клеветническіе упреки по ея адресу. Признаюсь откровенно, я рѣшительно не вижу, чѣмъ бы можно было замѣнить ея ученіе; но я не могу скрыть слабыхъ сторонъ этого ученія, какъ я понимаю его; и я думаю, что никакого соглашенія на этой почвѣ быть не можетъ, потому что вѣдь рѣчь идетъ о доктринахъ, всѣ положенія которой такъ стройно прилегаютъ одно къ другому, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть выдѣлено изъ нея". (Souvenirs. V. Le séminaire Saint Sulpice. V).

Такимъ образомъ выхода изъ этой дилеммы для Ренана быть не могло. Наступила рѣшительная минута. Въ самомъ дѣлѣ можно было лишь двумя способами затушевать ее въ своемъ сознаниі. Можно было, во-первыхъ, оставаясь невѣрующимъ, по прежнему продолжать исполнять обряды и принимать таинства Церкви, т. е. казаться набожнымъ и послушнымъ сыномъ церкви; но это значило бы допускать сознательную ложь и тѣмъ самымъ унижать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Во вторыхъ, можно было разжижить въ своемъ сознаниіи христіанскую вѣру, такъ чтобы наименованіе себя христіаниномъ не мѣшало человѣку отрицать и вѣру въ чудеса и въ Божественное достоинство Спасителя. Надъ этимъ выходомъ Ренанъ задумывается. „Иногда я сожалею, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ своему духовнику М., что не родился въ такой странѣ, гдѣ узы ортодоксальнаго ученія менѣе тѣсны, чѣмъ въ странахъ католическихъ; вѣдь я хочу искренно и глубоко оставаться христіаниномъ, но я не могу быть ортодоксомъ. Видя такихъ свободныхъ, смѣлыхъ мыслителей, какъ Гердеръ, Кантъ, Фихте, называющихъ себя христіанами, я невольно желаю стать такимъ же христіаниномъ, какъ они“. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ „Воспоминаній“, я былъ протестантомъ; я не могъ рѣшиться отречься совершенно отъ тѣхъ великихъ религіозныхъ традицій, которыми я жилъ до сихъ поръ; я мечталъ о будущихъ религіозныхъ реформахъ, мечталъ о томъ, что философская сторона христіанскаго ученія очистится отъ приставшей къ нему грязи суевѣрія и, сохраняя во всей неприкосновенности свои нравственныя основы, останется великой школой человѣчества, его вѣрнымъ руководителемъ изъ вѣка въ вѣкъ. Чтеніе нѣмецкихъ богословскихъ сочиненій поддерживало меня въ этихъ мысляхъ. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ писателей такого направленія я ближе всего былъ знакомъ съ Гердеромъ. Я восхищался его широкими взглядами и не разъ говорилъ съ чувствомъ живѣйшаго сожалѣнія: „почему не могу я, подобно Гердеру, раздѣляя эти мысли, оставаться христіанскимъ пастыремъ и проповѣдникомъ!“ Но къ чести Ренана нужно отнести то, что онъ не поддался этому соблазну. „Зная прекрасно сущность католическаго ученія, говоритъ онъ, и питая въ то же время чувства почтенія къ нему, я все болѣе убѣждался въ томъ, что, какъ честный человѣкъ, я не могу ни въ какомъ случаѣ оставаться католическимъ священникомъ, раздѣляя такія убѣжденія. Я былъ христіаниномъ въ духѣ ученій богослововъ изъ Галле или Тюбингена. Тайный голосъ говорилъ мнѣ: „ты болѣе не католикъ; твоя ряса—ложь, брось ее“ (ibid). Ренанъ чувствовалъ, что, поступая такимъ образомъ,

онъ будетъ давать своимъ пасомымъ вмѣсто дѣйствительной христіанской вѣры, ту религію, стремящуюся блеснуть убогой роскошью ситца и коленкора“, то „богословіе барышень, лишенное всякой солидности“, которыми его самого угощали во время пребыванія въ семинаріи св. Николая дю-Шардонне. Но подобная религія и подобное богословіе внушали ему по справедливости одно отвращеніе. „Это, говоритъ онъ, заблужденіе свѣтскихъ католиковъ, такъ называемыхъ либераловъ. Не зная ни богословія, ни экзегетики, они представляютъ принятіе христіанства, какъ простое вступленіе въ ряды какой-нибудь партіи. Они обращаются съ нимъ вполне свободно; допуская одни догматы, они отвергаютъ другіе; и послѣ этого они еще приходятъ въ негодованіе, если ихъ не признаютъ истинными католиками. Но всякій, кто сколько нибудь ближе знакомъ съ теологіей, не будетъ способенъ къ такой непослѣдовательности. Для него все покоится на неизблемомъ авторитетѣ Писанія и Церкви, и ему нечего выбирать. Отказаться хотя отъ одного догмата, отвергнуть хотя одно правило Церкви,—это значитъ вообще не признавать въ принципѣ ни Церкви, ни Откровенія. Въ Церкви, основанной на Божественномъ авторитетѣ, все равно, отрицать ли одно положеніе или отрицать все,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ это будетъ ересью. Изъ стѣнъ исторгнуть можетъ быть лишь одинъ камень, но въ слѣдъ за этимъ роковымъ образомъ рушится все зданіе“ (Souvenirs. V, III).

Къ слову сказать, этой очень простой истины, къ сожалѣнію, не понимаютъ нѣкоторые и изъ нашихъ современныхъ „либеральныхъ“ богослововъ, въ родѣ, напр., свящ. Г. Петрова. Они не замѣчаютъ, что вмѣсто дѣйствительной христіанской вѣры, которая, говоря словами св. Апостола Павла, „проповѣдуетъ Христа распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе, для самихъ же призванныхъ, Іудеевъ и Еллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость“ (I Кор. I, 23—24), они даютъ какое-то хиленькое, слабенькое богословіе, перевитое розовыми ленточками. Подобные проповѣдники какъ будто стѣсняются говорить о „немудромъ Божіемъ и немощномъ Божіемъ“ и все стремятся поддѣлаться и согласоваться

съ „премудрымъ и сильнымъ человѣкомъ“. Они говорятъ, напр., не о твореніи, а объ эволюціи. Такихъ проповѣдниковъ понять никакъ нельзя. Можно принимать христіанское ученіе о твореніи и усматривать въ немъ разумъ, но нельзя вкладывать какой-нибудь опредѣленный смыслъ въ понятіе эволюціи, употребляемое богословомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ не дается ни науки, ни вѣры. Если рѣчь идетъ объ эволюціи, то я позволю себѣ усомниться и поставить подъ вопросомъ, что естественное развитіе, наблюдаемое въ природѣ, имѣетъ своей тенденціей сформированіе все болѣе и болѣе совершеннаго типа. Вѣдь, можно отлично себѣ представить, что самое захудалое животное съ грустью смотритъ на самаго умнаго человѣка и, покачивая своей головой, говоритъ: „ахъ, ты горемыка несчастный! Отъ природы ты отсталъ, а чегонибудь лучшаго не выдумалъ“. Развѣ нельзя себѣ представить, что природа, создавая человѣка, совершила не скачекъ въ высь, а круто повернула назадъ, какъ будто вспомнивъ, что отецъ ея—хаосъ, а мать—темная почва? Стоитъ только на минуту задуматься надъ той бессмысленной тратой энергіи, которая совершается въ человѣческомъ обществѣ, чтобы явилась возможность вообразить себѣ, что какъ разъ въ сферѣ человѣческой жизни природа и возвращается въ свое первобытное состояніе, къ тѣмъ временамъ, когда ея атомы безцѣльно носились въ пространствѣ, сталкиваясь другъ съ другомъ. Что докажетъ такимъ образомъ, кромѣ вѣры, смыслъ и разумъ въ области человѣческой жизни? Всѣ эти наши современные либеральные проповѣдники не что иное, какъ „несовершенные соловьевцы“. Они занимаютъ въ отношеніи къ Вл. С. Соловьеву такое же положеніе, въ какомъ находились въ отношеніи къ Сократу мегарцы, циники и киренцы: они плохо его понимаютъ и его мысли не раскрываютъ, а извращаютъ. Они могутъ оказывать такое же вліяніе на развитіе религіознаго сознанія человѣка, какое производили наставники въ парижской семинаріи св. Николая (см. гл. II).

Ренанъ ясно понималъ фальшь либеральнаго богословія, а потому для него и этотъ выходъ изъ дилеммы,—выходъ чрезъ разжиженіе христіанской вѣры остался закрытымъ.

Но такъ какъ всѣ эти выходы для честнаго и искренняго мыслителя дѣйствительно невозможны, такъ какъ, если только правильна дилемма, изъ нея возможенъ лишь единственный выходъ—это рѣшительный разрывъ съ христіанскою Церковью; то естественно, что Ренанъ, обдумывая свое положеніе приходитъ къ мысли, что то добро, которое онъ чувствуетъ въ своей душѣ, онъ можетъ сохранить лишь въ случаѣ рѣшительнаго отреченія отъ Церкви. Въ его сознаніе настойчиво стучится мысль, что, только отрекшись отъ Христа, онъ можетъ стать Его вѣрнымъ ученикомъ. Въ это время, „я несомнѣнно, говорю онъ въ своихъ „Воспомяніяхъ“, оставался христіаниномъ: во всѣхъ бумагахъ того времени я нахожу ясныя слѣды тѣхъ же самыхъ чувствъ, которыя впоследствии я старался вложить въ „Жизнь Иисуса“,—я говорю о той глубокой любви, которую я чувствовалъ къ евангельскому идеалу и личности великаго основателя. Мною овладѣла идея, что покинувъ Церковь; я могу остаться по прежнему вѣрнымъ Иисусу; если бы въ это время я былъ способенъ вѣрить въ видѣнія, предо мной не разъ явился бы Божественный Учитель со словами утѣшенія: „оставь Меня, чтобы быть Моимъ ученикомъ“. Я жилъ и находилъ нравственную поддержку въ одной этой мысли. Уже въ эти минуты мною была вполне задумана „Жизнь Иисуса“. Въ моей борьбѣ съ теологіей меня воодушевляла та же вѣра въ высокую личность Иисуса, которой проникнуты всѣ страницы этой книги. Иисусъ дѣйствительно всегда являлся моимъ учителемъ. Я былъ убѣжденъ, что, жертвуя всѣмъ ради истины, я слѣдовалъ и исполнялъ одинъ изъ первыхъ Его завѣтовъ“ (Souvenirs V; V).

Такимъ образомъ новая украшающая повязка сложилась окончательно, и Ренанъ теперь могъ рѣшительно сказать свое послѣднее: „прости“ какъ своимъ простымъ бретонскимъ наставникамъ, такъ и ученымъ теологамъ—сюльписьенамъ. Онъ пришелъ къ мысли, что, только отрекшись отъ Христа, онъ можетъ полюбить Его, какъ слѣдуетъ, стать вѣрнымъ Его ученикомъ, что, только разорвавши всякія связи съ Церковью, можетъ искренно воодушевиться образомъ ея Основателя, только отвергнувши вѣру въ чудеса, т. е. „въ сверхъестественное частное“, мо-

жетъ съ трепетомъ почувствовать истинность „сверхъестественнаго общаго“, т. е. „скрытой въ природѣ души, идеала, источника и конечной причины всего бытія“ (Ср. Жизнь Иисуса. Предисл.), — словомъ, что, только ставши атеистомъ, можетъ сохранить въ себѣ вѣру.

Ренанъ понялъ фальшь либеральнаго богословія что дѣлаетъ честь его проницательности. Ему несносной казалась религія, стремящаяся блеснуть убогой роскошью ситца и коленкора, „богословіе барышень, лишенное всякой солидности“. Его художественное чувство протестовало противъ подобныхъ дисгармоничныхъ композицій. Но онъ не понялъ (и этого уже нельзя поставить ему въ достоинство), что онъ въ своемъ дѣлѣ не далеко ушелъ отъ либеральныхъ богослововъ, что онъ даетъ такую же неопредѣленную по своему стилю композицію, какъ и послѣдніе. Ренанъ не понялъ, что, если возможно „богословіе барышень“, питающееся крохами, падающими со стола мужей науки, то возможенъ и „атеизмъ барышень“, слабенькій, блѣдненькій атеизмъ, подбирающій себѣ, для того, чтобы выглядѣть покрасивѣе и посвѣжѣе, лепестки розъ, падающіе со стола людей вѣры. Ренанъ не понялъ, что такой именно атеизмъ онъ и даетъ и даетъ затѣмъ, чтобы подъ его свѣтію можно было безпрепятственно продолжать мечтать о великихъ чувствованіяхъ, какъ это дѣлалъ онъ въ былую пору, покоясь на материнской груди.

„Съ отреченіемъ Ренана отъ церкви, можно сказать, ничего въ его внутренней жизни не измѣнилось; его мечтательная, недѣятельная природа, отвергнувши сверхъестественный характеръ религіи, успокоилась окончательно и проявилась вполнѣ, нашедши для себя такую область, которая, повидимому, позволяла мечтать до головокруженія, до потери всякаго чувства дѣйствительности. Въ прежнее время подъ сводами семинаріи этого было дѣлать нельзя; окружавшіе паставники въ рясахъ то и дѣло самымъ своимъ видомъ напоминали, что надобно не мечтать, а дѣлать, осуществлять свои чувствованія. Теперь же этой надоѣдливой обстановки болѣе нѣтъ. И николаиты, и скульписьены остались гдѣ-то позади съ ихъ вѣрой въ чудеса, или „въ сверхъестественное частное“.

„Между тѣмъ всѣ образы по существу остались тѣ же самыя. Съ нихъ снято теперь лишь все, что порой заставляло Ренана, при взглядѣ на нихъ, задумываться. Иисусъ исцѣлялъ больныхъ, но „Онъ имѣлъ такое же представленіе о рациональной медицинѣ, какъ и большинство его современниковъ“ (какое, напр., добрая мама имѣла о философіи); „какъ и всѣ, Онъ вѣрилъ, что излеченіе достигается главнымъ образомъ съ помощью религіозныхъ обрядовъ, и такое вѣрованіе было совершенно послѣдовательнымъ. Разъ, что на болѣзнь смотрѣли, какъ на наказаніе за грѣхъ, или какъ на навожденіе злого духа, а отнюдь не какъ па результаты физическихъ причинъ, лучшимъ врачомъ считался святой человѣкъ, обладающій сверхъестественной силой. На исцѣленіе смотрѣли какъ на дѣяніе нравственнаго порядка; Иисусъ, ощущавшій свою нравственную силу, долженъ былъ думать, что онъ одаренъ и спеціальной способностью исцѣлять“ (Жизнь Иисуса. Гл. XVI). „Надо помнить, что ни у Него, ни у его слушателей ни было ни малѣйшаго понятія о законахъ природы, ограничивающихъ предѣлы возможнаго“. (Тамъ же. Гл. XV).

Нравственными заповѣдями этого образа можно восхищаться; съ умиленіемъ можно чувствовать, напр., въ Нагорной проповѣди голосъ того скрытаго въ нѣдрахъ природы живого идеала, который называется божествомъ. „Его Евангеліе было лучшимъ лекарствомъ отъ докучности обыденной жизни, вѣчнымъ *surgit contra*, могущественнымъ отвлеченіемъ отъ жалкихъ земныхъ заботъ, нѣжнымъ призывомъ, въ родѣ сказаннаго Марѣѣ: „Марѣа, Марѣа, ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только нужно“. Благодаря Иисусу въ самой тусклой жизни, поглощаемой печальными и унижительными обязанностями, бывали свои проблески небеснаго свѣта. Въ нашемъ дѣловомъ обществѣ воспоминаніе о свободной жизни въ Галилеѣ является какъ бы благоуханіемъ, которое доносится съ того свѣта, „росой Ермонской“, которая не дала черствости и суетности всецѣло завладѣть Божьей нивой. (Тамъ-же. Гл. X). Но чувствовать въ этомъ голосѣ благоуханіе, доносящееся съ того свѣта, „росу Ермонскую“, уловлять въ его звукахъ призывъ самого божества нужно съ тѣмъ же

настроениемъ, съ какимъ приникали къ совѣту доброй мамы, намѣреваясь въ немъ услышать волю самого Господа. Если этотъ голосъ не вторитъ нашимъ тайнымъ желаніямъ, не зоветъ насъ къ грезѣ и мечтѣ, а, какъ добрая мама, говоритъ, проникая въ глубь нашего сердца: „да Эрнестъ, оставь суетный міръ и будь пастыремъ церкви“, мы можемъ сказать, покивая своей головой: „все это хорошо, но лучше всего руководиться голосомъ своего собственнаго сознанія, ибо, право, мы никогда не видимъ Госиода и не можемъ точно узнать, дѣйствительно ли это Его воля“. Вотъ, напр., этотъ голосъ, который является для нашего дѣловаго общества „росой Ерманской“, обращаясь къ человѣку говоритъ: „кто хочетъ илги за Мной, отвергнись отъ себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за мной! Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня. Ибо кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее. Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Что нужно сказать по этому поводу? Одно. „Въ это время къ его словамъ примѣшивалось нѣчто сверхчеловѣческое и страшное; то было какъ бы пламя, уничтожавшее всю жизнь въ самомъ ея корнѣ и превращавшее все въ ужасную пустыню. Рѣзкое и печальное чувство отвращенія къ міру, преувеличеннаго отреченія отъ него, характеризующее христіанское совершенство, было основано не радостнымъ и тонкимъ моралистомъ первыхъ дней, а мрачнымъ гигантомъ, который подъ давленіемъ нѣкотораго грандіознаго предчувствія все болѣе и болѣе удалялся отъ всего человѣческаго. Можно было бы сказать, что въ эти моменты борьбы съ законнѣйшими изъ требованій сердца онъ забывалъ всѣ радости бытія, удовольствія, которыя испытываетъ человѣкъ, когда онъ любитъ, видитъ, чувствуетъ“ (Тамъ же. Гл. XIX). Словомъ по поводу подобныхъ требованій этого образа можно вспомнить о Готтофрѣ и о перламутровой раковинѣ, въ которой поселился какой то злобный гномъ, занятый постоянно уничтоженіемъ драгоцѣннаго жемчуга.

Правда, міровоззрѣніе Ренана складывалось въ то время, когда въ умственной атмосферѣ звучали сильно отголоски той

вѣры въ разумъ и вообще въ человѣческую природу, которая составляетъ характерную особенность XVIII вѣка (половина XIX стол.). Но оправдать этимъ вполне ошибку, допущенную Ренаномъ, нельзя. Во первыхъ, это не была уже та наивная вѣра, дышащая чисто юношескимъ энтузіазмомъ, которой вдохновлялись мыслители XVIII стол.; слышались лишь ея отголоски, но съ ними раздавались одновременно и другіе диссонирующіе съ ними аккорды; это скорѣе были воспоминанія взрослога и прожившаго человѣка о своемъ дѣтствѣ и юности, въ которыхъ свѣтлыя видѣнія изъ давно минувшаго времени вызываютъ вмѣстѣ съ радостью и меланхолическую грусть по поводу пережитыхъ горькихъ разочарованій.

Во вторыхъ Ренанъ, какъ талантливый человѣкъ, долженъ былъ почувствовать, что эта вѣра въ разумъ, которую онъ поставилъ принципомъ своей новой жизни, не представляетъ изъ себя свободнаго отпрыска совершенно свободнаго человѣческаго духа. И онъ это чувствовалъ. Набрасывая въ своемъ сочиненіи „Будущее науки“, написанномъ вскорѣ послѣ отреченія отъ христіанства и слѣдовательно подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ идеала свободной науки, изложеніе тѣхъ началъ, которыя теперь должны управлять его жизнью, онъ однако сознаетъ, что новый его принципъ жизни недостаточно обоснованъ. Раскрывая вѣру въ прогрессивное шестіе человѣчества къ истинѣ и добру, какъ положеніе, подлежащее вполне разумному обоснованію, онъ ставитъ себѣ возраженіе, указывая, что исторія, повидимому, не только склона оправдывать это положеніе, а напротивъ въ корнѣ разрушаетъ его. Исторія, повидимому, говоритъ онъ, показываетъ намъ, что народы болѣе образованные подчинялись самымъ варварскимъ народамъ: Аѳины попадали подъ власть Македоніи, Греція подъ власть римлянъ, римлянъ подчиняли варвары, китайцевъ—маньчжуръ. Размышленіе скоро устааетъ. Наши мѣщанскія семейства уже чувствуютъ усталость. Полвѣка, истекшіе съ 89 года, утомили ихъ больше, чѣмъ безчисленныя поколѣнія первобытнаго мрака (Гл. III). Поставивъ себѣ такое возраженіе, Ренанъ признаетъ вполне его серьезность. Онъ ясно видитъ, что въ виду этихъ историческихъ фактовъ его поло-

женіа о прогрессѣ становится чѣмъ-то химерическимъ, эфемернымъ. „Замѣтите, говоритъ онъ, что это не пустой вопросъ и не досужія мечтанія. Вопросъ касается самого человѣка и законности его природы. Если человѣчество создано такъ, что ему неизбѣжно свойственны нѣкоторыя иллюзіи, если излишнее познаніе реальности вещей приноситъ ему вредъ, если ему необходимы суевѣрія и ограниченность воззрѣній, если законное и необходимое развитіе его личности является въ то же время его упадкомъ, то необходимо признать, что человѣчество создано дурно, что основаніе его ложно, что оно стремится къ собственному разрушенію, потому что всѣ побѣдившіе благодаря своимъ иллюзіямъ неизбѣжно приходятъ къ потерѣ своихъ иллюзій вслѣдствіе цивилизаціи и рационализма. Такимъ образомъ уничтожается наше міровоззрѣніе, потому что оно состоитъ въ признаніи законности прогресса. Между тѣмъ при такомъ предположеніи человѣчество неизбѣжно приходитъ въ безвыходное положеніе; путь его не представляетъ прямой линіи, направленной въ бесконечность, потому что, постоянно двигаясь впередъ, оно все таки отодвинулось бы и назадъ“. (Тамъ-же).

Что же онъ отвѣчаетъ на это возраженіе?—„Счастливы тѣ, кто въ окончательномъ опытѣ найдетъ экспериментальные отвѣты на эти ужасныя умозаключенія. Быть можетъ, наши утвержденія въ этомъ отношеніи вызваны вѣрой, которая вѣритъ, хотя не видитъ, ибо, собственно говоря, если наблюдать отдѣльные факты, то оптимизмъ покажется намъ безкорыстнымъ благородствомъ. Что касается меня, то если бы я увидѣлъ полное разрушеніе человѣчества, если бы я увидѣлъ, какъ люди убиваютъ другъ друга въ роковомъ мракѣ, я все же не пересталъ бы провозглашать, что человѣческая природа благородна и создана для совершенства, что недоразумѣнія устранятся, и что придетъ день, когда воцарится разумъ и совершенство. Тогда вспомнятъ о насъ и скажутъ: „о какъ имъ приходилось страдать!“ (Тамъ-же).

О чемъ говорятъ эти искреннія слова, вырвавшіяся изъ самого сердца, какъ не о настоящей необходимости для человѣческаго духа, сжигаемаго жаждой истиннаго совершенства, вѣрить въ чудо и сверхъестественное, въ „сверхчувствен-

ное частное“, ибо безъ признанія его вѣра въ сверхъестественное общее становится неизбежно зыбкой, туманной и неопредѣленной? Ибо что такое вѣрить въ чудо, какъ не признавать въ нѣкоторые моменты жизни, что таинственный голосъ, улавливаемый сердцемъ человѣка и отвѣчающій глубокимъ потребностямъ человѣческаго духа, правдивъ и истиненъ безусловно, правдивъ и истиненъ даже въ то время, когда наша плоть и кровь, наши тусклые глаза, наши глухія уши говорятъ намъ о совершенно противномъ. (Ниже эта мысль будетъ мной раскрыта подробнѣе. (См. „Вѣра въ чудеса и психологическое оправданіе ея“).

Ренанъ такимъ образомъ чувствовалъ, что новый принципъ его жизни—вѣра въ разумъ вовсе не является самостоятельнымъ основаннымъ на себѣ принципомъ, что это не болѣе, какъ преломившійся въ его природѣ лучъ отъ прежней христіанской вѣры. „Въ глубинѣ души, говоритъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, я чувствую, что моя жизнь всегда управлялась вѣрой, которой у меня болѣе нѣтъ. Вѣра имѣетъ ту особенность, что она продолжаетъ дѣйствовать и послѣ своего исчезновенія. Благодать переживаетъ по привычкѣ прежнее живое чувствованіе. Люди машинально продолжаютъ дѣлать то, что раньше дѣлали, поступая по разуму и истинѣ. Послѣ того какъ Орфея, потерявшаго свой идеаль, растерзали менады, его лира все продолжала повторять: „Евридика! Евридика!“ (Souvenirs. Le broyeur de lin. I). Но всѣ эти мысли не тревожили его сильно. Онѣ появлялись въ его сознаніи, но не останавливали на себѣ его вниманія; онъ не слышалъ ихъ голоса, призывавшаго его къ тяжелой работѣ надъ своей внутренней жизнью, къ сформленію себя по тому или другому опредѣленному стилю. Онъ никогда не переживалъ въ себѣ той воли къ исполнѣ законченной и цѣльной истинѣ, которая заставляетъ узника Платона, прикованнаго цѣпями къ стѣнѣ пещеры и видящаго въ этомъ положеніи лишь тѣни предметовъ, проникающія чрезъ небольшое отверстіе, не смотря на свои ужасныя страданія, отвернуться отъ этихъ тѣней и обратить свой взоръ на самое отверстіе, чтобы чрезъ него видѣть дѣйствительные предметы. Ему казалось пріятнѣе жить среди призраковъ и тѣней, среди отраженныхъ лучей, какъ

болѣе мягкихъ и нѣжныхъ. Вдохновляясь строгой законченностью твореній художественнаго греческаго генія, онъ предпочиталъ въ самомъ себѣ куда то порывающуюся въ высъ своими башнями и шпицами и грузно осѣдающую на землю своимъ основаніемъ готику.

Если бы Ренанъ глубже всматривался въ свою внутреннюю жизнь и зналъ на дѣлѣ, что значитъ быть искреннимъ и честнымъ предъ своею собственной мыслию, онъ узналъ бы, что теперь мы можемъ знать, благодаря трудамъ Фр. Ницше, этого рѣшительнаго и логически послѣдовательнаго атеиста, какія обязанности налагаетъ на человѣка невѣріе. Онъ узналъ бы тогда что не христіанская вѣра требуетъ отъ человѣка обрѣзанія, не она заставляетъ его класть на раскаленные руки истукана своихъ собственныхъ дѣтей, а атеизмъ властно приказываетъ человѣку вырвать изъ своей груди живое трепетное сердце со всѣми его мускулами и нервами, что онъ необходимо соединяется съ конвульсіями и эпилептическими припадками, такъ какъ для своего обоснованія требуетъ также чуда, „сверхъестественнаго частнаго“, но, безсильный это сдѣлать, повергаетъ человѣка въ состояніе дикаго изступленія.

Но Ренанъ скользилъ лишь по поверхности своей души, озаряемой мягкими лучами закатившагося солнца, и въ продолженіе всей своей жизни оставался неопредѣленнымъ съ внутренней стороны существомъ, какимъ-то „полужрецомъ и полусатиромъ“. Минутами онъ чувствовалъ эту неоформленность и незаконченность своей внутренней жизни, и тогда онъ отдавался такой меланхолической грусти. „Мой молодой соотечественникъ и другъ, говоритъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ г. Келльенъ (Quelien), бретанскій поэтъ, надѣленный такимъ оригинальнымъ дарованіемъ, единственный человѣкъ нашего времени, у котораго я нашелъ способность создавать миѳы,—вотъ какимъ образомъ изображаетъ мою участь въ очень остроумной фантазіи. Онъ воображаетъ, что послѣ моей смерти моя душа будетъ обитать въ видѣ бѣлой чайки вблизи развалинъ церкви св. Михаила, этого стариннаго зданія, разрушеннаго молніей, которое господствуетъ надъ Трегье. Каждую ночь птица будетъ летать съ жалобными криками у дверей и заколоченныхъ оконъ, стараясь проникнуть въ святой храмъ,

но не зная тайнаго входа; и такъ въ продолженіе всей вѣчности моя бѣдная душа будетъ стелать надъ этимъ холмомъ въ безконечномъ томленіи. „Это душа священника, который хочетъ отслужить свою мессу“ прошепчетъ крестьянинъ проходій. „Онъ никакъ не можетъ найти себѣ юнаго прислужника“ проговоритъ другой. Дѣйствительно, я—неудавшійся священникъ,—вотъ кто —Келльенъ прекрасно понялъ, что всегда будетъ недоставать въ моей церкви,—юнаго прислужника. Моя жизнь является своего рода мессой, надъ которой тяготѣетъ рокъ,—вѣчное *Introibo ad altare Dei*, и никого; ктобы отвѣтилъ на это: *Ad Deum qui laetificat juventatem meam*. Во время своей мессы я никогда не буду имѣть прислужника. Волей-неволей мнѣ приходится отвѣчать самому себѣ; а вѣдь этого далеко недостаточно“ (*Souvenirs. S.-Nikolas du Chardonnet. I.*).

Но и эта грусть лишь убаюкивала его, мѣшая ему разглядѣть свое бѣдное убранство, подобно тому какъ иногда меланхолическій фонъ осеннихъ дней скрашиваетъ предъ взоромъ человѣка увяданіе природы. „Въ Бретани одной изъ самыхъ распространенныхъ легендъ, говоритъ онъ въ Предисловіи къ своимъ Воспоминаніямъ, является сказаніе о воображаемомъ городѣ Исѣ, который въ незапамятное время былъ поглощенъ моремъ. Вамъ покажутъ здѣсь или тамъ у побережья мѣсто, на которомъ былъ расположенъ этотъ сказочный городъ, а отъ рыбаковъ вы услышите о немъ причудливые рассказы. Когда бушуетъ буря, увѣряютъ они, въ безднахъ между вздымающимися волнами показываются верхушки церковныхъ башенъ. Въ тихую же погоду изъ пучины моря доносятся звуки колоколовъ,—перезвонъ дневнаго гимна. Часто мнѣ кажется, что въ глубинѣ моего сердца скрывается городъ Исѣ и все зоветъ еще звукомъ своихъ колоколовъ вѣрныхъ къ священной службѣ, но они уже не слышатъ ихъ призыва. Порой я останавливаюсь, чтобы внимательнѣе прислушаться къ этимъ трепетнымъ звукамъ, которые несутся словно изъ неизмѣримой глубины, какъ будто голоса изъ иного міра. Особенно теперь,—на порогѣ старости,—я люблю во время лѣтняго отдыха прислушиваться къ этому отдаленному шуму исчезнувшей Атлантиды... Никогда я не чувствую себя столь твердымъ въ

своей либеральной вѣрѣ, какъ въ тѣ минуты, когда я мечтаю о чудесахъ старинной вѣры; никогда я не чувствую себя такъ пламенно расположеннымъ работать для будущаго, какъ въ тѣ часы, когда я останавливаюсь, чтобы прислушаться къ звону колоколовъ города Иса“ (Souvenirs. Préface).

Вотъ кто былъ Эрнестъ Ренанъ, авторъ „Жизни Иисуса“. Намъ же трудно теперь опредѣлить, могъ ли этотъ человѣкъ дать хотя приблизительно, правдивый образъ Иисуса, способенъ ли былъ онъ, никогда не переживавшій живого религіознаго чувствованія, понять хотя нѣсколько психическое состояніе вообще религіознаго дѣятеля. Съ чѣмъ онъ бытъ знакомъ по собственному внутреннему опыту?—Съ одними тѣнями чувствованій, навѣваемыми обыкновенно на человѣка романтическими грезами. И къ такимъ блѣднымъ чувствованіямъ, лишеннымъ плоти и крови, онъ имѣлъ нѣжное пристрастіе, такъ какъ они обыкновенно откуда-то незамѣтно приходятъ, мягко касаются человѣка и также при случаѣ незамѣтно исчезаютъ, никогда не напоминая человѣку, что есть жизнь, есть дѣйствительность, требующая отъ него усилій и труда, требующая отъ него настоящихъ чувствованій, а не тѣней ихъ. Всякая мысль, всякое убѣжденіе, налагающее на человѣка обязанности, зовущее его къ внутренней работѣ надъ собой, заставляло его сторопиться и отрещиваться отъ него, какъ отъ чего-то дикаго, фанатичнаго, дышащаго изступленіемъ.

И вотъ этотъ человѣкъ рѣшился начертить образъ Сына Человѣческаго, давшаго людямъ вѣру, побѣдившую міръ, облекшаго плотію мертвыя кости, разбросанныя среди дикой пустыни, и пробудившаго ихъ къ жизни.

Можно представить себѣ, что получился за образъ. Если бы Ренанъ обладалъ въ большей степени художественнымъ чувствомъ мѣры, чѣмъ онъ былъ надѣленъ этимъ качествомъ, онъ никогда бы не рѣшился на подобное святотатство; онъ почувствовалъ бы, что подобный поступокъ неизмѣримо грубѣе поступка художника—маляра, вздумавшаго бы попробовать свою кисть на геніальной картинѣ. *Н. Боголюбовъ.*

О преподаваніи Основного Богословія въ духовныхъ семинаріяхъ.

Наука, преподаваемая въ настоящее время въ IV—V классахъ Семинаріи подъ именемъ Основного Богословія, слагается собственно изъ трехъ самостоятельныхъ дисциплинъ: философіи религіи, апологетики христіанства и историко-критическаго обзорѣнія религій, лежащихъ внѣ христіанства. Сообразно этому и существующій учебникъ по Основному Богословію раздѣляется на три части: первая трактуетъ о религіи вообще, ея происхожденіи, сущности и отношеніи къ объективной дѣйствительности; вторая содержитъ въ себѣ сводъ историческихъ, нравственныхъ, естественно-научныхъ и отчасти философскихъ основаній истинности христіанства; третья излагаетъ содержаніе естественныхъ религій и производитъ ихъ критическую оцѣнку. Существовавшая въ старыхъ изданіяхъ учебника и требовавшаяся прежней программой четвертая (собственно первая) часть науки, заключавшая въ себѣ рациональныя доказательства основныхъ религіозныхъ истинъ: бытія Божія и безсмертія души, съ введеніемъ въ Семинаріи Начальныхъ основаній философіи исключена изъ курса Основного Богословія.

Центральное мѣсто занимаетъ въ настоящее время вторая апологетическая часть науки. Что же касается первой общей части, то она слабо разработана въ существующихъ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ. Существуетъ даже взглядъ, по которому она должна быть совершенно исключена изъ курса богословія и изучаться въ IV классѣ въ качествѣ отдѣла философіи. Съ этимъ взглядомъ мы ни въ какомъ случаѣ согласиться не можемъ.

Рѣшеніе вопросовъ о сущности религіи, ея психологическихъ основахъ и отношеніи къ объективной дѣйствительности до такой степени интересно и важно, что было бы совершенно нецѣлесообразно отводить ему мѣсто въ прикладной наукѣ. Включенное въ курсъ Начальныхъ основаній философіи оно по необходимости должно бы было занять тамъ скромный уголъ, заслоняемое другими болѣе общими отдѣлами, въ исключительныхъ же случаяхъ могло бы вовсе оставаться непройденнымъ. А между тѣмъ по обстоятельствамъ современности слѣдуетъ признать желательнымъ не сокращеніе, а расширеніе и углубленіе той части Основного Богословія, которая трактуетъ о природѣ религіи. Въ настоящее время свѣтское интеллигентное общество сомнѣвается не только въ истинности христіанства, но и въ возможности сверхъестественнаго откровенія вообще. Оно считаетъ всякую религію культурнымъ пережиткомъ, который въ недалекомъ будущемъ долженъ отойти въ область исторіи. Отсюда задача современнаго богословія должна заключаться прежде всего въ томъ, чтобы доказать существованіе для нея объективной сверхъестественной основы и невозможность ея происхожденія изъ такъ называемыхъ естественныхъ факторовъ. А это можетъ быть сдѣлано лишь путемъ психологическаго анализа религіозной потребности и разбора ложныхъ взглядовъ на ея происхожденіе. Для человѣка, убѣжденнаго въ возможности религіозной истины вообще и сверхъестественнаго откровенія въ частности, едва ли уже можетъ подлежать сомнѣнію Божественный характеръ христіанства, такъ какъ его преимущество предъ всѣми другими исторически извѣстными религіями составляетъ общепризнанный фактъ, не возбуждающій споровъ.

Такимъ образомъ сознаніе важности изслѣдованія о природѣ религіи заставляеть насъ выразить пожеланіе, чтобы такое производилось не въ концѣ Начальныхъ основаній философіи, какъ ихъ послѣсловіе, а въ началѣ круга богословскихъ наукъ, какъ ихъ основа или фундаментъ. Но за постройкой фундамента удобнѣе слѣдить тому же архитектору, подъ руководствомъ котораго строится все зданіе. Точно также и сообщать учащимся основныя понятія о религіи болѣе цѣле-

сообразно тому же самому преподавателю, на которомъ лежитъ работа объ ихъ дальнѣйшемъ богословскомъ образованіи. Вотъ почему мы не только не находимъ нужнымъ отдѣлять общую часть Основнаго Богословія и присоединять ее къ философіи, но и желали бы даже въ цѣляхъ единства преподаванія и въ интересахъ цѣльности богословскаго курса включить рачіональныя доказательства бытія Божія и безсмертія души въ объемъ нашей науки.

Вторая часть Основнаго Богословія имѣетъ своею задачею доказать Божественное происхожденіе и сверхъестественный характеръ библейской религіи какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной, а также защитить важнѣйшія истины православно-христіанской вѣры отъ нападеній со стороны рачіонализма при помощи историческихъ, археологическихъ, естественно-научныхъ и философскихъ доказательствъ. При этомъ апологетика можетъ развиваться въ двоякомъ направленіи. Она можетъ сосредоточивать свое вниманіе или преимущественно на доказательствахъ историческаго характера библейскихъ событій какъ естественныхъ, такъ и въ особенности сверхъестественныхъ, оспариваемыхъ въ своей дѣйствительности, или на выясненіи сообразности важнѣйшихъ христіанскихъ истинъ съ требованіями разума и нравственнаго сознанія. Существующая въ настоящее время программа и принятое въ семинаріи учебное руководство епископа Августина стараются совмѣстить объ эти задачи. По нашему мнѣнію важнѣйшею изъ нихъ должна быть признана несомнѣнно первая. Теперь, когда изъ семинарскаго курса исключена библейская исторія, апологетика является единственною наукою, доказывающею фактическую дѣйствительность такихъ событій, какъ сотвореніе міра и человѣка, всемірный потопъ, чудеса подзаконнаго и пророческаго періода, воскресеніе Іисуса Христа и т. п. Наоборотъ о соотвѣтствіи основныхъ началъ христіанской вѣры разумнымъ и моральнымъ постулатамъ человѣческой природы неоднократно приходится говорить на урокахъ Догматическаго и Нравственнаго Богословія. Правда, по идеѣ рачіональныя доказательства имѣютъ въ двухъ послѣднихъ наукахъ не главное, а второстепенное и побочное значеніе, но въ дѣйстви-

тельности по условіямъ современной жизни и современнаго настроенія учащейся молодежи не представляется возможнымъ поставить сколько нибудь интересно и научно преподаваніе положительныхъ богословскихъ дисциплинъ въ томъ случаѣ, если стоя на церковно-библейской и экзегетической почвѣ, не дѣлать экскурсій въ область человѣческаго разума или загонять его въ задній уголь. Новѣйшія системы православно-христіанской догматики, какъ на примѣръ система протоіерея Малиновскаго, помимо текстовъ св. писанія въ широкой мѣрѣ пользуются научно-философскими соображеніями, имѣвшими мѣсто въ прежнее время лишь въ Основномъ Богословіи. Тоже самое приходится дѣлать и каждому преподавателю. Онъ долженъ вторично оправдывать предъ судомъ разума важнѣйшія истины христіанской вѣры, хотя эта задача уже разъ была имъ выполнена на урокахъ апологетики. Чтобы устранить необходимость ненужныхъ повтореній, отнимающихъ время и надоедающихъ слушателямъ, мы полагали бы возможнымъ и цѣлесообразнымъ оставить во второй части Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ лишь отдѣлы, посвященные доказательствамъ фактической дѣйствительности сверхъестественныхъ библейскихъ событій, а главы, оправдывающія христіанство предъ судомъ разума, отнести къ соответствующимъ частямъ Догматическаго и Нравственнаго Богословія. Такъ въ область этихъ послѣднихъ дисциплинъ могли бы отойти отдѣлы: о превосходствѣ откровеннаго ученія о Богѣ, какъ премірномъ личномъ духѣ, предъ другими религіозными ученіями древности, о догматическомъ и нравственномъ значеніи истины единства человѣческаго рода, о причинахъ, по которымъ дана была заповѣдь первымъ людямъ, о царственномъ, первосвященническомъ и пророческомъ назначеніи человѣка по отношенію къ природѣ, о постепенномъ раскрытіи ученія о Мессіи и его спасительномъ значеніи, о достоинствѣ нравственнаго закона Моисеева, о сообразности съ требованіями разума новозавѣтнаго догмата о Троичности Лицъ, о полнотѣ и глубинѣ христіанскаго ученія о нравственномъ достоинствѣ человѣка и цѣли его жизни, о глубокомъ смыслѣ идеи искупленія, о превосходствѣ христіанской любви предъ всѣми дру-

гими моральными принципами и отличіи ея отъ гуманности и т. п.

Перепесеніе всѣхъ указанныхъ отдѣловъ въ область Догматическаго и Нравственнаго Богословія открыло бы возможность болѣе широкой постановки остальныхъ частей апологетики, имѣющихъ своею цѣлью доказать дѣйствительность библейскихъ событій и ихъ сверхъестественный характеръ. Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время эти доказательства отличались особенною научностью и убѣдительностью. Многіе изъ нихъ уже потеряли всякое значеніе съ точки зрѣнія современнаго знанія, другія, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ той силы, какую имъ обычно приписывали. Затѣмъ современное апологетическое богословіе считается преимущественно съ тѣми возраженіями, которыя теперь уже устарѣли и потому не нуждаются въ опроверженіи, игнорируя въ то же время такія, которыя принадлежатъ новѣйшимъ ученымъ и пользуются наибольшею популярностью въ обществѣ. Наконецъ, излагая тѣ или инныя отрицательныя теоріи, оно не всегда стоитъ на высотѣ ученаго безпристрастія и нерѣдко приводитъ мнѣніе того или другого мыслителя не въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствительно имъ высказывалось, а въ томъ, въ какомъ его всего удобнѣе опровергнуть. Наиболѣе сильные аргументы противника намѣренно замалчиваются, слабѣйшіе же, которымъ самъ авторъ не придавалъ особеннаго значенія, побѣдоносно разбиваются. Легко видѣть, что подобными приемами достигается призрачная, а не дѣйствительная побѣда. Апологетика, чтобы достигнуть своей цѣли, должна считаться съ наиболѣе опасными противниками, подвергая критической оцѣнкѣ наиболѣе трудныя въ этомъ отношеніи стороны ихъ системъ. Въ то же время она должна стоять на уровнѣ современной науки и основываться на дѣйствительныхъ фактахъ естествознанія, археологіи и исторіи, а не ограничиваться фразами и общими мѣстами, обильно разсѣянными въ семинарскихъ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ по Богословію.

Третья часть Основнаго Богословія трактуетъ о религіяхъ, лежащихъ внѣ христіанства. Какъ ни важно и ни интересно ихъ изученіе и само по себѣ, и въ цѣляхъ апологетическихъ

въ настоящее время при трехъ урокахъ въ недѣлю едва ли можно его расширить безъ ущерба для другихъ частей науки. Даже болѣе того. Въ виду обширности курса Введенія въ богословіе и недостатка времени едва ли можно вмѣнять преподавателю въ обязанность цѣликомъ проходить этотъ отдѣлъ. Иное дѣло, если бы количество уроковъ по Основному Богословію увеличилось до четырехъ. Въ такомъ случаѣ обзоръ естественныхъ религій всего удобнѣе было бы произвести въ началѣ курса. Для изученія ихъ нѣтъ нужды обладать общей философскою эрудиціей, необходимой при усвоеніи курса рациональнаго богословія и христіанской апологетики. Методъ этой науки болѣе приближался бы къ методу историческому, чѣмъ философскому. Она явилась бы какъ бы переходной стадіей отъ гражданской исторіи (заканчиваемой въ третьемъ классѣ) къ наукамъ богословскимъ. Извѣстно, что первая по необходимости удѣляетъ религіозной жизни народовъ слишкомъ мало мѣста. Главнымъ ея предметомъ является изображеніе послѣдовательнаго хода внѣшнихъ событій изъ жизни государства. Существеннѣйшая изъ ея сторонъ—религіозная остается безъ изученія. Такимъ образомъ обзоръ естественныхъ религій явился бы, съ одной стороны, завершеніемъ курса исторіи, съ другой—пропедевтикой къ богословію. Онъ подготовилъ бы воспитанниковъ къ изученію науки о природѣ религіи, далъ тотъ матеріаль, на основаніи котораго, между прочимъ, они стали бы дѣлать выводы о ея сущности и отношеніи къ другимъ областямъ человѣческаго духа. Въ настоящее время рѣшеніе этихъ вопросовъ учащимися не имѣетъ для себя достаточнаго количества положительныхъ данныхъ, лишено реальной почвы, а вслѣдствіе этого естественно бываетъ поверхностнымъ и неглубокимъ

Навелъ Левитовъ.

„Соціалізмъ“ въ изслѣдованіи Виктора Катрейна.

Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія

свѣщенника Н. ЛИПСНАГО.

(Продолженіе *).

Начнемъ съ Энгельса. Мы уже раньше слышали изъ его устъ признаніе, что онъ и Марксъ первоначально были идеалистами въ духъ Гегеля, но „убѣжденіе въ полной несостоятельности тогдашняго нѣмецкаго идеализма съ неизбежностью привело къ материализму“. Эта несостоятельность была обнаружена сочиненіемъ Фейербаха „Сущность христіанства“, которое „материализмъ возвело прямо на тронъ“. Природа есть „та почва, на которой мы, люди, сами продукты природы, произрастаемъ. *Кромъ природы и человѣка ничто не существуетъ* и высшія существа, какихъ создаетъ наше религіозное воображеніе, суть только фантастическія отображенія нашего собственнаго существа“.

Но материализмъ Фейербаха—„механическій материализмъ и не въ состояніи объяснить міръ, какъ процессъ, какъ матерію въ процессѣ ея историческаго развитія“. Фейербахъ „правъ въ томъ, что естественно-научный материализмъ есть фундаментъ зданія человѣческаго знанія, но не самое зданіе“... „Дѣло, такимъ образомъ, шло о томъ, чтобы науку объ обществѣ, т. е., содержаніе такъ называемыхъ историческихъ и философскихъ наукъ *привести въ согласіе съ материалистическимъ основнымъ положеніемъ и на немъ реконструировать*“¹⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17 за 1907 г.

¹⁾ Энгельсъ, Л. Фейербахъ.

Ошибка Фейербаха состояла въ томъ, что онъ „матеріализмъ, какъ міровоззрѣніе, вытекающее изъ известнаго понятія объ отношеніи духа и матеріи“, смѣшалъ съ вульгарнымъ матеріализмомъ 18-го и 19-го столѣтія; именно поэтому-то онъ не въ состояніи былъ рѣшительно покончить съ идеализмомъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ исторія подверглась матеріалистической обработкѣ, и здѣсь открылись новые пути развитія“ ¹⁾.

Изъ разлагавшейся Гегелевской школы вышло новое направление, связанное съ именемъ Маркса. „Отдѣленіе отъ Гегелевской философіи произошло чрезъ возвращеніе къ основнымъ понятіямъ матеріализма..., и только теперь впервые матеріалистическому міровоззрѣнію придано, дѣйствительно, серьезное значеніе и оно послѣдовательно проведено по вѣсѣ, относящимся къ вопросу, областямъ знанія“. Дѣло шло объ устраненіи идеалистическихъ искаженій, какія допускала Гегелевская философія. „На понятія, образуемая нашей разсудочной дѣятельностію, мы снова начали смотрѣть съ точки зрѣнія матеріалистической, какъ на отображенія дѣйствительныхъ вещей“. вмѣстѣ съ тѣмъ діалектика примѣнена къ познанію всеобщихъ законовъ движенія, какъ въ области внѣшняго міра, такъ и въ области нашего мышленія,—двойного ряда законовъ, которые *по существу идентичны*, но по своему выраженію различаются по тому, какъ они относятся къ человѣческому сознанію. Но въ то же время *діалектическая идея сама стала только сознательнымъ рефлексомъ діалектическаго движенія* въ области дѣйствительнаго міра; вмѣстѣ съ этимъ Гегелевская діалектика, стоявшая доселѣ внизъ головою, поставлена на ноги. И *матеріалистическая діалектика...* была открыта не нами, по помимо насъ, пезависимо отъ насъ и даже отъ Гегеля, она открыта однимъ нѣмецкимъ рабочимъ, Іозефомъ Дитцгеномъ“ ²⁾.

Если эти выдержки сопоставить съ раньше приведенными, то не останется никакого сомнѣнія въ матеріалистической точкѣ зрѣнія Энгельса. Но онъ еще яснѣе выражаетъ эту точку зрѣнія. Онъ утверждаетъ: „*Дѣйствительное единство*

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

міра состоитъ въ его материалистичности" ¹⁾; „все сущее есть матерія“; „кромѣ природы и человѣка ничто не существуетъ“ ²⁾. Когда ставятъ вопросъ о томъ, что такое мышленіе и сознаніе и откуда они возникаютъ, то отвѣтомъ является, что это — продукты человеческого мозга, что самъ человѣкъ есть продуктъ природы, который развивается во внѣшнемъ мірѣ и вмѣстѣ съ нимъ; при этомъ само собою понятно, что явленія человеческого мозга, которыя въ послѣдней инстанціи также только продукты природы, соотвѣтствуютъ остальному цѣлому природы“ ³⁾. „Движеніе такъ же несоздаваемо и не создано, какъ и матерія“ ⁴⁾. Этимъ отрицается также Творецъ міра. Жизнь, по Энгельсу, есть форма существованія блжоваго вещества и эта форма существованія въ сущности состоитъ въ постоянномъ самообновленіи химическихъ элементовъ“ ⁵⁾. Такъ можетъ говорить только лишь матеріалистъ.

Обратимся теперь къ Марксу. Такъ какъ Энгельсъ въ сущности, какъ онъ самъ говоритъ, развиваетъ только марксовскія идеи ⁶⁾, то сказаннымъ достаточно характеризуется матеріалистическая точка зрѣнія отца социаль-демократіи. Кромѣ того, это ясно изъ вышеприведенныхъ нами выдержекъ изъ его сочиненій. Однако, чтобы совершенно не оставить мѣста для сомнѣній, мы предоставляемъ ему еще слово.

Въ предисловіи ко второму изданію „Капитала“ Марксъ характеризуетъ свое отношеніе къ Гегелю слѣдующими словами: „Мой діалектический методъ въ основѣ своей не только отличенъ отъ Гегелевскаго, но представляетъ полную противоположность ему. Для Гегеля мыслительный процессъ есть демиургъ дѣйствительнаго міра, который есть только его обна-

¹⁾ Engels, Dürings Umwälzung der Wissenschaft, (1886) 28.

²⁾ Ero же L. Feuerbach, 11.

³⁾ Ero же, Dürings Umwälzung der Wissenschaft, 20. ⁴⁾ Ibid. 45.

⁵⁾ Engels, Düring Umwälzungs der Wissenschaft, 69.

⁶⁾ Въ предисловіи ко второму изданію „Dürings Umwälzung“ Энгельсъ замѣчаетъ: Такъ какъ развиваемая здѣсь теорія основана и развита въ значит. степени Марксомъ и только отчасти мною, то само собою понятно, что мое изложеніе теоріи сдѣлано не безъ его вѣдома. Прежде напечатанія я прочелъ ему всю рукопись, при чемъ десятая глава объ экономіи написана самимъ Марксомъ.

руженіе. У меня, наоборотъ, идеальное есть ни что иное, какъ то же матеріальное, но переработанное въ человѣческой головѣ“. Это явное исповѣданіе матеріалистической вѣры, потому что только матеріалистъ можетъ утверждать, что идеальное происходитъ изъ матеріальнаго.

Совершенно согласно съ такимъ воззрѣніемъ, онъ объясняетъ религію, какъ „фантастическую реализацію свойствъ человѣческой природы“. „Человѣкъ создаетъ религію, а не религія—человѣка“ ¹⁾. „Какъ въ религіи человѣкъ состоитъ подъ властію *произведенія собственной головы*, такъ при капиталистическомъ производствѣ онъ подъ властію продукта собственноручной работы“ ²⁾. „Въ дѣйствительности гораздо легче при помощи анализа *въ религиозныхъ представленіяхъ* открыть ихъ земное происхожденіе, чѣмъ, наоборотъ, изъ *жизненныхъ отношеній* развить соответствующія имъ *религиозныя формы*. Этотъ послѣдній методъ есть *материалистическій и потому научный методъ*“ ³⁾. Религіозное представленіе дѣйствительности только тогда можетъ прекратиться, когда отношенія повседневной будничной жизни людей будутъ представлять разумныя отношенія, какъ другъ къ другу, такъ и къ природѣ“ ⁴⁾. „Человѣкъ сталъ дикаремъ послѣ того, какъ пересталъ быть обезьяной“ ⁵⁾.

Мы затрудняемся опредѣлить, съ чего слѣдовало бы начать, чтобы не оставалось сомнѣній въ матеріалистическомъ міровоззрѣніи Маркса и Энгельса.

Выше мы уже привели выдержку, въ которой Энгельсъ прославляетъ Дитцгена, какъ самостоятельно открывшаго матеріалистическую діалектику. Этотъ діалектикъ, котораго Марксъ обыкновенно называетъ „нашимъ философомъ“ ⁶⁾, не дѣлаетъ никакой тайны изъ своего матеріализма. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ уже упомянутое нами сужденіе Энгельса

1) Изъ „Deutsch—francosischen Jahrbüchern“, изданныхъ Puge и Марксомъ, Парижъ 1844 г. 71.

2) Марксъ, „Das Kapital“, 1, 585.

3) Ibid. 336.

4) Ibid. 46.

5) Марксъ, Zur Kritik soc. dem. Parteiprogramms. Neue Zeit, 9 Jahrg, 1, 566.

6) Mehring, Geschichte der deutschen Socialdemocratie, III, 307.

о томъ, что убѣжденіе въ полной несостоятельности нѣмецкаго идеализма неизбѣжно привело къ матеріализму, но не просто къ метафизическому матеріализму 18 столѣтія, и при этомъ добавляетъ: „этотъ новѣйшій матеріализмъ, который возникъ изъ полной несостоятельности нѣмецкаго идеализма и къ числу основателей котораго принадлежитъ Фр. Энгельсъ, мало понимается, хотя онъ представляетъ изъ себя глубочайшую теоретическую основу нѣмецкой социаль-демократіи“ ¹⁾. Далѣе онъ говоритъ, что „естественный матеріальный міръ есть изначальный, несозданный никакимъ духомъ, даже болѣе того, онъ — создатель самого себя, изъ самого себя онъ создалъ и развилъ человека съ его интеллектомъ“ ²⁾. Соціалистическій матеріализмъ потому называется соціалистическимъ, по мнѣнію Дитцгена, что соціалисты Марксъ и Энгельсъ впервые ясно выразили, что матеріальныя, именно экономическія отношенія людей представляютъ изъ себя ту основу, изъ которой, какъ изъ послѣдней инстанціи, можетъ быть объяснена вся надстройка правовыхъ и политическихъ учреждений, равно какъ религіозныхъ, философскихъ и иныхъ представленій въ любой періодъ исторической жизни“ ³⁾. Духъ Дитцгенъ считаетъ явленіемъ природы, неотдѣлимымъ отъ другихъ объектовъ природы, ... онъ, вѣроятно, не есть химическій элементъ, который можно было бы отнести къ чистымъ элементамъ ⁴⁾. „Материалистическое міровоззрѣніе такъ же старо, какъ и религіозное невѣріе.. И то, и другое въ нашемъ столѣтіи изъ состоянія грубости возведены въ научное достоинство“ ⁵⁾.

Бернштейнъ, долгое время бывший другомъ Энгельса, которому этотъ послѣдній завѣщалъ свои сочиненія, объ основномъ принципѣ историческаго матеріализма, пишетъ: „Такъ какъ теорія историческаго матеріализма, какъ показываетъ само названіе, тѣсно связана съ материалистическимъ міровоззрѣніемъ, то и я въ своей книгѣ присоединяюсь къ нему, т. е., принимаю положеніе, что все происходящее въ природѣ.

1) Streifzüge eines Socialisten in das Gebiet der Erkenntnistheorie (1887), 20.

2) Ibid. 21.

3) Ibid. 25.

4) Ibid. 28.

5) Dietzgen, Die Religion der Socialdemokratie (1891), 32.

и чловѣчествѣ *опредѣляется движеніемъ наполняющей мнръ матеріи, совершающимся по непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Я дѣлаю ошибку, когда недостаточно рѣшительно отмѣчаю значеніе матеріи, когда къ этому представляется подходящій случай*¹⁾.

Мы могли бы сослаться еще на Бебеля, Каутскаго, Меринга и другихъ соціалистовъ, которые всё объясняютъ марксизмъ въ смыслѣ матеріалистическаго міровоззрѣнія²⁾. Въ спорѣ между Бельфорть-Баксомъ и Каутскимъ и между ортодоксами и ревизионистами въ *Neuen Zeitu Vorwärts* всемі молчаливо признавалось, что Марксъ стоялъ на почвѣ матеріализма. Въ томъ же, какъ и мы, смыслѣ толкуютъ марксизмъ многіе не—соціалистическіе писатели, какъ то: Маза-рикъ, Вольтманъ, Бартъ, Г. Пешъ и др.

Однако, и сказаннаго достаточно. Мы приведемъ еще только одно свидѣтельство, имѣющее особый интересъ. Въ кругу соціалъ-демократическихъ „товарищей“ у насъ нашелся даже одинъ защитникъ противъ нападковъ на насъ, *Vorwärts*—а. Въ *Neuen Zeit* беретъ насъ подъ свою защиту Евгеній Дитцгенъ, сынъ уже раньше упомянутаго „философа“ марксизма. Онъ даетъ понять партійному оффиціозу, что у этого послѣдняго недостаетъ глубокаго пониманія сущности марксизма. Достоверными фактами, продолжаетъ онъ далѣе „ученики Гегеля Фейербахъ, Марксъ и Энгельсъ были приведены къ тому, чтобы Гегелевскій основной принципъ поставить головою вверхъ, т. е., *объяснить и вывести интеллектъ съ его идеями изъ бытія, а не наоборотъ*“. „Такъ возникла Марксо—Энгелевская теорія историческаго матеріализма, которая называется матеріалистическою потому, что, *убѣжденная въ нераздѣльности духа и матеріи и въ ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга*,—благодаря ставшей землю Гегелевской діалектикѣ,—она обратила вниманіе на *возникновеніе духа изъ бытія*. Юс. Дитцгенъ пытается обосновать и дополнить это историческое воззрѣніе при помощи теоріи познанія, при чемъ онъ доказываетъ, что духъ возникаетъ изъ бытія, т. е., изъ матеріи.

¹⁾ Znr Geschichte und Theorie des Socialismus. (1901). 323.

²⁾ См. „Stimmen aus Maria—Laach“ LXX (1906), 44 и слѣд.

„Такъ какъ *нашъ материализмъ* основывается на *единствѣ духа и матеріи*, то онъ поэтому называется *діалектическимъ материализмомъ*“. „Духъ такъ же есть явленіе чувственное“.

Послѣ всего этого не можетъ оставаться никакого сколько-нибудь разумнаго сомнѣнія въ томъ, что историческій материализмъ, какъ по самой своей сущности, такъ и по выразительнымъ признаніямъ его основателей и главарей покоится на *материалистическомъ міровоззрѣніи*.

Вмѣстѣ съ этимъ отпадетъ необходимость разсмотрѣнія теоріи историческаго материализма. Мы вѣдь обращаемся, какъ уже раньше объ этомъ замѣтили, къ читателю, который не потерялъ еще вѣры въ свое достоинство, какъ человѣка и христіанина. Такіе читатели не ждутъ отъ насъ опроверженія цѣлой материалистической системы и связанныхъ съ нею заблужденій. Для этого вѣдь понадобилось бы писать не только апологію христіанства, но цѣлую философію. Ибо материализмъ отрицаетъ не только все сверхъестественное, какъ вочеловѣченіе Христа и все христіанское откровеніе, но такъ же бытіе отдѣльнаго отъ міра, премірнаго, личнаго Творца, духовность и безсмертіе человѣческой души, загробное воздаяніе и т. д. Подробное опроверженіе материализма излишне еще и потому, что сами социалисты или вовсе не приводятъ доказательствъ для подтвержденія своихъ материалистическихъ воззрѣній, или только повторяютъ доказательства Фейербаха, Штрауса, Дарвина и др. ¹⁾.

§ 2. Экономика и идеологія.

Второе положеніе теоріи историческаго материализма гласитъ: *духовная жизнь человѣческаго общества съ ея цѣломъ возникаетъ изъ матеріальныхъ производственныхъ отношеній*; ма-

¹⁾ Вообще раздѣляемъ мнѣніе автора и думаемъ, что въ изслѣдованіи о социализмѣ вѣтъ ни особенной надобности, ни возможности подробно опровергать материалистическія заблужденія, тѣмъ болѣе, что имѣется достаточно сочиненій, специально посвященныхъ критикѣ материализма. Изъ сочиненій на русскомъ языкѣ мы могли бы рекомендовать читателю чрезвычайно живо и популярно написанную, вышедшую въ 1900 году, книгу проф. Челпанова „Мозгъ и душа“, въ которой онъ подробно и обстоятельно разбираетъ и опровергаетъ главнѣйшіе тезисы материализма. Привѣч. переводчика.

теріальныя производственныя отношенія или хозяйственно-экономическія отношенія составляютъ основу всѣхъ общественныхъ порядковъ. Измѣняется характеръ производства, вмѣстѣ съ этимъ постепенно мѣняется и вся надстройка соціальная, политическая, правовая, нравственная, религіозная и философская. Мы уже выше приводили нѣсколько выдержекъ, которыя не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что таковъ именно взглядъ Маркса и Энгельса. По мнѣнію Энгельса, послѣднихъ причинъ всѣхъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ слѣдуетъ искать не въ головахъ людей..., но въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна“.

Здѣсь мы наталкиваемся на существенный пунктъ историческаго матеріализма. Историческій матеріализмъ есть „вывороченный“ Гегель. Марксъ самъ говоритъ, что его діалектичeskій методъ—полная противоположность Гегелевскому. Для Гегеля мыслительный процессъ есть деміургъ дѣйствительности. „У меня, наоборотъ, идеальное есть ничто иное, какъ то же матеріальное, но переработанное въ человѣческой головѣ“.

Но возможно ли все идеальное, всѣ философскія, правовыя, нравственныя, политическія и религіозныя идеи вывести изъ матеріальныхъ производственныхъ отношеній? Если теорія историческаго матеріализма претендуетъ на научность, то она должна быть въ состояніи сдѣлать понятной такую возможность, показать намъ, какъ все мышленіе, вся идеологія возникаетъ изъ матеріальныхъ хозяйственныхъ отношеній. По этой теоріи, человѣкъ есть только продуктъ природы, какъ и всѣ другія вещи, онъ—только болѣе совершенное животное. Какъ же въ такомъ случаѣ онъ приходитъ къ „идеологіи“, къ философскимъ, правовымъ, нравственнымъ и политическимъ взглядамъ и идеямъ?

На этотъ вопросъ отъ сторонниковъ историческаго матеріализма мы не получаемъ сколько-нибудь обстоятельнаго и вразумительнаго отвѣта. Они постоянно повторяютъ одинъ лишь пустыя, ничего не говорящія, или имѣющія двойственный смыслъ фразы. Такъ, наприм., намъ говорятъ, что идеологія есть отображеніе, какъ въ зеркалѣ, въ человѣческой головѣ матеріальныхъ экономическихъ отношеній. Но что это значитъ?

Это вѣдь только простая метафора. Отображеніе въ зеркалѣ какого-либо предмета даетъ всегда пѣчто подобное тому, что существуетъ въ дѣйствительности, какъ, напр., спокойная поверхность воды отображаетъ солнечный лучъ. Подобно этому и отображеніе матеріальныхъ производственныхъ отношеній можетъ быть только идеальнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, чѣмъ-то въ родѣ фотографированія въ головѣ чело-вѣка этихъ производственныхъ отношеній. Но тогда мы не змѣли бы никакой морали, никакой политики, философіи, вообще никакихъ общихъ идей и понятій о бытіи и не-бытіи, объ истинѣ и лжи, о добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости, о добродѣтели и порокахъ и т. п. Такъ какъ матеріальныя производственныя отношенія ничего этого не содержатъ, то ничего такого не можетъ быть и въ отображеніи ихъ.

Нѣтъ надобности подробно разсматривать другую фразу: „люди почерпаютъ или отвлекаютъ“ свои философскія, нравственныя, религіозныя идеи и воззрѣнія отъ современныхъ производственныхъ отношеній. Вѣдь именно въ этомъ-то и вопросъ, какъ возможно отвлечь философію, мораль, религію и проч. отъ производственныхъ отношеній, когда они, эти отношенія, ничего подобнаго въ себѣ не содержатъ. То же нужно сказать и относительно замѣчанія, что философскія, правовыя и нравственныя воззрѣнія суть „переработанныя въ человѣческой головѣ матеріальныя отношенія“.

Возьмемъ, напр., мораль. Она состоитъ изъ общихъ законовъ и предписаній въ родѣ: „ты не причиняй несправедливости; не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь; не лги и т. п. Если бы мы даже согласились сдѣлать социалистамъ уступку, что эти предписанія, эти законы обязательны лишь въ ту, или другую опредѣленную эпоху и для извѣстнаго класса, то все-таки остается истиннымъ, что въ эту эпоху, для этого класса людей они являются *обще-обязательными*. Если чело-вѣкъ есть только чувственное существо, какъ и всѣ другія, если онъ—только болѣе развитое животное, въ которомъ не дѣйствуютъ никакія высшія силы, то никогда, ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ возвыситься до *всеобщихъ и не-*

обходимыхъ законовъ а еще менѣе извлечь такіе законы изъ матеріальныхъ производственныхъ отношеній, такъ какъ они ничего не говорятъ о правдѣ и неправдѣ, о добрѣ и злѣ и проч. Животное именно потому, что оно есть только чувственное существо, въ состояніи воспринимать только единичные, конкретные предметы, которые можно видѣть, слышать, осязать и т. д.; но оно не въ состояніи образовать общія понятія и законы и ничего не знаетъ о философіи, религіи, морали, политикѣ и т. п. Если бы человѣкъ существенно не отличался отъ животнаго, то никакой идеологіи онъ не имѣлъ бы; чувственный опытъ и наблюденіе дали бы ему лишь представленіе о томъ, *что бываетъ*, но ничего бы ему не сказали о томъ, *что должно быть*.

Мы еще лучше уяснимъ себѣ это, если теоріи историческаго матеріализма противопоставимъ христіанскій, или здраво-философскій взглядъ на то, какимъ путемъ человѣкъ составляетъ себѣ общія понятія и законы. Такъ какъ человѣкъ имѣетъ духовную, независимую отъ матеріи въ своемъ мышленіи и хотѣніи, душу, то онъ въ состояніи воспринимать не только явленія единичныхъ, конкретныхъ предметовъ, но стремится проникнуть въ сущность вещей и познаетъ эту сущность въ ея всеобщности, независимо отъ обстоятельствъ времени, мѣста и т. д. Онъ познаетъ не только это, или то конкретное дерево, но дерево вообще, сущность дерева, общую всѣмъ вообще деревьямъ, которая отличаетъ дерево отъ другихъ предметовъ. Точно также онъ образуетъ общія понятія о человѣкѣ, звѣрѣ, о бытіи и не-бытіи, о необходимости, причинѣ, дѣйствіи, движеніи, возникновеніи и исчезновеніи, времени и вѣчности, силѣ, величинѣ, равенствѣ, сходствѣ, совершенствѣ и т. п. Черезъ сравненіе этихъ общихъ понятій, составленныхъ посредствомъ абстрагирования признаковъ, данныхъ въ опытѣ, человѣкъ приходитъ къ общимъ и необходимымъ сужденіямъ, истинность которыхъ такъ же независима отъ опыта, какъ и истинность понятій. Къ такого рода сужденіямъ относятся, напр., слѣдующія: бытіе и не-бытіе всегда другъ друга взаимно исключаютъ, такъ что одинъ и тотъ же предметъ въ одно и то же время не можетъ существовать и не

существовать; никакая вещь не можетъ дѣйствовать раньше, чѣмъ она начала существовать, такъ что никакая вещь не можетъ себѣ самой дать бытіе и все, что уже начало существовать, имѣетъ причину своего бытія внѣ себя; двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою и т. д.

При помощи такихъ всеобщихъ и необходимыхъ сужденій, человѣкъ уже безъ содѣйствія опыта и посторонняго обученія можетъ расширять кругъ своихъ познаній и достигать все большаго и большаго совершенства.

Философія имѣетъ своей задачей эти понятія и сужденія всесторонне изслѣдовать и объяснить и при помощи ихъ дойти до первопричины всѣхъ вещей. Но даже не будучи философомъ—специалистомъ, можно при помощи этихъ общихъ понятій и сужденій достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ въ дѣлѣ пониманія религіи и морали, а равно и матеріальныхъ объектовъ.

Матеріальная продукція тѣмъ менѣе можетъ быть источникомъ жизни духа и воли, что сама она уже *предполагаетъ многія общія понятія и сужденія*. Подъ продукціей мы разумѣемъ *сознательную и планомерную дѣятельность* человѣка съ цѣлію произвести ту или иную полезную вещь. Но такая дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ представляются различныя цѣли, для достиженія которыхъ можно отыскать, выбрать, или изобрѣсти соотвѣтствующія средства. *Уже самая элементарная продукція была результатомъ дѣятельности мыслящаго, ставящаго себѣ цѣли и стремящагося къ ихъ осуществленію духа*. Не лукъ, стрѣла или сѣть имѣли мысль и волю, но эти самыя мысль и воля изобрѣли и устроили первый лукъ, первую сѣть, огонь и т. д.

Почему въ царствѣ животныхъ мы не встрѣчаемъ продукціи, которая имѣла бы какое-нибудь хотя самое отдаленное сходство съ человѣческой? Потому что у животныхъ отсутствуетъ разумъ и свободная воля. Пчела производитъ соты и медъ, но всегда совершенно однимъ и тѣмъ же способомъ, безъ малѣйшаго прогресса. Она къ этой дѣятельности побуждается инстинктомъ, вложеннымъ въ нее Создателемъ. Она поэтому не можетъ ни ставить себѣ новыхъ цѣлей, ни изобрѣтать

искусственныхъ орудій и инструментовъ. Напротивъ, человекъ, какъ мыслящее существо, можетъ свои дѣйствія и поступки обдумывать, ставить себѣ все новыя цѣли, изобрѣтать соотвѣтствующіи средства и орудія и такъ подниматься по пути совершенствованія со ступеньки на ступеньку.

Во всемъ этомъ процессѣ познающій и волящій духъ есть первое, а не послѣдующее, онъ—*двигающая и руководящая сила*, безъ которой въ человѣческой продукціи не могло бы быть никакого прогресса.

Что касается выведенія *соціальныхъ и правовыхъ инсти-тутовъ* изъ хозяйственныхъ отношеній, то это фальшиво уже потому, что всякое организованное хозяйство предполагаетъ уже хотя бы только самый примитивный правовой порядокъ, или соціальную организацію. Когда не одинъ, а много людей составляютъ организацію и планомерно трудятся для добыванія какихъ-либо полезныхъ и необходимыхъ предметовъ, то непременно долженъ быть какой-нибудь руководящій авторитетъ, которому подчиняется каждый отдѣльный членъ организаціи; равно какъ эти члены организаціи должны быть связаны между собою извѣстными правами и обязанностями, какъ напр., право на жизнь, на доброе имя, на извѣстную долю продуктовъ труда, супружеское право и т. п. Производить правовой порядокъ изъ производственныхъ отношеній—это все равно, что отъ дерева производить его корни.

Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ выведеніе религіи и морали изъ производственныхъ отношеній.

Въ матеріальныхъ производственныхъ отношеніяхъ, какъ мы уже замѣтили, нѣтъ никакихъ слѣдовъ морали, которая по-этому не можетъ быть изъ нихъ извлечена. Какъ же мы можемъ возвыситься до морали, то есть, до общихъ понятій и сужденій о томъ, что такое добро и зло, справедливое и несправедливое? Отвѣтить на этотъ вопросъ будетъ легко, если принять во вниманіе то, что мы выше сказали о способѣ образованія общихъ понятій и сужденій. Какъ и каждое живое существо, человекъ имѣетъ склонность и расположеніе къ тому, что соотвѣтствуетъ его природѣ, что сохраняетъ и поддерживаетъ его жизнь и что способствуетъ его развитію и

совершенствованію. Какъ скоро онъ достигъ полнаго обладанія разумомъ и по меньшей мѣрѣ практически узналъ, что онъ нѣчто большее, чѣмъ простое животное, онъ составляетъ себѣ понятіе о томъ, что соотвѣтствуетъ его природѣ, что ей прилично, къ чему слѣдуетъ стремиться, и отъ чего отвращаться, т. е., что такое — добро и что — зло. Отъ этихъ понятій онъ потомъ переходитъ къ болѣе высокимъ и всеобщимъ нравственнымъ сужденіямъ: что къ добру слѣдуетъ стремиться и дѣлать его, что зло слѣдуетъ ненавидѣть и отвращаться отъ него, что нужно себя такъ вести, какъ прилично разумному существу и т. п. И вотъ тогда онъ легко придетъ къ познанію Бога, Творца и Промыслителя всего существующаго и скоро увидитъ, что въ этихъ нравственныхъ сужденіяхъ обнаруживается воля Высшаго Распорядителя и Устроителя всѣхъ вещей. Только на основѣ этихъ общихъ нравственныхъ понятій человѣкъ можетъ постепенно достигнуть до всесторонняго понятія о своихъ обязанностяхъ.

Во всякомъ случаѣ о томъ, чтобы изъ производственныхъ отношеній вывести не только цѣлую мораль, но и отдѣльныя нравственныя обязанности, не можетъ быть рѣчи. Если и можно объ этомъ говорить, то развѣ принявъ въ соображеніе, что въ числѣ условій производства необходимо также считаться съ такимъ или инымъ поведеніемъ человѣка, съ его поступками, цѣль которыхъ—или собственное благо, или благо общественное. Но и въ этомъ случаѣ выводить изъ производственныхъ отношеній частныя нравственныя обязанности возможно будетъ только тогда, когда имѣется уже *общее основное положеніе*, что человѣкъ *долженъ* заботиться о собственномъ самосохраненіи и объ общемъ благѣ; а этого-то основнаго нравственнаго положенія и нельзя позаимствовать изъ производственныхъ отношеній. Еще менѣе производственныя отношенія могутъ быть источникомъ происхожденія нравственныхъ правилъ и предписаній, которыя мы характеризуемъ, какъ безусловно-обязательныя. Да и какое значеніе могла бы имѣть мораль, если бы она была ничѣмъ инымъ, какъ только рефлексомъ въ головѣ человѣка экономическихъ отношеній?

Еще безразсуднѣе выводить изъ производственныхъ отношеній религію. По Марксу и Энгельсу, религія должна быть только отображеніемъ тѣхъ силъ, которыя властвуютъ надъ человѣкомъ въ его повседневной жизни, должна быть „фантастической реализаціей свойствъ человѣческой природы“, должна обнаруживать всѣ эти свойства. Но что они хотягъ этимъ сказать? Это пустая, ничего не говорящая фразы, на которыя такъ щедры Марксъ и Энгельсъ. Въ одномъ мѣстѣ Марксъ говоритъ: „религія—это *иллюзорное солнце*, которое движется около человѣка, пока самъ онъ не двигается около него; она—*иллюзорное счастье* человѣка. Это означаетъ не иное что, какъ только то, что человекъ, не находя счастья на землѣ, ищетъ его на небѣ“. Но тутъ Марксъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, потому что религія здѣсь выводится не изъ производственныхъ отношеній, но изъ тоски человѣка о полномъ счастьѣ, тоски, которая независима отъ производственныхъ отношеній и которая всегда и всюду даетъ себя чувствовать человѣку.

Впрочемъ, что стремленіе къ полному и совершенному счастью есть факторъ религіи, этого нельзя отрицать, но это—факторъ не единственный и не самый глубокій.

Разумѣется, человекъ прежде всего хочетъ жить, ѣсть, пить, одѣваться, имѣть сносное жилище и поэтому-то его производительная дѣятельность должна играть выдающуюся роль въ его жизни, какъ мы уже раньше замѣтили. Эту истину не было надобности открывать Марксу. Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ. Его духовная, бессмертная душа жаждетъ иной высшей пищи. Онъ стремится расширить кругъ своей мощи и своихъ познаній; онъ хочетъ знать не только то, что бываетъ, но также, какъ и почему бываетъ. Онъ стремится при помощи принципа причинности дойти до первой, высочайшей Причины, въ которой онъ находитъ удовлетворительное объясненіе удивительнаго порядка, гармоніи и цѣлесообразности, какъ цѣлаго міра, такъ и отдѣльныхъ его частей. Эта первая причина есть Богъ, первоисточникъ и конечная цѣль всѣхъ вещей. Вотъ гдѣ основы и корни религіи. Человекъ вступаетъ въ живое общеніе съ невидимымъ Вла-

дыкой и Промыслителемъ всего міра и самого человѣка. Отсюда происходитъ то, что, не смотря на беспощадную жатву смерти, которая безжалостно отнимаетъ жизнь у человѣка, въ груди человѣка тѣмъ не менѣе всегда будетъ жить стремленіе къ полному и никогда непрекращающемуся блаженству.

Такъ приходятъ все люди, какъ бы ни были различны производственныя отношенія, среди которыхъ они живутъ, къ вѣрѣ въ Бога, къ вѣрѣ въ загробную жизнь, для которой земная жизнь является только подготовительною ступеню, временемъ испытанія; къ вѣрѣ въ загробную жизнь, въ которой люди получаютъ должное воздаяніе за добро и зло. Здѣсь мы имѣемъ уже основные контуры религіи.

Такимъ образомъ, утвержденіе, что вся „идеологія“ возникаетъ изъ матеріальныхъ производственныхъ отношеній вполнѣ несостоятельна. Только ослѣпленная предвзятость можетъ на этомъ настаивать.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Октября № 19 1907 года.

Содержаніе. I. Журналъ Общаго Собранія Бѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и церкви Православной во имя Пресвятыя Богородицы.—Отчетъ Бѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и Церкви православной во имя Пресвятыя Богородицы за 1906 годъ.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

ЖУРНАЛЪ

Общаго Собранія Бѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и церкви Православной во имя Пресвятыя Богородицы.

Годичное Общее Собраніе Братства состоялось 26 апрѣля въ 12 часовъ дня, въ зданіи Пророка Ильинской города Бѣлополя церковно-приходской школы. Въ собраніи присутствовало 31 человекъ.

1. По установившемуся обычаю торжество этого дня началось наканунѣ всеобщимъ бдѣніемъ, совершеннымъ о. о. членами Братства въ центральномъ г. Бѣлополя храмѣ Рождество-Богородичномъ. Въ самый день собранія въ томъ же храмѣ была совершена божественная литургія соборне. За литургіей Предсѣдателемъ Братства, Протоіереемъ Аркадіемъ Грузовымъ сказано было приличное случаю слово на текстъ: „Я посылаю васъ, какъ агнцевъ среди волковъ“ (Лук. 10 гл. 3 ст.). По окончаніи литургіи весь соборъ іереевъ-братчиковъ во главѣ съ Предсѣдателемъ Братства совершилъ молебное пѣніе съ капономъ Небесной Покровительницѣ Братства Пресвятой Богородицѣ. За богослуженіемъ кромѣ обычныхъ богомольцевъ присутствовали воспитанники мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ; послѣ богослуженія всѣмъ розданы были отъ Братства книжки, брошюры и листки духовно-нравственнаго содержанія.

2. Общее Собраніе открылось въ 12 часовъ дня. По молитвѣ, прочтаны были пожеланія Братству его членовъ, преосвященныхъ, Петра, епископа Смоленскаго и Евгенія, епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи.

3. Зачѣмъ былъ заслушанъ отчетъ Совѣта Братства о его дѣятельности за истекшій 1906 годъ, одинадцатый со времени открытiя Братства, со всеѣмъ относящимися къ нему документами. Постановили: приять къ свѣдѣнiю.

4. Заслушаны были заявленiя Предсѣдателя Совѣта Братства, Протоіерея Аркадія Грузова, его товарища, священника Максима Подлуцкаго и казначея Братства, священника Іоанна Ведрипскаго объ ихъ отказѣ нести обязанности членовъ Совѣта. Первый изъ нихъ указалъ, что по отдаленности центра дѣятельности Братства сдѣлавшагося съ 1906 года исключительно органомъ 2-го Сумскаго благочинническаго округа, онъ какъ членъ причтовъ 1-го Сумскаго благочинническаго округа и какъ начальщикъ духовнаго училища, не въ состоянiи съ пользою для Братства нести многосложныя обязанности его Предсѣдателя. Второй священникъ Максимъ Подлуцкій, заявилъ, что при многихъ другихъ своихъ должностяхъ и приходскихъ дѣлахъ, онъ не можетъ болѣе нести должность товарища Предсѣдателя Братства. Третій, кромѣ многосложности дѣлъ приходскихъ, заочнаго преподаванiя въ двухъ школахъ, указалъ на временную свою болѣзнь, требующую отдыха и относительнаго покоя, а дѣло завѣдыванiя иконо-книжной лавкой Братства многосложно и безпокойно-кропотливо. Общимъ же ихъ мотивомъ отказа было то, что они достаточно послужили Братству: О. о. Максимъ Подлуцкій и Іоаннъ Ведрипскій со дня открытiя Братства, въ 1895 году, а Протоіерей Аркадій Грузовъ съ 30 августа 1898 года.

Общее Собраніе Братства съ глубокимъ сожалѣніемъ заслушало это заявленіе и послѣ общей просьбы отъ лица Собранiя послужить еще къ мѣру силъ столь знакомому и близкому ихъ сердцу дѣлу, когда убѣдилось, что отказъ ихъ рѣшителенъ и безговоротный, постановило: въ виду продолжительной отличной и полезной службы вышеозначенныхъ лицъ дѣламъ Братства, отъ имени послѣдняго поднести всеѣмъ тремъ благодарственные адреса въ приличныхъ папкахъ, предоставляя Совѣту Братства израсходовать на это отъ 35—45 рублей.

5. На мѣсто выбывающихъ членовъ Совѣта, по свѣдѣнiямъ 15—18 § Устава Братства, были избраны Общимъ Собраніемъ въ Предсѣдатели Совѣта, мѣстный благочинный, Протоіерей Алексѣй Чугаевъ—онъ же иниціаторъ и создатель Братства, въ товарищи Предсѣдателя членъ Совѣта и дѣлопроизводитель, городской судья города Бѣцполя, статскій совѣтникъ А. К. Петровскій,—единогласно, и въ члены Совѣта священникъ Успенской церкви, сл. Кльмовки, Петръ Еварицкій и священникъ Георгіевской церкви села Воробьевки, Михаилъ Рогальской большинствомъ голосовъ.

6. Заслушано заявленіе члена ревизіонной комиссіи, священника Богородице-Рождественской церкви города Сумь, о. Платона Оборошинскаго объ его отказѣ отъ обязанности члена комиссіи, за дальностію разстоянія и въ виду того, что онъ по мѣсту служенія состоитъ членомъ (Сумскаго) отдѣленія Братства Озерянской Божіей Матери. Постановили: принять къ свѣдѣнію, а на его мѣсто пригласить кандидатомъ священника Петра Ставровскаго.

7. Имѣли сужденіе о томъ, съ какого времени считать начало года для обязательныхъ членскихъ взносовъ въ Братство Бѣлопольское, какъ учрежденіе самостоятельно существующее для второго Сумскаго благочинническаго округа. Постановили: началомъ обязательныхъ членскихъ взносовъ для причтовъ второго благочинническаго округа въ кассу Братства Бѣлопольскаго считать 1-е января сего 1907 года.

8. Настоящій журналъ годичнаго Общаго Собранія выѣтъ съ отчетомъ Совѣта за 1906 годъ и актовъ ревизіонной комиссіи представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства, а по утвержденіи, согласно § 33 Устава Братства, напечатать въ журналѣ «Вѣра и Разумъ».

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: 1907 г. Мая 29 № 2907. Утверждается. Послужившимъ въ Братствѣ объявить мою благодарность за труды на пользу Братства, особенную о. Протоіерею А. Грузову; а на труды новыхъ дѣятелей призываю Божіе благословеніе, и прошу ихъ употребить свое стараніе. *А. Арсеній.*

О Т Ч Е Т Ъ

Бѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и Церкви православной во имя Пресвятыя Богородицы за 1906 годъ.

Въ отчетномъ году Бѣлопольское Братство, кромѣ вышесказаннаго покровителя, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, имѣло въ своемъ составѣ:

а) почетныхъ членовъ	15
б) пожизненныхъ	4
в) дѣйствительныхъ	39
г) членовъ-соревнователей	16

А всего 74

Совѣтъ Братства составляли слѣдующія лица: предѣдатель, смотритель Сумскаго духовнаго училища, протоіерей Аркадій Грузовъ, товарищъ предѣдателя, священникъ Пророко-Ильинской въ г. Бѣлопольѣ церкви, о.

Максимъ Полуцкій; члены совѣта: городской судья г. Вѣлополья, ст. совѣтникъ Андрей Константиновичъ Петровскій, священникъ Рождество-Богородичной г. Вѣлополья церкви, о. Ксенофонтъ Илларионовъ, священникъ сл. Навшей Сыроватки Покровской церкви о. Александръ Вѣляевъ и священникъ Покровской г. Вѣлополья церкви о. Іоаннъ Велринскій. Последній несъ обязанности казначея и завѣдующаго торговлей въ иконо-книжной лавкѣ Братства, а ст. совѣт. А. К. Петровскій — дѣлопроизводитель Совѣта.

Ревизионную комиссію составляли: священникъ Богородице-Рождественской г. Сумъ церкви о. Платонъ Сорочинскій, священникъ с. Искровщины Барваринской церкви о. Андрей Клементьевъ и священникъ сл. Рѣчки, Покровской церкви о. Сергій Крыжановскій. Члены этой комиссіи ревизовали приходо-расходныя книги Братства съ относящимся къ нимъ документами, наличность и веденіе дѣлъ въ Братской лавкѣ и о результатахъ ревизіи составили актъ.

Подробный отчетъ по приходу и расходу братскихъ суммъ и веденію дѣла въ иконо-книжной лавкѣ Братства и ея отдѣленіяхъ предлагается при семъ. Капиталъ Братства хранился въ ссудо-сберегательной кассѣ при Сумскомъ государственномъ казначействѣ.

Въ теченіе отчетнаго года Братство имѣло: 3 общихъ собранія, изъ коихъ одно годовичное и два экстренныхъ, и 7 очередныхъ. Предметами заглавнѣй Совѣта въ очередныхъ собраніяхъ служили: слушаніе періодическихъ отчетовъ казначея Братства о положеніи и движеніи братскихъ суммъ и веденію имъ торговли въ Вѣлопольской иконо-книжной лавкѣ и ея отдѣленіяхъ по продажѣ книгъ, брошюръ, иконовъ и крестовъ. Особеннымъ предметомъ заботъ Совѣта было укомплектованіе бібліотекъ при церковно-приходскихъ школахъ; при школахъ въ сл. Васовкѣ и Шпилевкѣ рѣшено было открыть новыя бібліотеки.

Изъ трехъ общихъ собраній Братства первое, бывшее 18 мая, было годовичное, несвященное обзору дѣятельности Братства за истекшій 1905 годъ, но уже и на немъ былъ поднятъ вопросъ о самостоятельномъ существованіи Братства въ виду предлагавшагося Епархіальною властію открытія Сумскаго отдѣленія Озерянскаго Братства Пресвятыя Богородицы. Этотъ же вопросъ былъ главнымъ и единственнымъ для слѣдующихъ двухъ экстренныхъ собраній, изъ коихъ одно было въ г. Сумахъ 28 іюля, въ зданіи Сумскаго духовнаго училища, при участіи духовенства отъ всѣхъ трехъ благочинническихъ округовъ Сумскаго уѣзда, а другое, 9-го августа, въ г. Вѣлопольѣ, въ зданіи Рождество-Богородичной церковно-приходской школы. То и другое собраніе были очень многолюдны и на послѣднемъ изъ нихъ было единодушно всѣмъ 2 благочинническимъ

ОТЪ СОВѢТА ХАРЬКОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА.

Вслѣдствіе измѣненій въ учебной части епархіальныхъ женскихъ училищъ, послѣдовавшихъ въ силу опредѣленія Св. Синода отъ 23 августа—5 сентября 1907 года, за № 5077, число обязательныхъ уроковъ увеличилось на 31 въ училищахъ съ одними нормальными классами и на 62 въ училищахъ, гдѣ имѣются, какъ въ нашемъ Харьковскомъ, параллельные классы, и необязательныхъ уроковъ 21 для изученія одного изъ новыхъ языковъ. Для покрытія необходимыхъ расходовъ по содержанію учащихся и приобрѣтенія учебныхъ руководствъ и пособій по новымъ предметамъ, согласно опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, съ наступившаго учебнаго года, впредь до выработки нормы для всѣхъ Харьковскихъ епархіальныхъ учебныхъ заведеній, всѣ воспитанницы, кромѣ сиротъ и бѣдныхъ, содержащихся на средства епархіальныя, благотворительныя, пріютскія и Братства Св. Великомученицы Варвары, имѣютъ вносить дополнительную плату за обученіе—дочери священниковъ по 10 р., дочери штатныхъ діаконъ по 7 р. 50 коп. и дочери діаконъ-псаломщиковъ и просто псаломщиковъ по 5 р. Плата въ половинномъ размѣрѣ за текущее учебное полугодіе должна быть внесена до 15 ноября, о чемъ Совѣтъ долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія родителей и опекуновъ числящихся въ училищѣ воспитанницъ.

Вмѣстѣ съ симъ Совѣтъ училища покорнѣйше проситъ родителей, за которыми имѣются недоимки, позаботиться о взносѣ таковыхъ до половины ноября, ибо иначе сдѣлано будетъ представленіе объ увольненіи ихъ дѣтей изъ заведенія.

На семъ постановленіи послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „1907. Окт. 15. Напечатать въ текущей книжкѣ „Вѣра и Разумъ“ А. А.“.

около Сумскаго уѣзда рѣшено сохранить самостоятельное существованіе Вѣлопольскаго Братства, какъ учрежденія, просуществовавшаго 11 лѣтъ, успѣвнаго своею скромною дѣятельностію на пользу мѣстныхъ нуждъ для борьбы съ сектантствомъ и улучшенія церкви-приходскихъ школъ, особенно въ сл. Павловкахъ, дать на одну тысячу, стать дорожнымъ и близкимъ сердцу каждаго члена причтовъ 2 Сумскаго благочинническаго округа. Почему всѣ члены вышеупомянутыхъ причтовъ добровольно изъявили на экстренномъ общемъ собраніи Братства, бывшемъ 9 августа, свое согласіе, примѣнительно 5-му пункту правилъ уѣздныхъ отдѣленій Братства Озеринской Божіей Матери, быть обязательными членами Вѣлопольскаго Братства съ установленными въ томъ же пунктѣ ежегодными взносами. Такое полное сочувствіе мѣстнаго духовенства къ своему скромному Братству лучше всякихъ отчетовъ показало, насколько прошлая дѣятельность этого религіозно-просвѣтительнаго учрежденія была благотворна для мѣстныхъ нуждъ приходовъ и церковно-приходскихъ школъ.

Горячее и единодушное желаніе духовенства 2 Сумскаго благочинническаго округа сохранить независимость и самостоятельность своего Вѣлопольскаго Братства встрѣтило полное сочувствіе въ своемъ благостномъ Архипастырѣ, благоволившемъ на журналѣ общаго экстреннаго собранія Братства положить слѣдующую резолюцію: „Утверждается. Пусть будетъ такъ; Сумское отдѣленіе Братства Озеринской Божіей Матери и Вѣлопольское Братство—вдвоимъ еще болѣе принесутъ пользы. Благословляю то и другое. Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій“. Съ рѣшеніемъ этого вопроса начнется новый и несомнѣнно болѣе плодотворный періодъ жизни Вѣлопольскаго Братства.

Въ прежніе годы Братство устроило публичныя богословскія чтенія, но въ истекшемъ году оно должно было отказаться отъ этого, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Изъ канцеляріи временнаго генералъ-губернатора г. Сумъ отъ 14 октября 1906 г. за № 2427 было сообщено Совѣту Братства: „просимое Вами разрѣшеніе на устройство публичнаго чтенія на тему „Евангеліе и социаль-демократія“, въ г. Вѣлопольѣ, Его Превосходительство отложилъ до болѣе благоприятнаго времени“.

Согласно постановленію общаго собранія Братства 18 мая 1906 года, изъ текущихъ доходовъ Братства было израсходовано: на содержаніе учителя-регента въ Павловкахъ при церкви—школъ 240 руб. на пособіе въ содержаніи церковныхъ хоровъ въ той же слободѣ 75 рублей и на единовременное пособіе Вѣлопольской Петро-Павловской церковно-приходской школъ для ремонта полна 75 руб.

Открытіе народнои бібліотеки въ г. Вѣлопольѣ, предложенное тѣмъ же собраніемъ Братства, не могло состояться за неимѣніемъ наличныхъ средствъ, а вслѣдствіе осмелой попытки Совѣта разоруженія

Средства Братства къ концу отчетнаго года слѣдующія:

1. Кредитными билетами	1043 р. 63 к.
2. Наличными деньгами.	576 р. 43 к.
3. Иконо-книжнаго товара въ Вѣлопольской лавкѣ и ея отдѣленіяхъ	— р. — к.

На приходъ въ 1906 году поступило братскихъ суммъ 3097 р. 59 к. изъ нихъ израсходовано 2824 р. Приходъ составился изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) членскихъ взносовъ	94 р. 40 к.
б) пожертвованій отъ членовъ-соревнователей	4 р. 70 к.
в) отъ торговли въ Братской лавкѣ	2379 р. 41 к.
и въ отдѣленія ея	53 р. 35 к.
г) коммиссіонныхъ, какъ пожертвованіе почетнаго члена и казначея Совѣта, священника Іоанна Ведринскаго	273 р. 64 к.

Заключая отчетъ Братства за истекшій 1906 годъ, Совѣтъ съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаетъ замѣнательныя слова резолюціи своего Архипастыря, отъ 2 іюня 1906 года на журналѣ общаго собранія Братства, бывшаго 18 мая того же года: «Читай. Богъ благословитъ дѣйствительную дѣятельность Братства. Пусть въ Вѣлопольѣ остается Братство съ своимъ добрымъ именемъ и служить къ ослабленію сектантства».

Видимо благословеніе благостнаго Архипастыря живо и дѣйствительно. Участіе же всѣхъ членовъ причтовъ 2 Сумскаго благочинническаго округа сдѣлаетъ его дѣятельность и плодотворною

На семь отчетѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: 1906 г. Мая 29 № 2908. Читай. Слава Богу за все. *А. Арсеній*.

Предсѣдатель Совѣта, протоіерей *А. Грузовъ*.

Товарищъ предсѣдателя, священникъ *Максимъ Подлуцкій*.

Члены: Священникъ *Іоаннъ Ведринскій*.

Статскій Совѣтникъ *А. Петровскій*.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Покровской церкви слоб. Милковки, Валковскаго уѣзда, *Іоаннъ Андроновъ* опредѣленъ 23 сентября на священническое мѣсто при Успенской церкви, с. Матузовки, Зміевскаго уѣзда.

б) Окончившій курсъ въ духовной семинаріи *Василій Федоровъ* опредѣленъ 25 сентября на священническое мѣсто при Николаевской церкви, сл. Боровеньки, Лебодинскаго уѣзда.

в) Діакопъ-псаломщикъ Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго реального училища Симеонъ *Чижко* опредѣленъ 25 сентября на священническое мѣсто при Рождество Богородичной церкви, сл. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.

г) Діакопъ Покровской церкви, слободы Донцовки, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй *Лобунскій* опредѣленъ 28 сентября на священническое мѣсто при Вознесенской церкви, слоб. Шпотняной, того же уѣзда.

д) Діакопъ Преображенской церкви, сл. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, Іоаниъ *Протопоповъ* зачисленъ 28 сентября на священническое мѣсто при церкви села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.

е) Окончившій курсъ въ духовной семинаріи Іоаниъ *Поповъ* опредѣленъ 2 октября на священническое мѣсто при церкви слоб. Варваровки, Валковскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ Николаевской церкви города Старобѣльска, Макаріѣй *Поповъ* опредѣленъ 28 сентября на діаконское мѣсто при церкви слоб. Данцовки, Старобѣльскаго уѣзда.

з) Учитель церковно-приходской школы Савва *Григоренко* опредѣленъ 5 октября на діаконское мѣсто при Василіевской церкви, села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда.

и) Крестьянинъ Іосифъ *Тарануха* опредѣленъ 28 сентября и д. псаломщика къ церкви слоб. Мосъпановой, Зміевского уѣзда.

к) Бывшій псаломщикъ Виталий *Краснокутскій* опредѣленъ 28-го сентября къ церкви с. Солпцевки, Харьк. уѣзда на псаломщическое мѣсто.

л) Бывшій псаломщикъ Іоаниъ *Дюковъ* опредѣленъ 28 сентября псаломщикомъ къ церкви сл. Сергѣевки, Изюмскаго уѣзда.

м) Крестьянинъ Іоаниъ *Даниленко* опредѣленъ 28-го сентября и д. псаломщика къ церкви села Юрчонкова, Волчанскаго уѣзда.

н) Крестьянинъ Григорій *Хруль* опредѣленъ 28 сентября и д. псаломщика къ церкви слоб. Ефремовки, Зміевского уѣзда.

в) Мѣщанинъ Павелъ *Вергунъ* опредѣленъ 28 сентября къ Архангело-Михайловской церкви, гор. Ахтырки.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ церкви сл. Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, Василій *Зеленскій* перемѣщенъ 22-го сентября на священническое мѣсто при церкви сл. Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда.

б) Священникъ Благовѣщенской церкви слободы Верхней Дуванки, Купянскаго уѣзда, Іоаниъ *Смирнскій* перемѣщенъ 22 сентября на священническое мѣсто при Преображенской церкви, слоб. Кромешной, Купянскаго уѣзда.

в) Священникъ Іоанно-Предтечевской церкви, села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда, Алексѣй *Поповъ* перемѣщенъ 28 сентября на священническое мѣсто при церкви слоб. Верхній Дуваики Купянскаго уѣзда.

г) Діаконъ Троицкой церкви, села Гракова, Зміевскаго уѣзда, Василій *Сумма* перемѣщенъ 28 сентября на діаконское мѣсто при церкви села Магрицы, Сумскаго уѣзда.

д) Діаконъ Казанской церкви, слоб. Басовки Сумскаго уѣзда, Петръ *Прокоповичъ* перемѣщенъ 28 сентября на діаконское мѣсто при церкви слоб. Мпиковки, Валковскаго уѣзда.

е) Псаломщики церквей: Николаевской, города Лебедина, Кирионъ *Александровъ* и Троицкой, села Должанка, Лебединскаго уѣзда, Сергѣй *Жуковъ* перемѣщены 28 сентября одинъ на мѣсто другого.

ж) Псаломщики церквей: села Камьченковой, Сумскаго уѣзда, Теодоръ *Новомірскій* и села Гринцева, Лебединскаго уѣзда, Сергѣй *Леситскій* перемѣщены 2 октября одинъ на мѣсто другого.

з) Псаломщикъ церкви сл. Кузюмовки, купянскаго уѣзда, Михаилъ *Труфановъ* и п. д. псаломщика церкви села Петренкова, Старобѣльскаго уѣзда, Иванъ *Литовка* перемѣщены 4 октября одинъ на мѣсто другого.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Діаконъ Васильевской церкви, села Ястробаницаго, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Крыжаневскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 5 октября.

б) Діаконъ Погровской церкви, сл. Азешни, Лебединскаго уѣзде, Ипполитій *Тернсквой* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 10 октября.

в) Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви, города Ахтырки, Стефанъ *Сукачевъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 28 сентября:

г) Псаломщикъ церкви села Солнцевки, Харьковскаго уѣзда, Яковъ *Труфановъ* уволенъ за штатъ 22 сентября.

д) Псаломщикъ церкви села Богородицкаго Купянскаго уѣзда, Стефанъ *Каплинъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 6 октября.

4. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Варваринской церкви, слободы Варваровки, Волчанскаго уѣзда, Іоаннъ *Васильевъ* умеръ 21 сентября.

б) Священникъ Николаевской церкви, слободы Спѣваковки, Изюмскаго уѣзда, Варфоломей *Іосифовъ* умеръ 2 октября.

в) Протоіерей Александро-Невской церкви, города Харьгова, Николай *Сокольскій* умеръ 8 октября.

г) И. д. псаломщика церкви слоб. Моспановой, Зміевского уѣзда, Ѳеодоръ *Шарановъ* умеръ 6 сентября.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Люжи, Ахтырскаго уѣзда, 22 сентября старостою крестьянинъ Павелъ *Сотниковъ*.

б) Къ Покровской церкви, сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда утвержденъ 22 сентября старостою кр. Тимофѣй *Бѣлеръ*.

в) Къ церкви слоб. Бугаовки, Изюмскаго уѣзда утвержденъ 24 сентября старостою кр. Гавріилъ *Скрипиченко*.

г) Къ Казацкой церкви, села Лягопки (Нижней Орел), Зміевского уѣзда утвержденъ 23 сентября старостою кр. Іосифъ *Мироненко*.

д) Къ церкви села Терцоваго, Зміевского уѣзда утвержденъ 23 сентября старостою крестьянинъ Иванъ *Губинъ*.

е) Къ Троицкой церкви гор. Лебедина, утвержденъ 23 сентября старостою крестьянинъ Прокопій *Соляниковъ*.

ж) Къ Барварипской церкви, сл. Высшей Верхоулке, Лебедискаго уѣзда, утвержденъ 25-го сентября старостою мѣщанинъ Константинъ *Панченко*.

з) Къ церкви с. Александровки, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 26-го сентября старостою крестьянинъ Даниилъ *Каплуновскій*.

і) Къ Успенской церкви слоб. Заводы, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 5 октября старостою отстав. унтеръ офицеръ Ѳеодоръ *Тофоровскій*.

к) Церкви слоб. Калнковой, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 5 октября старостою крестьянинъ Наумъ *Хилъ*.

л) Къ церкви слоб. Епифановки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ старостою 5 октября дворянинъ Иванъ *Капустянскій*.

м) Къ церкви села Старога Мерчика, Валковскаго уѣзда утвержденъ 5 октября старостою крестьянинъ Дмитрій *Гусевъ*.

н) Къ церкви села Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда утвержденъ 5 го октября старостою крестьянинъ Авраамъ *Блакитный*.

о) Къ Троицкой церкви слоб. Боромля, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 1 октября старостою крестьянинъ Иванъ *Николенко*.

п) Къ церкви села Никольскаго, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 1-го октября старостою крестьянинъ Петръ *Панюхно*.

6. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ церкви села Веселаго, Харьковскаго уѣзда Александръ *Бородаевъ* утвержденъ 22 сентября законоучителемъ Петровскаго народнаго училища, Харьковскаго уѣзда.

б) Священникъ Успенской церкви, слоб. Савионецъ, Изюмскаго уѣзда, Михаилъ *Воскобойниковъ* утвержденъ 2 октября законоучителемъ Долголевскаго народнаго училища, Изюмскаго уѣзда.

в) Священники церкви сл. Бѣловода, Сумскаго уѣзда, Иоаннъ *Терлецкій* и Петръ *Самойловъ* 4 октября утверждены въ должности законоучителей: первый—Бѣловодскаго, а второй—Журавскаго народнаго училища, Сумскаго уѣзда.

г) Священники: Митрофаніевской церкви, Изюмской земской лечебницы Андрей *Титовъ* и церкви слоб. Бугаевки, Изюмскаго уѣзда Григорій *Егоровъ* 5 октября утверждены законоучителями: первый—частнаго 3-го разряда училища въ г. Изюмъ Е. С. Мураховской, а второй—Федоровскаго народнаго училища, Изюмскаго уѣзда.

д) Діаконъ Успенской церкви, слоб. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, Григорій *Яценко* утвержденъ 5 октября законоучителемъ 3-го Барвенковскаго народнаго училища, Изюмскаго уѣзда, а священникъ той же церкви Алексій *Навродскій* того же числа, согласно прошенію, уволенъ отъ сей должности.

е) Священникъ Иоанно-Богословской церкви, села Ивановки, Харьковскаго уѣзда, Алексій *Доброславскій* 8 октября законоучителемъ Харьковскаго городского приходскаго имени Некрасова училища.

ж) Священникъ Троицкой церкви города Харькова, Павелъ *Тимоѣевъ* 8 октября утвержденъ законоучителемъ Харьковскаго народнаго училища.

7. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) Священническія.

- При Крестовоздвиженской церкви сл. Нижпелараниковки, Старобѣльскаго у.
 — Петро-Павловской церкви сл. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви, сл. Протопопки, Харьковскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви, сл. Спѣваковки, Изюмскаго уѣзда.
 — Александро-Невской церкви, гор. Харькова.

б) Ш а л о м ш и и к і я:

- При Успенской Соборной церкви, города Богодухова.
 — Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго Реальнаго училища.
 — Троицкой церкви, сл. Протопопки, Харьковскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви г. Старобѣтьска.
 — Казанской Богородичной церкви села Богородичнаго, Купянскаго уѣзда.

II.

Содержаніе. II. Слово ко дню тезоименитства Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя, Алексія Николаевича, 5-го октября 1907 года. *Священника Данила Цюова.*—Голосъ Церкви. Въ свѣтъ міра. *Священника Николая Загоровскаго.*—Церковныя доходы и ихъ назначеніе въ первенствующей христіанской церкви. *Протоіерея Алексія Іуфимова.*—Взглядъ впередъ. (Стихотвореніе). П.—Миссіонерскій лѣстокъ Сектанскій съѣздъ въ столицѣ.—Образцовая мѣра для борьбы съ расколомъ.—Изъ общественной жизни Россіи.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Схема проекта по учрежденію Хозяйственнаго Центральнаго Управленія Екатеринославской епархіи.—Поднятіе авторитета священника въ приходѣ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Новый порядокъ отправленія богослуженія во Франціи.—Новый режимъ во Франціи, обусловленный закономъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.—Удивительный урожай.—Патріаршій даръ Государю Императору.—Объявленія.

С Л О В О

Ко дню тезоименитства Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя, Алексія Николаевича, 5 октября 1907 года.

(ОДНА ИЗЪ ПРИЧИНЪ ПАГУБНЫХЪ УВЛЕЧЕНІЙ ВЪ ЮНОШЕСКОЙ СРЕДѢ).

Иже аще соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ върующихъ въ Мя тме естъ ему, да обтсится жертвою осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ моретій (Мо. 18, 6).

Изъ всѣхъ современныхъ бѣдъ и злоключеній нашего многострадальнаго отечества самымъ тяжкимъ, самымъ горькимъ и опаснымъ бѣдствіемъ, по нашему мнѣнію, является очевидная испорченность и политикаиствующій фанатизмъ многихъ изъ нашей молодежи. Люди порядка, честные и благомыслящіе граждане съ ужасомъ замѣчаютъ, какъ въ средѣ нашей молодежи съ каждымъ днемъ увеличивается число непризванныхъ политиковъ, дышущихъ, по видимому, непавною противъ власти, противъ семьи и школы, противъ всякихъ порядковъ и общественныхъ учрежденій; какъ эти несчастные, но крайне опасные юноши, готовы на всякое, самое крайнее преступленіе для измѣненія условій современнаго соціальнаго строя и для устраниенія съ общественной дороги тѣхъ лицъ, которыя, по ихъ мнѣнію, являются единственными виновни-

ками всѣхъ бѣдъ и злочленій нашего общества и государства. „Если такое положеніе продолжится и у нашей молодежи не пройдетъ угаръ современныхъ общественно-политическихъ утопій, то въ нашей жизни наступитъ столь тяжкая и мрачная година“, что наши нынѣшнія несчастія и лишенія покажутся игрушкою предъ грядущими бѣдами нашей родины.

Это сознаютъ болѣе или менѣе всѣ благомыслящіе члены нашего общества. Это сознаютъ и многіе благомыслящіе юности. Сознаютъ и то, что приверженцы общественно-политическихъ насилій, убійствъ и грабежей—люди заблудшіе, потерявшіе простое, здравое пониманіе общественныхъ отношеній. „Всѣ мы понимаемъ, что у этихъ фанатиковъ все искажено, перетолковано вкривъ и вкось, и они, какъ въ горячечномъ бреду, стремятся осуществить мечты своего, сбитаго съ настоящаго пути, воображенія“.

Но если такъ опасно настроеніе многихъ изъ нашей молодежи, сбитой съ толку современными соціалистическими утопіями; если все это грозитъ цѣлости и благосостоянію самого нашего общества и государства, то чѣмъ горю помочь? чѣмъ оздоровить нашихъ дѣтей, успокоить и возвратить ихъ къ наукамъ, къ послушанію старшимъ, къ уваженію къ властямъ и къ общественнымъ дѣятелямъ? Чѣмъ и какъ вывести нашу родину изъ кошмара общественно-политическихъ утопій и насилій?

Извѣстно, что распознать причину и источникъ заболѣванія—это часто значить: на половину излѣчить самую болѣзнь. Но всѣ мы, приходящіе въ ужасъ отъ террора, наполнившаго вашу жизнь и отравившаго все наше спокойствіе,—задумывались ли мы надъ вопросомъ; откуда у многихъ изъ нашей молодежи столь дикія утопіи и звѣрскія террористическія „выступленія“? Кто ее отравилъ всѣмъ этимъ? Кто, по крайней мѣрѣ, подготовилъ для того удобную почву? Вѣдь, не могли же возникнуть эти явленія у насъ вдругъ, какъ говорятъ въ просторѣчій,—ни съ того ни съ сего! Очевидно, это плодъ, произросшій изъ сѣмени „по роду своему и по подобію“. Что же именно является тою почвою и тѣми сѣменами, изъ коихъ произрастаютъ нынѣ столь горькіе и опасные плоды для нашей жизни?

Причинъ и условій къ извращенію у нашей молодежи всѣхъ здравыхъ понятій и къ проявленію фанатическаго разногласія съ иномыслящими, чрезвычайно много, и разобратся въ нихъ нѣтъ возможности въ краткомъ словѣ. Но если мы поглубже вникнемъ въ нравственный строй и понятія нашего общества, то должны будемъ съ горечью сознаться, что одною изъ главныхъ причинъ современнаго фанатическаго изступленія многихъ изъ нашей молодежи являемся мы сами, мы—родители, вообще—всѣ мы взрослые. Посмотримъ: какимъ больше всего порокомъ разъѣдается наше общество? Чѣмъ оно нынѣ, главнымъ образомъ, болѣетъ?

По нашему мнѣнію, самымъ тяжкимъ заболѣваніемъ и коренною нашею нравственною язвою является наше всеобщее *недовольство* жизнію и окружающими, особенно же людьми, облеченными властію, и наша склонность къ открытому выраженію этого недовольства. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ и кѣмъ мы бываемъ довольны? Какія блага міра, какой строй жизни и людскія соотношенія вполне насъ удовлетворяютъ и не вызываютъ въ насъ унынія, апатіи, горечи или раздраженія? Мы такъ изнервничались, что нѣтъ кажется той, часто пустой неудачи или мелкаго нестроенія въ жизни, которыя не повергали бы насъ въ состояніе тоски и недовольства. Особенно же мы „носимъ и выходимъ изъ себя“ отъ нестроеній соціальныхъ и обще-государственныхъ. При этомъ мы обыкновенно упускаемъ изъ виду, что государство и общество—это всѣ мы, и что въ нестроеніяхъ соціальныхъ, если кто и виновенъ, то прежде всего мы же сами, составляющіе общество, а не одни лишь лица, облеченныя властію или несущія ту или иную общественную службу. Обвиняя во всѣхъ—и частныхъ и обще-государственныхъ невзгодахъ другихъ, а не себя, мы намѣренно забываемъ, что власть имущіе и обществомъ руководящіе являются плотью отъ нашей же плоти и костью отъ нашей же кости, и что если плохи общественныя и государственныя дѣятели, то значитъ плохо само общество, ихъ рождающее и къ власти призывающее. Почему нынѣ нѣтъ выдающихся поэтовъ, даже серьезныхъ ученыхъ, людей государственнаго ума или сильной, непреклонной воли? Почему нѣтъ

нынѣ свѣточей вѣры, подвижниковъ благочестія, освѣщающихъ темные пути жизни и увлекающихъ общество къ чистымъ и свѣтлымъ идеаламъ, перестраивающихъ жизнь въ началахъ Евангельской правды, любви и мира? Да потому, что само общество измельчало, оземленилось, что изсякли у него идеалы и способность порождать гениевъ, кои, какъ извѣстно, всегда являются фокусомъ своей эпохи, собирающимъ въ себя лучи всего чистаго, святаго и завѣтнаго, разсыпанные по крупинкамъ въ окружающемъ ихъ обществѣ. Но если въ немъ самомъ все чистое, сильное и святое измельчало и изсякло, то естественно—все это не можетъ сконцентрироваться и въ отдѣльныхъ личностяхъ. „Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ рпейника смоковы“ (Матѳ. 7, 16)?

До нѣкоторой степени извинительно еще, если наше всеобщее недовольство и безопадный критицизмъ въ отношеніи къ власти имущимъ имѣютъ серьезную подъ собою почву. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, закрывать глаза на многія темныя стороны нашей общественной и государственной жизни, иначе это поведетъ къ опасному ея застою и разложенію. И каждому изъ насъ нынѣ дано право и возможность указывать на эти нестрожія путемъ мирнымъ и законнымъ. Судъ и законъ существуетъ для всѣхъ. Всѣ мы волею и милостію Благовѣщаннаго Самодержца призваны и къ общественному самоуправленію, и къ государственному устроенію, при томъ—рука объ руку съ Самимъ Державнымъ Вѣщеносцемъ. И уже сами мы виновны, если не умѣемъ пользоваться дарованными намъ правами на пользу себѣ и государству. Но мы желали бы остановиться вниманіемъ на томъ печальномъ явленіи, когда мы „изъ себя выходимъ“ и всѣхъ осуждаемъ часто безъ достаточнаго основанія; когда наши якобы нестроенія на самомъ дѣлѣ являются лишь плодомъ нашего досужаго или извращеннаго воображенія!

Въ самомъ дѣлѣ: все ли у насъ такъ уже плохо? Все ли заслуживаетъ порицанія и ломки? Не увлекаемся ли мы чужими, совершенно намъ несродными формами жизни, или—что еще хуже—не примѣненными нигдѣ еще на дѣлѣ и потому гадательными и крайне опасными теоріями соціального переустройства? Не раболѣпствуемъ ли мы предъ всѣмъ ино-

страннымъ въ ущербъ своего родного, русскаго и завѣдомо лучшаго? Не являемся ли мы беспочвенными космополитами, утратившими всякое національное чувство, любовь къ родинѣ— правда, отсталой, очень еще бѣдной и малокультурной, но въ то же время—обширной, мощной и богатой еще неизслѣдованными и неиспользованными, какъ духовными, такъ и матеріальными силами?

Не приходятъ ли въ недоумѣніе и не теряютъ ли къ намъ уваженія тѣ самые иностранцы, которымъ мы такъ усердно стремимся во всемъ подражать безъ достаточной провѣрки и оцѣнки того, что считаемъ для себя благомъ, но что самыми иностранцами въ дѣйствительности бываетъ уже часто отброшеннымъ, какъ поношенная, истрепанная ветошь?

Вотъ—тревожныя думы, къ которымъ невольно приходишь при размышленіи о нашемъ коренномъ „русскомъ“ недугѣ— все свое осуждать, во всемъ другимъ подражать, всѣхъ кромѣ себя, укорять и на всѣхъ нападать. Но наша склонность къ недовольству всѣмъ окружающимъ пагубна въ особенности тѣмъ, что мы проявляемъ ее предъ „меньшими сими“: предъ нашею молодежью, предъ своими дѣтьми! Наши дѣти—и отъ насъ взрослыхъ, и изъ печати, которой вообще вѣрять, какъ откровенію,—только и слышатъ кругомъ, что и то и другое у насъ скверно; что народъ притѣсненъ и угнетенъ; что нужны новые начальники, новые вездѣ люди, новый строй какъ общественный, такъ и государственный, безъ каковой-де ломки не можетъ быть спасенія нашей родины. И вотъ „изъ всего этого въ общественной сферѣ какъ бы скопляются нравственно-политическіе міазмы“, которые прежде всего отравляютъ дѣтскія неустойчивыя души и лишаютъ ихъ довѣрія къ людямъ и почтенія къ родителямъ и къ властямъ. Что-же удивительнаго, если наши дѣти, покрайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, по крайней восприимчивости и неустойчивости своей природы, переводятъ наши чувства и слова въ дѣло—и безумными дѣйствіями, забастовками и разными другими способами дикаго насилія осуществляютъ на дѣлѣ то, о чемъ слышатъ отъ насъ, взрослыхъ, къ чему мы ихъ сами невольно и незамѣтно склоняемъ и подбиваемъ? Что удивительнаго, если

наша молодежь, электризуясь нашими худеніями существующихъ порядковъ, начинаетъ считать себя призванною послужить обновленію общества и идетъ крушить и ниспровергать старыхъ дѣятелей, старые порядки и насаждать яко бы новый строй и несбыточные блага на землѣ?

Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, кроется первоначальный источникъ тѣхъ ужасовъ, какіе мы переживаемъ нынѣ и изъ которыхъ горчайшее зло—это гибель многихъ надорвавшихся юношей нашего молодого поколѣнія! И если мы жалѣемъ себя и будущее нашихъ дѣтей, нашей родины, то должны признать, что въ искорененіи основного своего порока—всеобщаго недовольства всѣмъ окружающимъ и отравленія имъ молодежи—заключается первый шагъ къ спасенію себя, общества и государства. Поэтому, въ день тезоименитства нашей общегосударственной Надежды и Опоры въ будущемъ, возлюбленнаго всѣми русскими вѣрно-подданными Наслѣдника Русскаго Престола, Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, съ горячею молитвою о Его благоденствіи, о Его постепенномъ духовномъ и тѣлесномъ ростѣ и укрѣпленіи, пожелаемъ разумнаго укрѣпленія надежды и cadaго изъ насъ, а отсюда и надежды всего государства—разумнаго охраненія нашихъ собственныхъ дѣтей, нашей развивающейся молодежи! Вѣдь она—наше будущее, мы сами—въ будущемъ! Что же это будетъ за будущее, если наши дѣти развратятся и изнервничаютъ до послѣднихъ предѣловъ?..

Вспомнимъ грозное слово Спасителя о соблазнѣ „малыхъ сихъ“ и о страшной отвѣтственности за этотъ соблазнъ (Мѡ. 18, 6) и почаще будемъ сдерживать себя въ своихъ чувствахъ недовольства и всеобщаго осужденія,—по крайней мѣрѣ, въ присутствіи нашихъ дѣтей! Вѣдь, если мы воздадимъ строгій отвѣтъ за *всякое* праздное слово (Мате. 12, 36), то за слова гнилыя и развращающія дѣтей, губящія нравственно и политически будущихъ общественно-государственныхъ дѣятелей, воздадимъ этотъ отвѣтъ сторицею!

Священникъ Даніилъ Поповъ.

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Подъ такимъ заголовкомъ, по поводу поданнаго духовенствомъ Кіевской епархіи митрополиту Флавіану доклада о свободѣ печати, г. Меньшиковъ напечаталъ въ „Новомъ Времени“ № 11342 слѣдующую, весьма интересную, статью ¹⁾.

„Этотъ отнынѣ знаменитый докладъ—первое за всю эпоху нашей революціи мужественное выступленіе церкви, глубоко-прочувствованное и касающееся самой смрадной язвы времени...

Дѣлаетъ большую честь кіевскому духовенству то, что оно возбудило этотъ коренной вопросъ смуты. Нѣтъ сомнѣнія, пастырскія собранія и другихъ областей Россіи выскажутся по тому же поводу. Въ виду этого позволительно остановиться на кіевскомъ докладѣ. Если есть у насъ государственные люди, если не совсѣмъ заглохла въ нихъ тревога передъ надвигающеюся гибелью страны,—они должны на этотъ разъ внимательно прислушаться къ голосу церкви.

„Современная печать,—говоритъ докладъ,—въ значительной своей части стала проводникомъ мыслей противорелигіозныхъ, противохристіанскихъ, противоцерковныхъ, противогосударственныхъ, противообщественныхъ, безнравственныхъ. Безбожіе, кощунство и даже богохульство пропагандируются въ ней открыто и безнаказанно. Такая печать разлагаетъ семью, общество и государство; она—возбудительница и главная виновница революціонныхъ неистовствъ и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, какіе переживаетъ несчастная родина наша послѣдніе годы. Опасность отъ такой печати неизмѣримо велика, такъ какъ народъ нашъ по своей простотѣ и совершенной политической незрѣлости не умѣетъ разбираться въ ней и вѣрить всякому печатному слову, тѣмъ болѣе, что лѣвая печать идетъ подъ знаменемъ народной свободы и судить ему все, чѣмъ только можно увлечь и сбить съ толку довѣрчивую темную массу. Обѣщая народу несбыточныя блага, она только раздражаетъ его и будитъ въ немъ худшіе инстинкты, толкая на путь мятежа, всякаго рода насилій и убійствъ.

Столь же пагубно вліяніе этой печати и на учащуюся молодежь. Ядъ лжи политическаго разврата, развращенія и безбожія отравляетъ и уже отравилъ многихъ; высшая школа разложилась, средняя на пути къ разложенію. Грустно и страшно сказать Юноши, даже мальчики и дѣвочки, мнятъ себя спасителями отечества и для блага, будто бы, будущихъ поколѣній, съ браунингамп и бомбами въ рукахъ разрушаютъ общее благо-

¹⁾ Проводячъ выдержки изъ этой статьи.

состояніе, являясь жестокими палачами и убійцами паче мыслящихъ. И всё вообще, подъ вліяніемъ такой печати, путаются въ понятіяхъ и фактахъ, сбиваются съ истиннаго пути жизни, раздѣляются на партіи, взаимно озлобляются и ожесточаются. Такимъ образомъ культивируется вражда и смертельная ненависть даже между тѣми, кто должны бы быть и были раише братьями по крови, по вѣрѣ и по всему историческому прошлому.

Скорбя о такомъ разстѣльномъ вліяніи печати, вытравляющей религиозную вѣру, любовь къ Богу, церкви, родицѣ, благоговѣніе предъ святыней и страхъ Божій, а также уваженіе къ Верховной Власти и вообще власти, къ пастырямъ церкви, родителямъ и наставникамъ, колеблющей и разрушающей все, на чемъ зиждется порядокъ, миръ благосостояніе и самая жизнь отдѣльныхъ лицъ государства, пастыри кievской епархіи считаютъ своимъ священнымъ долгомъ отмѣтить этотъ, угрожающій русской церкви и государству, фактъ и просить власть имущихъ пересмотрѣть законы о печати, внести въ эти законы поправки и измѣненія въ томъ смыслѣ, чтобы свобода печати не превращалась въ свободу распространять зло“.

Не правда ли, сама истина говоритъ устами кievскихъ пастырей? Нужно было при нынѣшнемъ еврейскомъ террорѣ не малое безстрашіе, чтобы осмѣлиться высказать публично такое отношеніе къ преступной печати. Но кievскіе пастыри, во главѣ съ епископомъ Агапитомъ, очевидно идутъ на это: ужъ если Христосъ былъ оплеванъ и поруганъ Евреями, то духовенству не достойно бояться еврейскихъ поруганій. Духовенству кievскаго, какъ бы апостольскаго престола (ибо согласно преданію въ Кіевѣ проповѣдывалъ Андрей Первозванный) подобало первому отмѣтить главную опасность, надвигающуюся на христіанство, опасность извращенной проповѣди, опасность преступнаго вырожденія слова, съ котораго свѣтскій законъ снялъ всё преграды. Въ самомъ дѣлѣ, что такое христіанское благовѣстіе какъ не свобода слова, въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ? Но слова великаго, вышедшаго изъ устъ Божіихъ. И вотъ эта проповѣдь добра и правды, начатая Христомъ, продолжаемая апостолами и священниками, встрѣчается съ другою проповѣдью, съ пропагандой преступленій, съ пропагандой дьяволизма, самаго безпримѣтнаго,—подъ знаменемъ однако тѣхъ же высокихъ словъ. На бѣдное наше христіанство, давно разстроенное униженіемъ церкви, нахлынуло наводненіе какъ-

бы другой религіи, черной, какъ смерть. Оцѣните состояніе искренно-вѣрующихъ пастырей. Они чувствуютъ себя тонущими, какъ Петръ во время бури. Въ апостольскомъ призваніи имъ видимо не совладать съ черной проповѣдью. Церквей въ Россіи какихъ-нибудь полсотни тысячъ, да и тѣ закрыты обыкновенно шесть дней въ недѣлю. А газетныхъ листовъ, брошюръ, прокламацій милліоны, и они проникаютъ въ самую толщу народную. Еврейскій листокъ, отравленный ягучей ненавистью и подслащенный громкими фразами, не исчезаетъ, какъ голосъ священника. Листокъ остается, къ нему возвращаются, его передаютъ изъ рукъ въ руки. Пропаганда зла получаетъ громадныя преимущества предъ проповѣдью добра—въ лицѣ тѣхъ немногихъ пастырей, которые на эту проповѣдь способны.

Великое изобрѣтеніе, начавшее новыя вѣка,—книгопечатаніе вооружило зло несравненно болѣе, чѣмъ добро. Дурныхъ людей гораздо больше, чѣмъ хорошихъ; при одинаковыхъ средствахъ проповѣди первые естественно берутъ верхъ. Уже при самомъ появленіи книгопечатанія опасность пропаганды зла чувствовалась и заставила создать особое учрежденіе цензуры. Цензура была призвана не гасить свѣтъ человѣческой мысли, а отставивать его яркость отъ наплывающей безсмыслицы. Въ старину понимали, что печатаніе доступно не только героямъ, но и негодьямъ, и такъ какъ гени и герои количественно исчезаютъ въ неизмѣримо-огромной толгѣ непросвѣщенной черни, то безцензурная печать должна неминуемо повести къ страшной вульгаризаціи публичнаго слова, къ торжеству зла. Цензура въ своемъ замыслѣ, напоминала культъ Весты, береженіе неугасаемаго огня, безупречной чистоты духа. Если плохая цензура не выполнила своей роли, то это еще не рѣшаетъ вопроса о хорошей цензурѣ. Даже при всей слабости своей это учрежденіе на Западѣ и у насъ приносило извѣстную пользу.

Въ старыя времена нужно было написать нѣчто, стоящее вниманія лучшихъ людей, чтобы книга окупилась. Скоропечатаніе же, вмѣстѣ съ фабрикаціей крайне плохой и потому дешевой бумаги, сдѣлало публичное слово доступнымъ всѣмъ, но тутъ то вотъ и выступило роковое свойство массъ. „Всѣ“ ока-

зались въ подавляющемъ большинствѣ ниже культуры, ниже выработаннаго культурой ума, ниже выработанной религіей совѣсти, ниже вкуса, выработаннаго аристократіей вообще. Съ распространеніемъ грамотности тотчасъ создалась спертая умственная атмосфера. Если въ древности имѣли право жизни лишь лучшія книги, называвшіяся священными, то теперь ихъ тѣсный кругъ задавленъ и засыпанъ, какъ Геркуланумъ и Помпея, неисчислимымъ множествомъ листовъ ежедневно извергаемой сѣрой, смрадной—и часто жгучей некультурной печати.

Россія поставлена въ этомъ смыслѣ въ наиболѣе опасное положеніе. Въ западныхъ странахъ, гдѣ Евреевъ сравнительно очень мало, печать еще не слишкомъ развращена. Худшіе люди, „чернь“, и тамъ вытѣсняють таланты и умы, но чернь на Западѣ все же несетъ на себѣ остатки древняго національнаго духа, т.-е. именно той культуры, которую выражали священныя книги. Тамъ есть сдержка, есть нѣкоторая дисциплина, примиримая со свободой. У насъ не то. У насъ не только „значительная часть“, какъ говорятъ кievскіе пастыри, но подавляющее большинство печати въ рукахъ опаснаго племени. Соединившись съ отбросами русскаго общества, Евреи создали ту самую преступную прессу, въ которой кievское духовенство видитъ корень смуты. И дѣйствительно въ ней—если не корень развившейся до сумасшествія озлобленности, то—*орошеніе* этого корня.

Низкіе инстинкты свойственны людямъ; они всегда были и будутъ. Секретъ цивилизаціи лишь въ томъ, чтобы держать эти инстинкты постоянно связанными, безплодными, какъ зерно, посаженное въ сухую почву. Преступная печать еврейская, все эти мелкіе, грошовые, рассчитанные на чернь безчисленные листки не столько сѣютъ зло, сколько орошаютъ его. Ежедневно, какъ заботливый садовникъ, еврейскіе типографскіе станки поливаютъ невѣжественныя умы настроеніемъ отравленнымъ, возбуждающимъ умственные судорги, мучительныя въ тѣсныхъ лбахъ. Наша высокопоставленная власть не видитъ народа. Она не заботится о его питаніи. Она не знаетъ, какою радостью кормятъ народъ въ закусовыхъ, какою мерзостью пичкають воображеніе народное черезъ маленькія га-

зетки въ безчисленныхъ пивныхъ, портерныхъ, подвалахъ, чайныхъ, ночлежныхъ домахъ. Пролетаріатъ городской и деревенскій нынче почти сплошь грамотенъ; къ уровню именно низкихъ понятій и жестокихъ страстей поддѣльвается революціонный юданзмъ. Идетъ сплошное обученіе многомилліонной пролетарской массы, сплошное воспитаніе ея въ епархіальныхъ настроеніяхъ. Вотъ серьезная, государственная бѣда, и въ самомъ дѣлѣ голосъ кievскихъ пастырей поднимается во время. Повѣрьте, что если другіе священники и другіе благонамѣренныя граждане молчатъ, но не потому чтобы они не чувствовали пропасти, къ которой мы идемъ.

Но какъ же быть? воскликнетъ растерянная наша государственность. — Неужели отнимать свободу слова, только что данную? Вѣдь свобода слова — устой конституціи? Неужели отнимать конституцію?

На эти растеряныя рѣчи хочется сказать: Да полно же. Будемте же наконецъ понимать то, что мы говоримъ. „Свобода слова, — да! Вы прекрасно дѣлаете, желая сохранить ее, но гдѣ же она, эта „свобода“? Она на бумагахъ, она въ благихъ намѣреніяхъ основныхъ законовъ. На дѣлѣ нѣтъ этой свободы. На дѣлѣ установилась еврейская тиранія слова, самая постыдная, какая была когда-нибудь у насъ. Установился мѣстами гнуснѣйшій терроръ печати. Попробуйте, если вы не согласны съ полдюжиной еврейчиковъ, заявить свое убѣжденіе. Сейчас же на васъ набрасывается въ ихъ газетахъ собачья стая и подвергаетъ травлѣ, буквально травлѣ. Вѣдь множество вѣрныхъ родицъ русскихъ людей уже погибли жертвой этой травли. Преслѣдуютъ не однихъ обывателей, осмѣлившихся сказать Еврею наперекоръ. Преслѣдуютъ представителей государственной власти, сживаютъ ихъ со свѣту. У меня лежитъ матеріаль о преслѣдованіи лѣвой печатью одного весьма выдающагося вице-губернатора, который еще живъ, но напечатанный въ газеткѣ приговоръ надъ нимъ вотъ-вотъ исполнится. Если бы государственная власть пораспросила несчастныхъ губернаторовъ, генераль-губернаторовъ и многихъ „правыхъ“ дѣятелей о ихъ жизни въ глуши, она поняла бы, что это за каторга дышать въ этой ежедневной отравляемой атмосферѣ злости, ни-

зости, подстрекательства, подметныхъ статей, неуловимыхъ для преслѣдованія, и подметныхъ писемъ. Бомбу въ концѣ концовъ взрываетъ не динамитъ, а именно эта накопляемая тщательно удушливая месть бунтарской печати, ея преступное вліяніе на чернь. Неужели, скажите по совѣсти,—эта „свобода“ мысли, конституціонная свобода печати? Напротивъ, именно свобода слова у насъ растоптана на первыхъ же порахъ, и долгъ власти возстановить ее, обезпечивъ отъ преступленій слѣва. Безуміе думать, что гражданская „свобода“ состоитъ въ свободѣ зла. О какихъ бы свободахъ ни шла рѣчь, во всѣхъ случаяхъ подразумѣвается свобода добра. Правительство не можетъ—не возбуждая бунта—разрѣшить одинаково добро и зло: только первому долженъ быть данъ просторъ,—со вторымъ же оно должно вести непрерывную и безпощадную борьбу. Это функція власти. Не выполняя ее, она не власть.

То, что церковь замѣтила „неизмѣримо-великую опасность“,— не дѣлаетъ чести свѣтскому правительству. Оно, казалось бы, обязано видѣть собственными глазами ту мерзость, что такъ громко вопіетъ къ небу. Потворство для всѣхъ очевидной, явно вредной, безусловно гибельной пропаганды зла заставляетъ множество простыхъ русскихъ людей спрашивать въ отчаяніи: когда же конецъ этому?

„ВЫ—СВѢТЪ МІРА“.

„Вы—свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажгли свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникъ, и свѣтитъ всѣмъ въ домъ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго“. (Лк. 6, — 12—20; Матѣ. 5, — 14—16).

Читая св. Евангеліе, невольно переносишься мысленнымъ взоромъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ какъ Богочеловѣкъ обиталъ на землѣ пречистою Своею плотію; переносишься мысленнымъ взоромъ въ тѣ благодатныя мѣста, которыя Онъ освятилъ Своими пречи-

стыми стопами, Своею жеззью и дѣятельностію и оросилъ Своею божественною кровію...

Таковы и вышеприведенныя нами слова изъ Ев. Маттея и Луки. Они говорятъ намъ о томъ времени земной жизни Богочеловѣка, когда во время посѣщенія Своего Галилеи Господь Иисусъ Христосъ, предъ избраніемъ апостоловъ, возшелъ на гору (по мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ) Оаворъ и пробылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу Отцу Своему... Можно думать, что, полагая начало устроенію на землѣ Царства Божія, основанію на землѣ Церкви Своей святой, Спаситель призывалъ на это великое дѣло благословеніе Отца Своего... Можно думать, что пламенная молитва Богочеловѣка—Христа была, предъ избраніемъ въ число двѣнадцати апостоловъ, за тѣхъ бѣдныхъ и смиренныхъ рыбарей Галилейскихъ, которые по всей вселенной должны были пронести слово Его, насадить великое древо Церкви Его святой, утвердить во всемъ мірѣ вѣру въ Него, какъ Сына Божія, и выдержать великую борьбу противъ „князя міра сего“ (Іоан. 12,—31), „князя, господствующаго въ воздухъ, духа дѣйствующаго въ сынахъ противленія“ (Ефес. 2,—2)... Онъ божественнымъ взоромъ Своимъ проникалъ будущее, видѣлъ преслѣдованія, ненависть и мученія, которыя возбудитъ проповѣдь Евангелія, духъ злобы, Онъ предвидѣлъ козни сатаны, который „просилъ сѣять учениковъ Его, какъ пшеницу“ (Лук. 22,—3), чтобы устрашить „малое стадо“ Христово (Лук. 12,—32), разсѣять учениковъ Христовыхъ и воздвигнуть великую брань противъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него... За сіе то „малое стадо“ и была, надо полагать, первѣе всего молитва Христа Спасителя на горѣ Оаворѣ, ибо „Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, и незнатное міра и уничиженное и ничего незначащее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее,—для того чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ“ (1 Кор. 1,—27—29)!... Но, быть можетъ, пламенная молитва Сына Божія была и „о Его собственномъ укрѣпленіи на предлежавшей Ему подвигъ крестныхъ страданій, ибо на утро Онъ долженъ былъ по волѣ Отца и благому Своему изволенію въ

числѣ двѣнадцати апостоловъ приблизить къ Себѣ и имѣть всегда предъ Собою острое орудіе крестной смерти Его — Иуду Искариотскаго¹⁾...

Съ ранняго утра, вмѣстѣ съ учениками Іисуса Христа, у подножія Оавора, Спасителя ожидали уже и густыя толпы народа, пришедшія изъ разныхъ отдаленныхъ странъ послушать Его св. ученіе... Великую скорбь и сожалѣніе вызывали всегда въ душѣ Спасителя эти толпы народа, ибо они были „точно овцы, не имѣющія пастыря“... Іисусъ Христосъ сходитъ на нижній уступъ горы, призываетъ къ себѣ учениковъ и избираетъ изъ нихъ двѣнадцать, которыхъ называетъ „Апостолами“, чтобы они постоянно были при Немъ, съ цѣлію послать ихъ на проповѣдь (Марк. 3,—14) и чтобы они впоследствии были міру свидѣтелями всего того, что сами видѣли и слышали отъ Него,—а затѣмъ обращается къ нимъ и ко всему стоящему народу съ завѣщаніемъ, изложеннымъ, въ такъ называемой, „нагорной проповѣди“... *„Вы—свѣтъ міра,—говоритъ Онъ избраннымъ апостоламъ и ученикамъ. Не можете укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажегли свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникъ, и свѣтитъ всѣмъ въ домъ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго“* (Мѣ. 5,—14—16)... Въ этихъ словахъ, назвавъ учениковъ Своихъ „свѣтомъ міра“, Господь Іисусъ Христосъ указывалъ имъ на то ихъ высокое назначеніе и призваніе, какія возложены на нихъ съ званіемъ „Апостоловъ“, т. е. что они, подобно свѣту исходящему отъ солнца и производящему въ окружающемъ мірѣ озареніе, жизненность и теплоту,—должны при чистотѣ души своей черпать свѣтъ истины въ свѣтлыхъ струяхъ Его ученія и благодати Божіей и изливать этотъ благодатный свѣтъ и своимъ словомъ и примѣромъ жизни предъ прочими людьми, вѣрующими въ Него, а эти послѣдніе должны созерцать свѣтъ учениковъ Его и въ ихъ свѣтѣ находить для себя лучшее побужденіе жить такъ, чтобы жизнью своею прославлять Отца Небеснаго... Васъ

¹⁾ „Оборн. стат. по вѣстоув. и назид. чт. Четвероєвангелія“,—М. Варшава, стр. 513.

избралъ и содѣлалъ отнынѣ Богъ,—какъ бы такъ говорилъ Христось,—проповѣдниками вѣры: значитъ, всѣмъ людямъ вы должны быть извѣстны святостію своей жизни богоугодной, и праведной и всѣ должны видѣть васъ, подобно тому, какъ городъ, стоящій на возвышенной мѣстности, видимъ бываетъ на значительное разстояніе; васъ избралъ Богъ проповѣдниками вѣры: не скрывайте же Евангельской проповѣди, подобно тому, какъ неблагоразумно ставить зажженную свѣчу подъ сосудомъ, а между тѣмъ людей, находящихся въ домѣ, оставлять въ темпотѣ... *„Вы — свѣтъ міра“!*.. Явите же предъ всѣми людьми жизнь свою во всемъ согласную съ словомъ Божиимъ и Божіей правдой, явите предъ міромъ добрыя дѣла жизни своей, но не для человѣческой похвалы и тщеславія, а для того, *„чтобы вамъ быть, неукоризненными и чистыми чадами Божиими непорочными среди строптивого и развращеннаго рода, въ которомъ вы сіяете какъ свѣтила въ мірѣ“* (Филип. 2,—15), для того, чтобы побѣдоносная сила примѣра вашего, чистаго и свободнаго отъ всякихъ нареканій, воспламеняла другихъ къ христіанскимъ добродѣтелямъ, это и будетъ служить къ прославленію Отца вашего Небеснаго...

Но не къ однимъ св. апостоламъ имѣютъ отношеніе слова Господа Іисуса Христа: *„вы—свѣтъ міра“*. Въ широкомъ смыслѣ они должны быть относимы ко всѣмъ истинно-вѣрующимъ въ Іисуса Христа; ближайшимъ же образомъ они относятся къ пастырямъ церкви, ибо, съ первыхъ же дней существованія на землѣ Св. Церкви Христовой, по стопамъ св. апостоловъ должны идти всѣ пастыри и учителя церкви, которые, по силѣ возложенныхъ на нихъ Небеснымъ Пастыреначальникомъ, чрезъ преемственное рукоположеніе, высокихъ обязанностей священства и полномочій учительства, продолжаютъ великое дѣло проповѣди Евангелія и устройства на землѣ Церкви Божіей... Поэтому, въ этихъ словахъ Христа Спасителя: *„вы—свѣтъ міра“* преимущественно для насъ—пастырей церкви, какъ преемниковъ апостольскаго служенія, на всѣ времена предложено великое назиданіе, высокообязательный урокъ, особенно въ наши многмятежные дни, когда и время, и люди, и жизнь,

и общественное положеніе такъ много предъявляютъ различныхъ требованій къ пастырямъ церкви!..

Итакъ, если мы пріемники апостольскаго служенія—пастыри и учителя церкви,—призваны быть „свѣтомъ міра“ и „свѣтильниками стоящими на верху горы“, то какимъ по преимуществу образомъ мы можемъ распространять благодатный свѣтъ между людьми въ наше время? Поставленные отъ Господа послѣ апостоловъ: „къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова“ (Ефес. 4,—12), съ высокими полномочіями „насти церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ Кровію Своею“ (Дѣян. 20,—28), „проповѣдывать слово Божіе, настоять во время и не во время, обличать, запрещать, увѣщевать со всякимъ долготерпѣніемъ“ (2 Тимоѳ. 4,—2),—какія свойства души и сердца должны проявлять наши пастыри церкви теперь, чтобы и въ словахъ и дѣлахъ жизнь ихъ сіяла свѣтомъ ученія Христова въ назиданіе насомымъ преимущественно въ наше время?... Попытаемся указать ихъ по нашему крайнему разумѣнію.

Священникъ Николай Загорскій.

(Продолженіе будетъ).

ЦЕРКОВНЫЕ ДОХОДЫ И ИХЪ НАЗНАЧЕНІЕ ВЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

I.

Церковные доходы, и въ частности церковныя суммы, это такой животрепещущій современной вопросъ, о которомъ много говорятъ въ обществѣ и пишутъ въ прессѣ и особенно духовной. Имѣя подъ руками такой основательный источникъ, какъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Церковно-историческія повѣствованія изъ древнихъ временъ Христіанской Церкви“, заслуженнаго профессора Московскаго университета А. П. Лебедева, мы прослѣдимъ въ какомъ положеніи это дѣло находилось во время Христа Спасителя и Его Апостоловъ,—въ чемъ состояли церковныя средства во 2 и 3 вѣкѣ; пожертвованія обыкновенныя

и чрезвычайныя, начатки и десятина; кто распорядился этими пожертвованіями? Сборъ приношеній въ дни воскресные, отъ всѣхъ ли принимались приношенія, кому оказывались изъ церковныхъ средствъ пособія, съ какою внимательностію распредѣлялось пособіе, внушеніе долга молиться за благодѣтелей, съ какою строгостію запрещалось получавшимъ церковное пособіе нищенствовать, распредѣленіе церковнаго достоянія на служащее духовенство и на нужды богослужебныя...

Въ Евангеліи отъ Луки глава восьмая ст. 1—3 мы читаемъ: „Иисусъ Христосъ, проходивъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя Царствіе Божіе, и съ Нимъ двѣнадцать, и нѣкоторыя женщины: Марія, называемая Магдалиною, и Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многія другія, которыя служили Ему имѣніемъ своимъ“. Въ этомъ Евангельскомъ повѣствованіи мы ясно усматриваемъ, что Спаситель питался подаваніемъ, которое подавалась Ему и Его ученикамъ преимущественно добрыми и благочестивыми женщинами. У евангелиста Марка гл. 6 ст. 34—38 повѣствуется о томъ, что во время путешествія и долгой проповѣди къ народу въ пустынномъ мѣстѣ у народа оказался запасъ, состоявшій изъ пяти хлѣбовъ и двухъ рыбъ. А у Евангелиста Іоанна гл. 12 ст. 6 прямо говорится, что „Іуда имѣлъ при себѣ денежный ящикъ и носилъ, что туда опускали“. И далѣе въ гл. 13, ст. 29: „а какъ у Іуды былъ ящикъ, то нѣкоторые думали что Иисусъ говоритъ ему: купи, что намъ нужно къ празднику, или чтобы далъ что нибудь нищимъ“. Здѣсь ясно указывается, что Спаситель поручилъ Іудѣ храненіе подаваній и что онъ расходовалъ эти подаванія по указанію Христа.

Такимъ образомъ св. Евангелісты ясно показываютъ, что подаваніе расходовалось, во-первыхъ, на содержаніе Спасителя и Его учениковъ, во-вторыхъ—для оказанія помощи бѣднымъ и въ третьихъ на устройство пасхальной вечера. Для такой тройкой цѣли собирались и употреблялись въ то время всѣ пожертвованія и примѣръ Господа Спасителя послужилъ закономъ въ данномъ случаѣ для всего послѣдующаго времени въ первенствующей христіанской Церкви.

II.

Въ вѣкъ Апостольскій продолжался такой же порядокъ, какой существовалъ при Спасителѣ. Въ книгѣ Дѣяній святыхъ Апостоловъ мы читаемъ: „Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее, и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“ (Дѣян. 2, 44 и 45); а другіе изъ проданнаго имѣнія нѣкоторую часть приносили и полагали къ ногамъ Апостоловъ“ (5, 1 и 2). Изъ этихъ поданій часть расходовалась на совершеніе таинства евхаристіи, которая въ то время называлась преломленіемъ хлѣба (Дѣян. 2, 46). Апостолы также питались поданіями отъ вѣрующихъ, на что были уполномочены Самымъ Господомъ заповѣдавшимъ имъ: „въ домѣ же тамъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть: ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои“. При какихъ либо несчастныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ во время голода, предсказаннаго Аравомъ, дѣлались особыя сборы, которые и направлялись къ пресвитерамъ для раздачи голодающимъ, какъ объ этомъ говорится въ книгѣ Дѣяній: „Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособіе братіямъ, живущимъ въ Іудеѣ, что и сдѣлали, пославши собранное къ пресвитерамъ чрезъ Варнаву и Савла“ (11, 29 и 30).

Апостоль Павелъ въ первомъ своемъ посланіи Коринѣянамъ, между прочимъ, дѣлаетъ такое наставленіе: „въ первый день недѣли (т. е. воскресенье) каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и берегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я приду“ (16, 2). Здѣсь Апостоль повелѣваетъ вѣрующимъ дѣлать взносы по воскреснымъ днямъ изъ своихъ сбереженій, которые до его прихода и сохранялись въ общей кассѣ. Съ достовѣрностію можно (сказать) предполагать, что въ Коринѣѣ до сего времени при богослуженіи не было обычая удѣлять что либо на пользу общую. Такой обычай существовалъ сначала въ общинахъ вѣрующихъ изъ Іудесвъ, а потомъ распространился по внушенію Апостола въ Коринѣѣ и во всѣхъ прочихъ основанныхъ имъ церквахъ.

Въ посланіи къ Римлянамъ апостоль Павелъ говоритъ, что

церковныя суммы расходовались на бѣдныхъ и странниковъ (12, 13). Имѣющійся у богатыхъ избытокъ долженъ былъ восполнять скудость бѣдныхъ, чтобъ была равномерность (2 Коринѳ. 8, 14). Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею Апостолъ внушаетъ, что не всѣ бѣдные должны были падѣяться на церковное достояніе: бѣдные и вдовы, у которыхъ есть достаточные родственники, должны питаться отъ этихъ послѣднихъ, а эти не должны обременять церковь, ибо „кто не печется о своихъ и особенно о домашнихъ, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“. (1 Тим. 5, 8 и 16). Апостолъ Павелъ самъ о себѣ говоритъ, что онъ всегда питался трудами рукъ своихъ, несмотря однако на это онъ ясно высказываетъ, что проповѣдники Евангелія имѣютъ всѣ права пропитываться на счетъ церкви. „Если мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? Что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдывающимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія“ (1 Кор. 9, 11—14). Отсюда мы усматриваемъ, что не одни Апостолы имѣли право пользоваться церковными суммами, но и учителя церковные, и пресвитеры, особенно тѣ, которые трудятся въ словѣ и ученіи“ (1 Тим. 5, 17).

III.

Какъ дѣлалось относительно сбора церковныхъ пожертвованій при Апостолахъ, такъ неизмѣнно продолжалось и въ послѣдующіе два вѣка—во 2 и 3. Пожертвованія обыкновенныя собирались каждый воскресный день при совершеніи Евхаристіи, когда вѣрующіе жертвовали смотря по своему состоянію и усердію, и чѣмъ кто богатъ былъ, и передавались пресвитеру или епископу. Эти пожертвованія состояли не изъ однихъ денегъ, а преимущественно изъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, какъ то—хлѣба, вина, масла, молока, меда (Апостол. пр. 3-е). Пожертвованія же, которыя собирались ежемесячно, а также чрезвычайныя—при особыхъ бѣдственныхъ случаяхъ, обыкновенно состояли изъ денегъ. Въ первенствующей церкви былъ благочестивый обычай, во время поста воздер-

живаться отъ излишнихъ яствъ и видѣлять изъ всего необходимаго известную часть въ пользу бѣдныхъ. Святый Кипріанъ строго осуждаетъ тѣхъ богатыхъ христіанъ, которые приходили въ церковь съ пустыми руками и за богослуженіемъ пользовались тою долею, которая назначалась для бѣдныхъ (кн. о благотвореніи).

Церковные писатели 3 вѣка, между прочимъ, упоминаютъ еще объ одномъ источникѣ, а именно о начаткахъ и десятинахъ; каковой источникъ доходовъ имѣетъ основаніе въ ветхозавѣтныхъ учрежденіяхъ и законахъ. Такъ святой Ипполитъ указываетъ на обычай приносить начатки въ церковь; приносились начатки, какъ говоритъ онъ, хлѣбнаго зерна, вина, масла, меда, молока, шерсти и заработной платы; все это вмѣстѣ съ начатками отъ плодовъ земныхъ приносилось въ храмъ епископу, который и благословлялъ приносимое (Церковно-историч. повѣст. стр. 134). Знаменитый церковный писатель Оригенъ говоритъ: примично и цѣлесообразно приносить начатки для священниковъ новозавѣтныхъ, ибо Господь сказалъ: *благовѣствующіе Евангеліе живутъ отъ благовѣстія и служащіе алтарю питаются отъ алтаря. Далѣе, чрезъ подобную жертву вѣрующіе даютъ свидѣтельство о томъ, что они получили плоды отъ Бога. Ибо если кто вѣруетъ, что онъ получаетъ ихъ отъ Бога, то онъ знаетъ, что давая начатки священникамъ, онъ тѣмъ воздаетъ честь Богу за Его дары. Наконецъ Исусъ сказалъ: горе вамъ, фарисеи, ибо вы даете десятину отъ самаго малаго, а важнѣйшее въ законѣ забываете. Лицемѣры! Одно должно дѣлать, и другого не оставлять. Если Христосъ такимъ образомъ требуетъ, чтобы давали начатки и десятину, то тѣмъ болѣе Онъ требуетъ этого отъ своихъ учениковъ, праведность которыхъ должна быть больше праведности фарисеевъ".* (Orig. in Num. hom. 11). Въ сочиненіяхъ Оригена встрѣчаемъ даже одно мѣсто, въ которомъ начатки и десятина разсматриваются не какъ свободные дары, а какъ прямая обязанность вѣрующихъ". (In Les Noir. hom. 17). Писатель во 2 книгѣ Постановленій Апостольскихъ говоритъ: „По повелѣнію Божию даваемая десятины и начатки долженъ епископъ употреблять, руководясь справедливостію, и добровольные дары

доставляемыя ради бѣдныхъ онъ долженъ расходовать также. Какъ въ ветхомъ завѣтѣ священники имѣли отъ мірянъ содержаніе такъ и въ новомъ завѣтѣ, которые живутъ для церкви, должны питаться отъ благъ церковныхъ“ (Кн. 11, гл. 25). Тамъ же въ VIII книгѣ Постановленій говорится въ пользу кого именно должны приноситься начатки и десятины: „Повелѣваю о начаткахъ и десятинахъ. Всякій начатокъ приносить епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ на пропитаніе ихъ, а всякую десятину приносить на пропитаніе прочихъ клириковъ и дѣвственницъ, и вдовицъ и бѣдняковъ (гл. 30).

Церковные историкѣ свидѣтельствуютъ, когда какая либо церковь оказывалась въ особливомъ бѣдствіи или несчастіи, напримѣръ по случаю голода, пожаровъ, при разграбленіи разбойниками, взятіи въ плѣнъ невѣрными и заточеніи христіанъ въ рудокопни, тогда по приглашенію епископовъ производились особливые чрезвычайные сборы пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ христіанъ (Апост. Постановленіе кн. 4 гл. 8). Такъ, напримѣръ, поступилъ извѣстный архіеп. Кипріанъ, когда разбойниками были ограблены Нумидійскія церкви. Онъ объявилъ сборъ въ пользу несчастныхъ и послалъ сто тысячъ сестерцій (мелкая монета) въ Нумидійскія Церкви для выкупа плѣнныхъ. Такъ было на Востоку и особенно этого рода благотворительностию отличалась Церковь Западная. „Издревле ведется у васъ обычай, такъ писалъ Діонисій епископъ Коринѣскій Папѣ Сотиру, оказывать всемъ братьямъ различныя благодѣянія и посылать вспоможенія многимъ церквамъ, въ какихъ бы городахъ онѣ не находились, помогать нуждающимся и оказывать поддержку братьямъ, томящимся въ рудокопняхъ“ (Евсевія Цер. ист. IV, 23). Церковный историкъ Евсеій между прочемъ сообщаетъ, что въ то время нерѣдко дѣлались чрезвычайныя вклады въ церковь отъ избранныхъ лицъ изъ числа вѣрующихъ. Такіе вклады дѣлали во-первыхъ новопросвѣщенные при вступленіи въ христіанство, чѣмъ они выражали свою необыкновенную радость при такомъ важномъ событіи, а во вторыхъ тѣ благочестивыя лица, которые чувствуя въ себѣ призваніе къ высокому служенію евангельскаго благовѣстія, прежде чѣмъ вступить на это трудное поприще,

жертвовали свое имущество въ пользу Церкви и бѣднымъ (Евсевія Цер. Ист. III, 37). Деньги, которые поступали отъ благочестивыхъ жертвователей, въ самыя первыя времена христіанства, приносили къ епископу и хранились въ кассѣ его дома. Эта сокровищница называлась ящникомъ или корваною, что значитъ даръ приносимый Богу. Епископъ долженъ былъ съ полнымъ вниманіемъ и добросовѣстностію относиться къ дѣлу при раздачахъ церковныхъ суммъ кому слѣдуетъ.

Наконецъ мы должны упомянуть еще о недвижимомъ имуществѣ, которымъ первенствующая церковь могла владѣть на правахъ *de facto*, а не *de jure*. Потому что христіанская церковь въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ, будучи преслѣдуема отъ язычниковъ, не обладала правоспособностію приобрѣтать собственность. Но съ фактической стороны она владѣла зданіями и различными земельными участками съ ихъ полями и садами, на которыхъ произрастали плоды и давали доходъ церкви, а зданія могли предназначаться для богослуженія и другихъ религіозныхъ потребностей.

Протоіерей Алексій Ефимовъ.

(Оковчаніе будетъ).

ВЗГЛЯДЪ ВПЕРЕДЪ.

Гляжу съ тревогою впередъ
 Съ тоской, какъ червь, мнѣ грудь сосущей:
 Страдалецъ мой, родной народъ,
 Что ждетъ тебя въ дали грядущей?

Что ждетъ тебя, отчизна—мать?
 Изъ бездны смуты разъяренной.
 Ты бодро встанешь-ли опять
 Дѣтямъ на радость обновленной;
 Иль долго будетъ надъ тобой
 Еще глумиться за-граница,
 И не отдашь-ся ль ты живой
 Врагу, затравленная львица?
 Иль совершится на—яву
 Сонъ вражескій, и предъ Вааломъ

Рабыней склонишь ты главу,
Порабощенная кагаломъ?..

Но нѣтъ, позору не бывать:
Живъ Богъ, и ни за что на свѣтѣ
Не отдадутъ Россію—мать
Врагу на поруганье дѣти.

II.

МИССИОНЕРСКИЙ ЛИСТОКЪ.

СЕКТАНТСКИЙ СЪѢЗДЪ ВЪ СТОЛИЦѢ.

Во второй половинѣ минувшаго января въ Петербургѣ, какъ извѣстно, происходилъ всероссійскій сектантскій съѣздъ для рѣшенія вопроса объ организаціи сектъ и способахъ ихъ пропаганды.

Изъ предметовъ, обсуждавшихся съѣздомъ, особенное вниманіе представителей съѣзда остановили на себѣ вопросы объ открытіи на югѣ Россіи шундо-баптистской семинаріи для подготовленія будущихъ „пресвитеровъ“, а главное, проповѣдниковъ миссіонеровъ секты, объ устройствѣ нѣсколькихъ „проповѣдническихъ домовъ“, гдѣ бы каждый день въ извѣстные часы произносились для желающихъ проповѣди, конечно, въ духѣ вѣры сектантовъ. Главною особенностію послѣдняго проекта является то обстоятельство, что проповѣдниками въ означенныхъ домахъ будутъ заграничныя нѣмцы, преподаватели баптистскихъ семинарій, испытанные уже ораторы. Такимъ образомъ нашествіе на церковь русскую заграничныхъ вѣроучителей нашего народа, быть можетъ,—дѣло недалекаго будущаго. („Тавр. Епарх. Вѣд“.).

ОБРАЗЦОВАЯ МѢРА ДЛЯ БОРЬБЫ СЪ РАСКОЛОМЪ.

На приходскомъ совѣтѣ с. Урахчи, Ланшевскаго уѣзда, Казанской епархіи, между прочимъ, постановлено: противъ старообрядческой пропаганды бороться ихъ же оружіемъ: какъ у нихъ всякая баба является миссіонеромъ, такъ и у насъ миссіонерскими сотрудниками будетъ нѣсколько женщинъ, вообще всякій, кто интересуется вопросами вѣры и благоческія и кто

ближе стоитъ къ жертвѣ, намѣченной раскольниками, или же къ раскольнику, склонному перейти въ православіе. Приходскимъ совѣтомъ признано необходимымъ въ то же время усилить собесѣдованія со старообрядцами въ виду разныхъ броженій въ ихъ средѣ, которыя могутъ быть чреваты разными неожиданностями, опасными и для православныхъ. („Колоколъ“).

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.

Въ настоящее время выборы въ 3 Государственную Думу, въ первой стадіи ихъ—избраніи уполномоченныхъ отъ крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а также отъ рабочихъ—уже закончены. Тотъ абсентеизмъ избирателей, который былъ отмѣченъ уже при составленіи избирательныхъ списковъ, когда процентъ осуществившихъ свои избирательныя права явочнымъ порядкомъ былъ очень невеликъ, въ настоящее время самыхъ выборовъ оказался въ еще большей степени. Достаточно отмѣтить, что на 245, напр., состоявшихся предварительныхъ сѣздовъ для избранія уполномоченныхъ—приходится 151 несостоявшійся, за неприбытіемъ должнаго числа избирателей. Но и тѣ сѣзды, которые состоялись, происходили, какъ общее правило, при ничтожномъ составѣ участниковъ, едва хватавшемъ для избранія единичныхъ уполномоченныхъ. Такъ, напр., для всей Петербургской губ. число явившихся на сѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ избирателей составляетъ около 6%, и можно думать, что приблизительно такой же будетъ и средняя цифра по всей Россіи. Изъ массы мелкихъ землевладѣльцевъ должны бытъ, однако, выдѣлены участвовавшіе на предварительныхъ сѣздахъ священники, которые въ настоящіе выборы обнаружили достаточную энергію въ исполненіи своего долга предъ родиной. Нѣкоторые сѣзды состояли исключительно изъ однихъ явившихся священниковъ и, напр.,—въ Саратовской губ. изъ 129 избранныхъ уполномоченныхъ—105 священниковъ, въ Калужской изъ 95—священниковъ 81, въ Тверской 142 изъ 155, въ Кіевской 421 изъ 464 и т. п. Главной причиной уклоненія массы избирателей отъ выборовъ въ третью Государственную Думу является, понятно, то недовѣріе къ идеѣ народнаго представительства, которое широко распространялось среди населенія послѣ неудач-

наго опыта первыхъ Г. Думъ. Въ первое время, какъ извѣстно, въ Государственной Думѣ видѣли панацею отъ всякихъ бѣдствій и смуть, наводнившихъ страну, на нее возлагали большія надежды въ дѣлѣ умиротворенія страны, но несовершенный избирательный законъ и темнота крестьянства,—главной силы на выборахъ по старому избирательному закону, были причинной того, что первая двѣ Думы не только не дали успокоенія измученной странѣ, а напротивъ,—достаточно революціонизировали населеніе. Роспускъ, и при томъ безъ всякихъ осложненій для страны, второй Г. Думы достаточно кажется, убѣдилъ многихъ, что не въ Думѣ, при непрекающемся хаосѣ бѣдствій, утратѣ общественнаго спокойствія и безопасности, искать спасенія. Въ связи съ этимъ стоитъ и обнаружившееся, равнодушіе къ новымъ выборамъ. И если, говоритъ «Новос Время», «и впредь, къ послѣдующимъ выборамъ избирателя будутъ относиться съ такимъ поразительнымъ равнодушіемъ, то выводъ изъ этого можетъ быть самый печальный—избиратели въ подавляющемъ большинствѣ не желаютъ, чтобы Государственная Дума существовала».

Но каково бы ни было равнодушное отношеніе кореннаго мирнаго населенія къ Государственной Думѣ,—на немъ, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ нельзя успокаиваться,—нужно всегда помнить, что революціонеры работаютъ не покладая рукъ и то же равнодушіе къ выборамъ мирнаго населенія несомнѣнно постараются использовать, вновь проведя въ Думу революціонные элементы. Новый избирательный законъ, значительно ослабившій вліяніе на выборы крестьянства, такъ легко вводимаго въ обманъ несбыточными обѣщаніями, предоставилъ полную возможность культурнымъ, устойчивымъ классамъ населенія занять господствующее положеніе въ новой Г. Думѣ. Но, разумѣется, для этого необходимо активное участіе въ выборахъ самихъ культурныхъ избирателей.

Среди избранныхъ въ настоящее время уполномоченныхъ, по свѣдѣніямъ оффиціального атенства,—насчитывается лѣвыхъ — 3544, правыхъ—8306 и неизвѣстныхъ 13152.

Но главная роль на выборахъ по новому избирательному закону предоставлена крупному землевладѣнію; и если среди уполномоченныхъ отъ мелкаго землевладѣнія и собственности насчитывается такой значительный процентъ правыхъ, то думается, что въ соединеніи съ крупнымъ землевладѣніемъ,—будутъ

обезпечены надежды на третью Г. Думу, вполне благонамѣренную по составу въ большинствѣ своихъ членовъ.

Духовенство, проявившее такую энергію въ первой стадіи выборовъ—на избирательныхъ сѣздахъ,—думается, приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы и въ послѣдующихъ двухъ стадіяхъ, избраны были дѣйствительно лучшіе люди, согласно Высочайшей волѣ, выраженной въ манифестѣ 3 іюня.

Духовенству нужно помнить, что исполняя въ данномъ случаѣ гражданскій долгъ предъ Государемъ и родиной, оно, дѣятельнымъ участіемъ въ выборахъ, направленнымъ къ обезпеченію благонамѣреннаго состава будущей Думы, обезпечиваетъ въ то же время скорый созывъ церковнаго собора. И прежде неоднократно высказывалось, и въ настоящее время, по сообщеніямъ печати, «церковный соборъ будетъ созванъ только въ томъ случаѣ, если третья Дума окажется въ большинствѣ своихъ членовъ не — оппозиціонной, ибо только въ такомъ случаѣ можно надѣяться на принятіе Думой тѣхъ рѣшеній собора, которыя необходимо будетъ провести въ законодательномъ порядкѣ». („Подолія“).

Архіерейскія богоелуженія.

26-го сентября, въ день св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершалъ литургію въ Іоанно-Богословской церкви Харьковской духовной семинаріи въ сослуженіи о. ректора семинаріи протоіерея Алексѣя Юшкова, предсѣдателя совѣта епархіальнаго женскаго училища протоіерея о. Іоанна Пичеты, ключаря собора протоіерея Іоанна Гончаревскаго, протоіерея Благовѣщенской церкви о. Васвлія Борисоглѣбскаго, священника Озерянской церкви о. Михаила Юшкова и духовника семинаріи священника о. Стефана Крохатскаго. Пѣлъ хоръ воспитанниковъ семинаріи. Проповѣдь была сказана преподавателемъ семинаріи Г Чвстосердовымъ.

Въ тотъ же день Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, совершалъ литургію въ Іоанно Богословской церкви Харьковскаго духовнаго училища въ сослуженіи протоіерея о. Василя Добровольскаго, священника о. Г. Виноградова, священника о. Іоанна Петровскаго и священника о. Флппа Пестрякова.

— 30-го сентября, въ воскресенье, при громадномъ стеченіи народа и прекрасной погодѣ совершенно перенесеніе чудотворнаго образа Озерянской Божіей Матери изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ. Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній и Преосвященный Епископъ Евгеній встрѣтили икону при Озерянской церкви, что на Холодной горѣ, и затѣмъ слѣдовали съ крестнымъ ходомъ до Покровскаго монастыря и въ мѣстахъ остановокъ осѣняли образъ народъ.

Въ тотъ же день въ 6 час. вечера оба Архипастыря совершали всеобщее одѣніе въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

— 1 го октября, въ день Покровы Пресвятыя Богородицы, Его Высокопреосвященство совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Епископомъ Евгеніемъ, архимандритами: Вассіаномъ, Іосифомъ, Ананасіемъ и Аркадіемъ, протоіереемъ о. Тимоѣемъ Буткевичемъ, ректоромъ семинаріи протоіереемъ о. Алексѣемъ Юшковымъ, протоіереемъ о. Іоанномъ Пачетой, ключаремъ собора протоіереемъ Іоанномъ Гончаревскимъ и іеромонахами: Іосифомъ и Николаемъ. За литургіей была сказана проповѣдь священникомъ о. Петромъ Скубачевскимъ. Послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ съ Озерянской иконою на соборную площадь, гдѣ на особомъ возвышеніи былъ отслуженъ молебень Божіей Матери съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору в Царствующему Дому. Молебень этотъ былъ отслуженъ по желанію Харьковскаго Союза русскаго народа, такъ какъ Покровъ Пресвятыя Богородицы есть праздникъ всѣхъ монархическихъ организацій. Въ крестномъ ходѣ были неслы хоругви Русскаго союза, Русскаго собранія и разныхъ отдѣловъ Русскаго союза. На соборной площади къ крестному ходу присоединился крестный ходъ изъ кафедральнаго собора съ иконою Елецкой Божіей Матери. Служеніе это привлекло на Университетскую улицу и Соборную площадь массы народа. На молебнѣ присутствовалъ г. генераль-губернаторъ.

— 5-го октября, въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященный Евгеній Епископъ Сумскій въ сослу-

женіи архимандритовъ: Аѳанасія и Аркадія, кафедральнаго протоіерея о. С. Любичаго, ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго и священниковъ: о. Г. Виноградова и о. Л. Твердохлѣбова. Послѣ литургій былъ отслуженъ молебень. Соборъ былъ переполненъ молящимся, на богослуженіи присутствовали: генераль-губернаторъ, корпусный командиръ и многіе представители военнаго и гражданскаго вѣдомства.

— 7-го октября, въ воскресенье, Его Высокопреосвященство изволилъ служить въ Омовскомъ Успенско-Серафимовскомъ женскомъ монастырѣ по случаю освященія новоустроеннаго соборнаго храма въ этомъ монастырѣ. Въ 8 час. утра Его Высокопреосвященство, въ сопровожденіи монахинь и сослужащихъ, прослѣдовалъ „со славою“ изъ игуменскихъ покоевъ въ новый храмъ и, по облаченіи, совершилъ чинъ освященія храма и затѣмъ литургію. Въ сослуженіи участвовали: архимандриты Вассіанъ и Аѳанасій, ключарь протоіерей І. Гончаревскій, благочинный протоіерей о. Михайлъ Чернявскій, помощникъ благочиннаго священникъ о. Алексѣй Оптовцевъ, предсѣдатель уѣднаго отдѣленія училищнаго совѣта священникъ о. Александръ Субботанъ, уѣдныи наблюдатель школы священникъ о. Василій Масловъ, монастырскій священникъ о. Іосифъ Васютинъ и сосѣдніе священники: Антоній Васютинъ, Петръ Макаровскій, Флѣппъ Галуновъ и Митрофанъ Смирнскій. За литургіей Владыка сказалъ проповѣдь, въ которой отмѣтилъ заслуги усопшаго протоіерея Тимофея (Раздобарова), основавшаго обитель и снабдившаго ее необходимыми средствами, и супругу его, нынѣ игуменію Меланію, продолжающую дѣло своего супруга и малыми лептами собравшую средства къ сооруженію величественнаго храма. Далѣе Владыка говорилъ о значеніи христіанскаго храма, объ обязанности монашествующихъ привлекать въ свой храмъ вѣрующахъ, питать ихъ духовно и совершеніемъ богослуженія съ подобающимъ благолѣпіемъ и примѣромъ своей доброй жизни вести вѣрующахъ ко спасенію. Всѣхъ же православныхъ Владыка призывалъ, въ виду испытываемыхъ и угрожающихъ бѣдствій, къ покаянію, исправленію и молитвѣ. Богослуженіе сопровождалось прекраснымъ пѣніемъ двухъ хоровъ монахинь. Торжество это привлекло въ малую пустынную обитель нѣскольго тысячъ богомольцевъ изъ окрестныхъ жителей, такъ что ни храмы монастырскіе, ни жилища зданія монастыря не могли ихъ вмѣстить.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковского Епархіального Женскаго Училища.

16-го сего сентября, въ воскресенье, божественную литургію въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ изволилъ совершать Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Прибывъ въ училище въ 9 ч. утра, Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ о. предсѣдателемъ Совѣта, начальницей училища, училищной корпораціей и направился въ церковь. Хоръ воспитанницъ въ это время исполнялъ: »Отъ востокъ солнца до западъ буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка» и задостойникъ Св. Кресту: «Тавръ есв Богородице рай»...

Въ служеніи литургіи участвовали: членъ Государственнаго Совѣта, профес. прот. Т. И. Буткевичъ, предсѣдатель Совѣта училища, прот. І. Хр. Пичета, ключарь собора, прот. І. Н. Гончаревскій и инспекторъ классовъ, свящ. І. С. Котовъ. Пѣли воспитанницы старшихъ классовъ на два хора. Въ концѣ литургіи Его Высокопреосвященство обратился къ воспитанницамъ съ назидательнымъ словомъ¹⁾. По окончаніи литургіи, Его Высокопреосвященство преподалъ благословеніе корпораціи и каждой воспитанницѣ, а затѣмъ направился въ квартиру начальницы.

Въ 1 часу въ залѣ училища состоялся актъ, на которомъ, на основаніи постановленія педагогическаго Совѣта, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 6 іюня сего года, лучшимъ воспитанницамъ по успѣхамъ и поведенію—58 розданы были Его Высокопреосвященствомъ похвальные листы. Послѣ роздачи похвальныхъ листовъ о. предсѣдатель Совѣта обратился къ воспитанницамъ съ краткою рѣчью, въ которой сказалъ, что Его Высокопреосвященство, неуспно заботясь о благѣ училища, въ особенности о бѣдныхъ воспитанницахъ—сиротахъ, изволилъ пожертвовать на нихъ сторублевую ренту, что съ прежде пожертвованными Владыкою 400 рублями составляетъ 500 руб., проценты съ которыхъ выдавались и выдаются бѣднымъ воспитанницамъ—сиротамъ при окончаніи курса. Кромѣ сего Его Высокопреосвященство изволилъ пожертвовать въ пользу Братства Св. Варвары при учи-

1) Это слово Его Высокопреосвященства было напечатано въ № 18 ж. «В. и Р.» за с. г.

лицѣ на бѣдныхъ воспитанницъ 150 рублей. За такую благовнимательность Владыки къ училищу о. предсѣдатель предложилъ воспитанницамъ пропѣть любвеобильному и благостному Архипастырю «многая лѣта», что ими и было исполнено. Его Высокопреосвященство благодарилъ воспитанницъ и пожелалъ имъ провести наступившій учебный годъ такъ же успѣшно, какъ онѣ провели прошедшій. Въ концѣ акта воспитанницы пропѣли: «Достоинъ есть» и «Боже, Цари храни». Во 2-мъ часу поколудни Его Высокопреосвященство отбылъ изъ училища.

Инспекторъ классовъ, свящ. Иоаннъ Котовъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Схема проекта по учрежденію Хозяйственнаго Центрального Управленія Екатеринославской епархіи.

Духовенство Екатеринославской епархіи, въ лицѣ своихъ епархіальныхъ съѣздовъ, вѣдаетъ всѣ средства содержанія епархіальныхъ учреждений и учебныхъ заведеній, свѣтной заводъ, пенсіонно-вспомогательную кассу и др. и поставяетъ свои рѣшенія по тому или другому поводу. Но съѣздъ духовенства, какъ періодическій, не можетъ слѣдить, чтобы постановляемые имъ рѣшенія приводились въ исполненіе точно и скоро. Вслѣдствіе этого бываетъ то, что рѣшенія съѣздовъ не исполняются надлежащими учреждениями, деньги по смѣтнымъ обозначеніямъ тратятся часто непроизводительно, а крупныя работы по постройкамъ производятся непростительно-небрежно и т. п., и т. п.

Все это говоритъ за то, что епархіальному духовенству необходимо имѣть въ городѣ Екатеринославѣ *особозъ Управленіе съ приличными окладами*, не связаннаго никакой другой службой, ваковыя лица могли бы отдать всю свою энергію на пользу епархіал. учреждений и на заботу вообще объ интересахъ духовенства епархіи.

Затраты на это дѣло, какі бы значительны онѣ ни были, съ избыткомъ покроются выгодами, получаемыми духовенствомъ отъ существованія Управленія, всегда бодрствующаго на стражѣ интересовъ духовенства епархіи.

Проектъ. 1. Въ г. Екатеринославѣ, съ благословенія и утвержденія Его Преосвященства, учреждается „Хозяйственное Центральное Управление Екатериносл. епархіи 2. Управление состоитъ изъ председателя и двухъ членовъ и канцеляріи ихъ. 3. Управление избирается изъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, съ высшимъ или среднимъ образованіемъ, епарх. съѣздомъ и утверждается Его Преосвященствомъ (сначала, въ видѣ опыта, на 1 годъ), съ окладами: председателю 2400 р., двумъ членамъ по 1800 руб., канцеляріи 500 р. 4. Вся дѣятельность Управленія протекаетъ подъ архипастырскимъ попечительствомъ Его Преосвященства. 5. Направленіе дѣятельности Управленія и матеріалы для его работы даетъ епарх. съѣздъ, каковому Управление и даетъ отчетъ о своей дѣятельности. 6. Управление сносятся непосредственно съ мѣстными епарх. учрежденіями, а письменно черезъ городского благочиннаго или черезъ Духовную Консисторію, если невозможно имѣть присвоенную печать. 7. Члены Управленія суть непремѣнные члены Правленій епарх. учреждений—по указанію епарх. създа, если они состоятъ въ санѣ священника.

Дѣятельность Управленія. 1. Управленію принадлежитъ общее наблюденіе за операціями свѣчнаго завода, о наибольшемъ распространеніи восковыхъ свѣчей завода, открытіе новыхъ свѣчныхъ лавокъ и складовъ, возбужденіе черезъ повѣреннаго законныхъ преслѣдованій фальсификаторовъ, свѣчныхъ заводчиковъ и лавочниковъ. 2. Управление завѣдываетъ общеепарх. суммами и взносами, распредѣляетъ ихъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ, сообразно ихъ смѣтамъ и потребностямъ, для чего, *при посредствѣ Духовной Консисторіи*, открываетъ въ Государственномъ банкѣ спеціальныи текущій счетъ. 3. Оно наблюдаетъ за цѣлесообразнымъ исполненіемъ денежныхъ смѣтъ по содержанію епарх. учреждений и учебныхъ заведеній, ихъ постройкамъ и ремонту. 4. Оно подготавливаетъ всѣ матеріалы для епарх. създовъ и излагаетъ письменно или устно на създѣ свои предположенія объ улучшеніи епарх. хозяйства: заботится о проведеніи въ жизнь постановленій създовъ, даетъ печатные отчеты о движеніи общеепарх. суммъ, знакомитъ духовенство путемъ печати объ исполняемыхъ имъ порученіяхъ създовъ и о вновь возникающихъ нуждахъ епархіи.

Участіе въ обсужденіи этой схемы духовенства, какъ путемъ печатнаго слова, такъ и обсужденіемъ его на окружныхъ създахъ, поможетъ создать вѣчто болѣе отрадное и опредѣленное („Екатер. Еп. Вѣд. № 21, 21 іюля т. г.).

Поднятіе авторитета священника въ приходѣ.

Калужское епархіальное пастырское собраніе вопросъ о томъ, что можетъ содѣйствовать возвышенію авторитета пастыря, разрѣшило слѣдующимъ образомъ. Это—1) строгое исполненіе обязанностей и въ частности благоговѣйное, неспѣшное совершеніе богослуженія; 2) добрая жизнь пастыря и его семейныхъ, не подающая повода къ осужденію и соблазну; 3) нестяжательность пастыря въ смыслѣ воздержанія отъ всѣхъ видовъ излишней требовательности и вымогательства; 4) обходительное, ласковое и участливое отношеніе къ прихожанамъ и, наконецъ, 5) дѣятельная помощь въ народной нуждѣ, врачебная помощь и т. п.

Новый порядокъ отправленія богослуженія во Франціи

Такой порядокъ отправленія богослуженія, созданный закономъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства, вступилъ во Францію въ силу на-дняхъ. Такъ какъ духовенство отказалось организовать вѣровсповѣдныя ассоціаціи, предусмотрѣнныя названнымъ закономъ, то богослуженіе могло совершаться только на основаніи закона о публичныхъ собраніяхъ. Послѣднія могутъ совершаться только подъ условіемъ предварительнаго увѣдомленія властей, но духовенство отказалось дѣлать какія-либо заявленія администраціи. Въ виду этого почти всѣ богослужебныя собранія, происходившія послѣ 28 ноября, были объявлены незаконными и ихъ устроителя привлечены къ отвѣтственности. Въ Парижѣ изъ 71 католическихъ церквей только 2 сдѣлали необходимыя заявленія властямъ а въ остальныхъ богослуженіе сопровождалось составленіемъ полицейскихъ протоколовъ. Въ каждую изъ этихъ церквей былъ командированъ полицейскій чиновникъ въ цивильномъ платьѣ съ цѣлью удостовѣриться, происходить ли въ ней публичное собраніе, и записать имя лица, совершающаго богослуженіе. Послѣднее оказалось дѣломъ не легкимъ, такъ какъ приходяне зачастую отказывались назвать имя священника. Гораздо было легче установить самую наличность публичнаго собранія по слѣдующимъ при-

звѣкамъ: 1) открытыя двери въ церковь, 2) присутствіе значительнаго количества вѣрующихъ, и 3) многократное обращеніе священника къ присутствующимъ съ латинскими словами, какъ-то: *in nomine Patris, Domini us vobiscum* и т. п. Къ 11 часамъ утра (30 ноября) были составлены 69 протоколовъ, которые и переданы судебной власти.

Новый режимъ во Франціи, обусловленный закономъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

Такой режимъ вступилъ во Францію въ силу 11 декабря (н. ст.). Копипеть министровъ собравшись въ этотъ день въ Елисейскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Фальера, приступилъ къ обсужденію мѣръ, необходимыхъ для осуществленія этого закона. Совѣтъ министровъ одобрилъ слѣд. предложенія, сдѣланныя министромъ исповѣданій: 1)—отмѣна пенсій и жалованья въ извѣстныхъ случаяхъ, 2)—немедленная ликвидация церковной собственности, 3)—передача священническихъ домовъ, епископскихъ резиденцій и зданій, занятыхъ семинаріями, государству, департаментамъ и общинамъ, 4)—предупрежденіе возможности избѣгнуть дѣйствія закона. Выработанныя мѣры будутъ немедленно представлены на одобреніе парламента. На этомъ же засѣданіи постановлено, что молодежь, принадлежащая къ составу духовенства, не обладающая удостовѣреніями отъ ассоціаціи культа, — освобождающимися отъ воинской повинности, — должна получить приказъ присоединиться къ полкамъ около 7 января. Эта мѣра касается пяти съ половиною тысячъ студентовъ духовныхъ учебныхъ заведеній.

Удивительные урожаи.

—Въ мѣстѣчкѣ Мурафѣ, Подольской губ., г. Мороховичъ вычиталъ, какъ японцы культивируютъ пшеницу и какой у нихъ бываетъ урожай. Желая убѣдиться, примѣнимъ ли ихъ способъ обработки земли и у насъ съ тѣми же послѣдствіями, Мороховичъ въ сентябрѣ 1905 года засадилъ (а не засѣялъ) участокъ земли, изрыхливъ предварительно такую руками, по—японски, отборною рожью на разстояніи 4 вершковъ отъ одного зерна до другого. И что же теперь оказалось? Каждое зерно дало кустъ въ 10—35 стеблей со столькими же колосьями: въ каждомъ изъ послѣднихъ находятся 30—40 зеренъ, т. е. средній урожай получился самъ шестьсотъ! Чтобы наглядно убѣдить крестьянъ, особенно мало-земельныхъ, въ великомъ преимуществѣ этого способа обработки

(взрыхленіе земли, посадка на ней отборныхъ зеренъ въ 4—вершковомъ разстояніи одного отъ другого в все руками), г. Мороховичъ выставилъ кусты вмѣстѣ съ землей, въ которой они коренились, въ 6 волостяхъ, съ предложеніемъ имсарямъ и старшинамъ объяснить Крестьянамъ, какимъ образомъ получился такіа чудеса. Если на это обратить вниманіе хоть 1 проц. земледѣльческаго населенія на первое время, то не испытанный до сихъ поръ способъ обработки окажетъ великое благодѣяніе; при немъ не можетъ быть, чтобы нижняя часть стебля вырѣла (подгнила) отъ тѣсноты и пр.

Такими же опытами и изслѣдованіями съ научною обоснвою много лѣтъ (около 10) занимается дръ Картамышевъ, живущій при ст. Перово Моск.-Каз. ж. д. (тамъ его все знают), охотно дѣлящійся своими опытами и наблюденіями со всеми проходящими къ нему крестьянами и интеллигенціей. Сущность его метода: около Ильина дня онъ высеиваетъ сѣмена озимыхъ хлѣбныхъ злаковъ на грядки, гдѣ они проростають, и затѣмъ эти сѣянцы (а не зерна) онъ рассаживаетъ по культурной площади. Урожай до самъ 900—1. 200. Количество стеблей въ среднемъ 27. Г. Картамышевъ искренно преданъ этому дѣлу и думается, что онъ не откажетъ отвѣтить, кто къ нему обратиться, тѣмъ болѣе, что результаты его наблюденій сводятся въ систему и печатаются въ спеціальныхъ изданіяхъ (Вят. Еп. Вѣд.).

Патріаршій даръ Государю Императору.

Въ засѣданіи константинопольскаго синода было постановлено обратиться съ поздравленіемъ къ Государю Императору по случаю избавленія отъ опасности. Одновременно патріархъ посылаетъ Государю икону св. Николая Чудотворца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АРХИТЕКТОРЪ

ИСПОЛНЯЕТЪ ДЕШЕВО, ХОРОШО И БЫСТРО СЛѢДУЮЩІЯ РАБОТЫ:

Составленіе проектовъ, смѣтъ на постройку камен., дерев. церквей, молитвенныхъ домовъ, иконостасовъ, дачъ сельскихъ и друг. построекъ.

Беретъ на выстройку съ гарант. по желанію на всемъ своемъ матер., всевозможныя строительныя работы. Полную и частичную роспись церквей. Сушеніе сырыхъ помященій стоек. разн. сист.

Судебная и частная экспертиза. Безплатно техническія совѣты и разъяснен. сомнительн. устав. строит.

Г. Славянскъ, Дворянская улица, домъ архитектора М. Ф. Марикалѣнина.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руць“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній. Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣтъ Константинъ ИСТОМИНЪ.